А.А.Юшко

МОСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

IX-XIV веков

Академия наук СССР
Институт археологии

А.А.Юшко

МОСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ IX-XIV **веков**

Москва «Наука» 1991

Ответственный редактор
Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

Рецензенты:
доктор исторических наук Л. В. АЛЕКСЕЕВ,
доктор исторических наук Б. А. ТИМОЩУК

На переплете:

1- я полоса: Московский Кремль при Иване Калите.
С картины Ап. Васнецова.
2- я полоса: Сергий Радонежский благословляет князей Дмитрия и Владимира на битву. Миниатюра из кн.: Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII в. из собрания Г ИМ. М., 1980.

Ю 96 **Юшко** А. А. Московская земля IX—XIV вв.
М.: Наука, 1991. - 200 с.
ISBN 5-02-009457-9

В книге подводятся итоги изучения археологических памятников на территории Московской земли, вошедшей в 30-е годы XIV в. в состав Московского княжества Ивана Калиты. Позже эта территория стала ядром Русского централизованного государства. Для выяснения политической истории региона привлечены сведения летописей, духовных и договорных грамот великих и удельных князей. На основании археологических данных выделены периоды освоения территории древнерусским населением.

Для археологов, этнографов, историков.

0504000000-И 4
042(02)-91 130-90-11 полуг.

ББК 63.4

ISBN 5-02-009457-9

© Издательство «Наука», 1991

Памяти матери своей,
Шатиной Софьи Николаевны,
безвременно ушедшей из жизни,
посвящает автор эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена изучению того региона, который явился ядром Русского централизованного государства. Термина «Московская земля» в ранних источниках нет, и исторически этого понятия не существовало, поскольку Москва в домонгольский период выполняла функции рядовой сторожевой крепости на окраинах Владимиро-Суздальского княжества и не являлась политическим и экономическим центром территории.

Своеобразие политической истории изучаемого региона заключается в том, что во второй половине XII в. здесь происходил процесс сложения государственности (оформления границ отдельных княжеств), а впоследствии вся эта земля оказалась поделенной между крупнейшими соседними княжествами — Рязанским, Ростово-Суздальским, Черниговским и Смоленским. Этот дележ стал возможным именно вследствие определенной экономической отсталости и политической обособленности «Лесной земли» вятичей, не имевшей своего экономического центра, да и все города на этой территории, как мы увидим ниже, возникали в качестве оборонных центров на окраинах соседствующих княжеств, стремившихся укрепить и расширить свои границы.

И тем не менее именно с этой территории начался процесс сложения Московского великого княжества и Русского централизованного государства. Начало его относится к XIV в., и этот период жизни Московского княжества в значительной мере освещен письменными источниками, позволяющими проследить бурный экономический рост княжества, обеспеченный прежде всего колоссальным притоком людских ресурсов, те сложные нюансы умелой политики первых московских великих князей, которые обусловили успех объединительной тенденции.

Однако в чем же предпосылки этого процесса? Письменные источники здесь скудны и ограничены. Сведения о вятичах и кривичах проникают на страницы летописей, как правило, лишь в связи с военными и политическими действиями тех или. иных князей. В связи с этим на первое место выступают археологические данные. Необходим анализ этих данных, направленный на выявление исторических закономерностей процесса формирования Московского княжества. Этот анализ мы пытались проделать в предлагаемой работе. При этом термин «Московская земля», выне-

сенный в название работы, имеет чисто географический смысл: предметом изучения является та территория, которая в 30-е годы XIV в. вошла в состав Московского княжества Ивана Калиты.

Хронологически работа не выходит за рамки XIV в., ибо с XV в. археологические источники становятся менее показательными в сравнении с письменными, среди которых особенно массовым является актовый материал.

Работа выполнена в отделе славяно-русской археологии Института археологии АН СССР. Автор выражает благодарность всем коллегам за высказанные замечания и пожелания.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Предваряя исследование, заметим, что определение территории княжества Ивана Калиты является специальной темой, и ей посвящена значительная литература [1]. Здесь отметим лишь, что границы Московского княжества 30-х годов XIV в. простирались от Дмитрова на севере до р. Оки на юге, от Можайска на западе до устья р. Дрезны, правого притока р. Клязьмы, на востоке [2]. Территория эта составляет около 21,3 тыс. кв. км, что чуть меньше половины такого государства XIV в., как Чехия.

По строению рельефа все это пространство может быть подразделено на три зоны[3] (рис. 1). Севернее Москвы тянется Клинско-Дмитровская гряда, представляющая собой водораздел между бассейнами Верхней Волги и Оки и составляющая часть Смоленско-Московской возвышенности. Она имеет плоско-волнистый рельеф, однако северный ее склон крутым уступом падает к Верхне-Волжской низменности.

К югу от Москвы тянется Москворецко-Окская равнина \ крайнюю северную часть которой занимает останец коренного рельефа — Теплостанская возвышенность с сильно рассеченным рельефом. Граница этой возвышенности оконтуривается горизонталью в 200 м. С нее берет начало большое число малых рек Подмосковья: Битца, Сосенка, Городенка и др., которые создают ту пересеченность рельефа, которая в наибольшей мере, очевидно, способствовала оседанию здесь населения. Во всяком случае, именно на эту зону приходится наибольшая плотность археологических памятников конца XI—XIV в.

Юго-восточная часть изучаемого региона занята низменным пространством, которое постепенно переходит в обширную Мещерскую низину, в юго-восточной своей части заболоченную. Плотность населения здесь в древности была невысокой, впрочем, как и сейчас.

Проникновению славянского населения на эту территорию в значительной степени способствовала развитая речная система с преобладанием широтного направления стока вод. Три основные реки региона — Клязьма, Москва и Ока текут либо с запада на восток, либо с северо-запада на юго-восток, имея преимущественно левые (северные) притоки вследствие общей покатости поверхности по направлению к югу.

Почти на всей изучаемой территории, за исключением небольших участков песчаных или моренных равнин, преобладают почвы, относящиеся к типу подзолистых, сформировавшихся на тяжелых и средних суглинках.

Что же касается лесных массивов, то их территория и состав лесных пород претерпевали весьма существенные изменения. Первое наступление

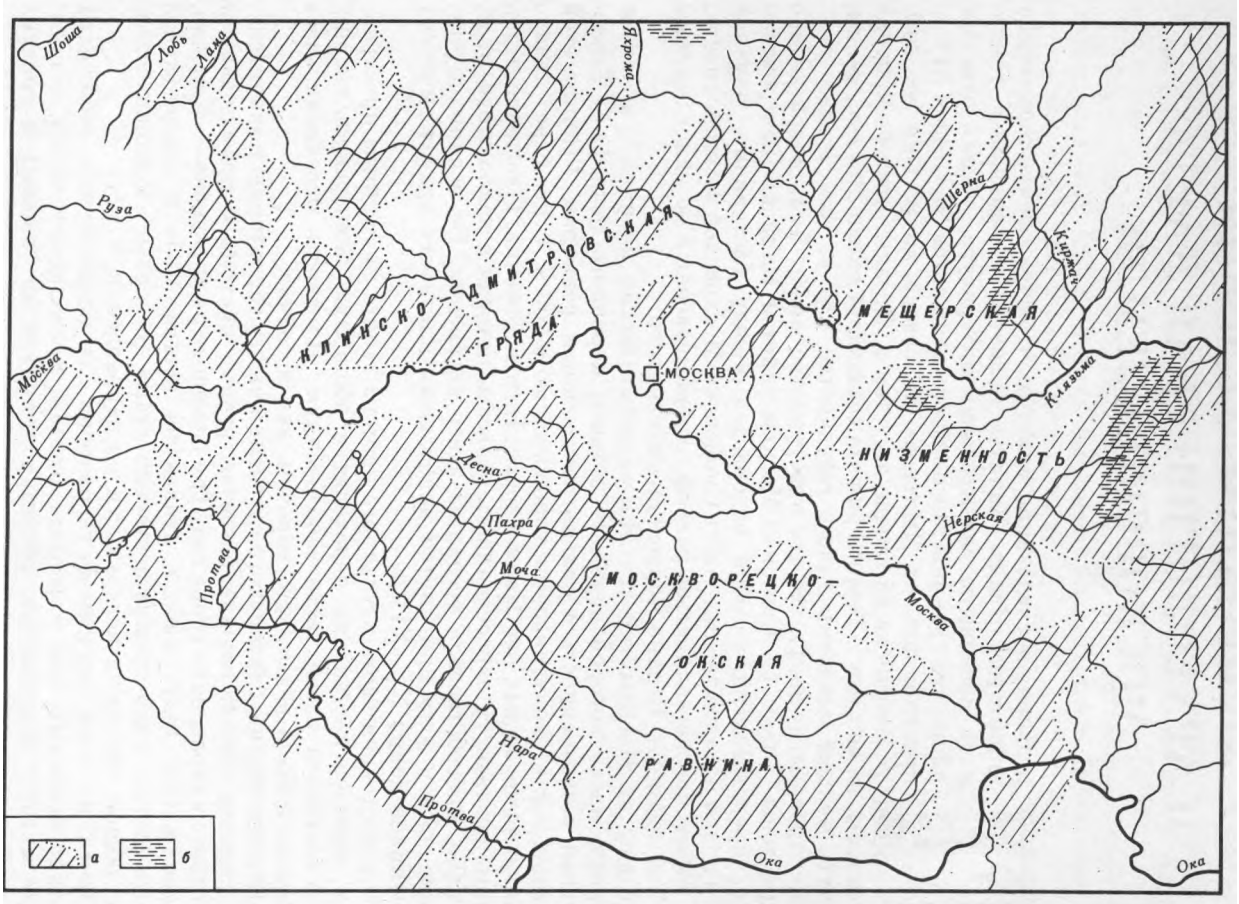


Рис. 1. Физико-географические зоны и леса Подмосковья

на леса было связано с начальным этапом расселения славян в Подмосковье. Безусловно, первоначально для жилья выбирались прибрежные террасы и пойменные плодородные луга, свободные от леса (что подтверждает археологическая карта). Но как только речные долины с их аллювиальными почвами были освоены, началось новое наступление на леса, что относится к XIV в., когда наблюдается сильный приток населения на территорию княжества. «Есть множество указаний, — писал С. Б. Веселовский, — что вторая половина XIV в. и почти весь XV в. были временем наиболее интенсивного истребления лесов в средней полосе Руси» [5]. Истребление лесов происходило и в последующие годы.

Все это делает совершенно невозможным восстановление первоначальной картины размещения лесных массивов в центральных районах. Не так давно в Библиотеке им. В. И. Ленина М. А. Цветковым была обнаружена древнейшая рукописная карта лесов, составление которой исследователь относит к 1840—1841 гг.[6] Но эта карта, так же как и другие рукописные карты лесов, имеет слишком мелкий масштаб, чтобы ею можно было воспользоваться для целей нашей работы. Поэтому воспользуемся ретроспективной картой залесенности территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, составленной А. А. Потуловым для одного из выпусков «Трудов ГИМ» [7] с корректировкой по достаточно крупномасштабной карте издания 1918 г.*

Если сопоставить полученную карту лесов с картой плотности археологических памятников (рис. 2), то удается проследить определенную закономерность между отсутствием археологических памятников и наличием массивов леса. Так, массивам Звенигородских лесов, лесов в междуречье Истры и верховьев Клязьмы, бассейна среднего течения р. Нары соответствует полное отсутствие памятников археологии в этих местах. Большим массивам лесов и болот в восточных районах княжества соответствует малая заселенность левых притоков нижнего течения р. Москвы.

Уместно напомнить, что изучение археологических памятников Подмосковья насчитывает уже более чем 150-летнюю историю — со времени первых раскопок вятичских курганов А. Д. Чертковым в 1838 г.[8] 40 лет спустя предпринимаются первые попытки составления сводки курганных могильников Подмосковья [9]. В 20-е годы нашего столетия С. К. Богоявленским была составлена новая сводка, попавшая в печать лишь в 1947 г.[10] В нее были включены сведения не только о курганах, но и о городищах, а также о находках отдельных вещей. Однако сводка отличалась краткостью, в нее попадали данные непроверенные и часто неточные.

В предвоенные и послевоенные годы большую работу по составлению археологической карты Москвы и ее ближайших окрестностей проделал О. Н. Бадер [11]. Учитывая, что в процессе современного строительства памятники археологии исчезают бесследно, ценность сведений О. Н. Бадера имеет огромное значение, поскольку значительная часть памятников была непосредственно обследована автором, дано их подробное описание, планы и приведены материалы шурфовок.

В 50 — 60-е годы появляются сводки археологических памятников, включающие и территорию Подмосковья [12].

* Специальная карта Европейской России, изданная в 1918 г. Масштаб 10 верст в дюйме.

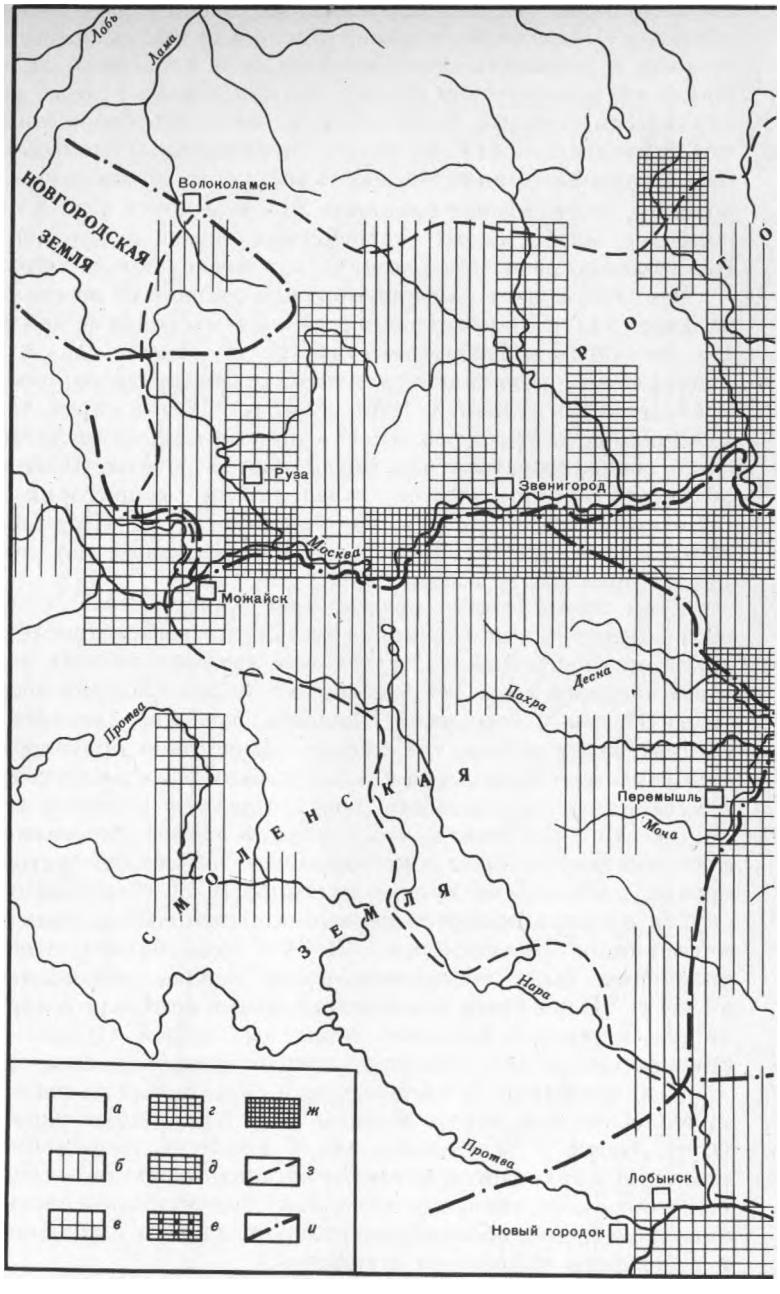
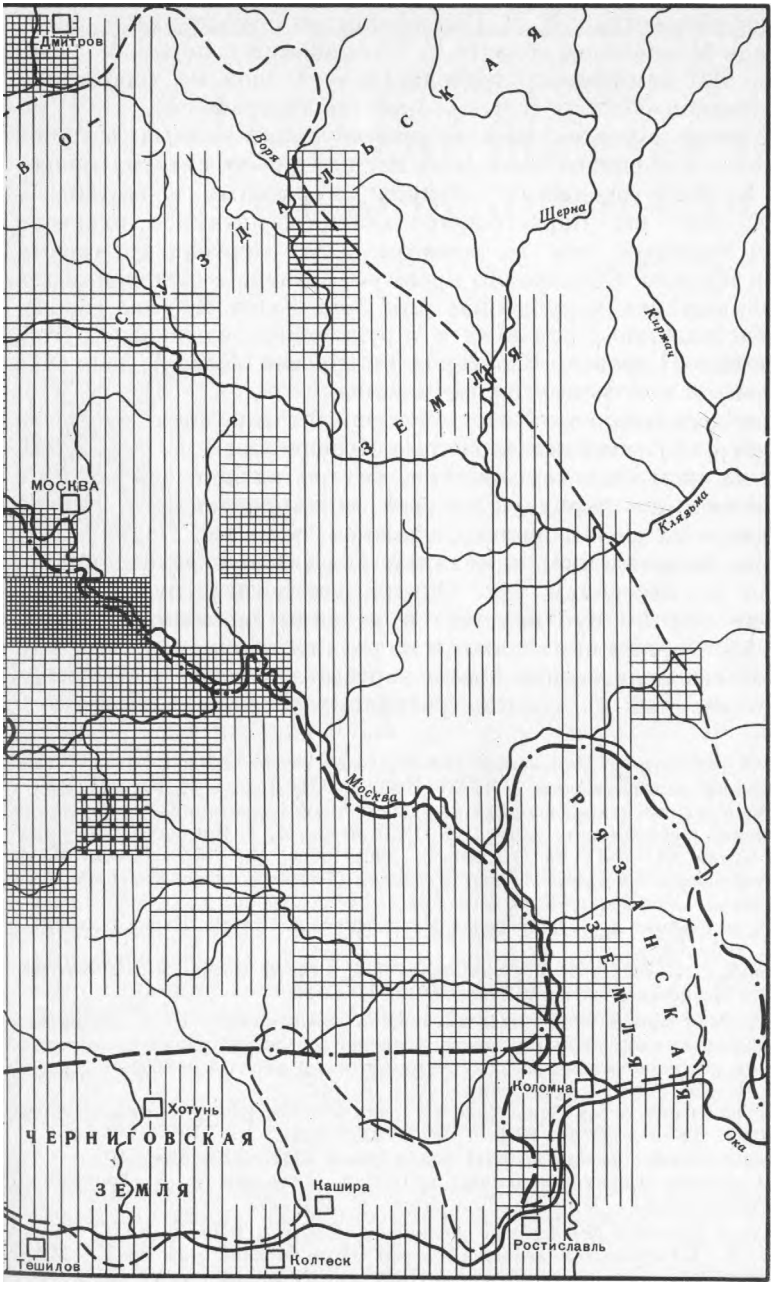


Рис. 2. Плотность археологических памятников XI—XIV вв.

а - отсутствие памятников на 100 кв. км; 6 - 1-5 памятников на 100 кв. км; в - 6-10 памятников на 100 кв. км; г 11 15 памятников на 100 кв. км; д — 16 — 20 памятников на 100 кв. км; е — 21__ 25 памятников на 100 кв. км; ж — 26—30 памятников на 100 кв. км; з — здесь и на всех остальных



картах приблизительная граница Московского княжества около 1336 г; и — политические границы княжеств домонгольской поры.
Кружок (селище) или квадрат (городище) светлый — поселение домонгольского времени; кружок или квадрат темный — поселение XIV в.

В 1973 г. автор совместно с Р. Л. Розенфельдтом опубликовали новую сводку памятников Московской области [1 2 3 4 5 6 7 8 9 * 11 12 13]. Публикация содержала сведения о более чем 900 памятниках археологии всех эпох на территории 39 районов Московской области (с подробной библиографией).

В настоящей книге с учетом всех предшествующих данных, а также материалов разведок и раскопок последних лет нами были систематизированы сведения о 1350 городищах, селищах, курганных и грунтовых могильниках IX —XIV вв. Картографированием памятников охвачена территория, чуть большая, чем та, которая была очерчена границами княжества Ивана Калиты. Сделано это преимущественно в отношении тех районов, где размещались порубежные для 30-х годов XIV в. города, чтобы иметь представление о связи их с окружающей сельской округой. Это бассейн Протвы (Боровск, Вышгород на Протве, Верея), верховья Яхромы (Дмитров) и некоторые другие районы.

При нанесении памятников на карту все они были разбиты на шесть территориальных групп, имеющих буквенные обозначения А, Б, В, Г, Д и Е. Они образовали на карте прямоугольники, внутри каждого из которых памятники нанесены по порядку номеров в направлении с запада на восток и с севера на юг. Поскольку, основная часть рек Подмосковья течет в широтном направлении, памятники оказались перечисленными преимущественно по бассейнам рек. Однако ввиду перегрузки карты в целостном виде она не публикуется; в издании приводятся карты, составленные по категориям памятников и по различным хронологическим эпохам. Для удобства пользования этими картами приводится указатель памятников, составленный по административному делению 1977 г.

[1] *Деболъский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей XIV—XV вв. как историко-географический источник // ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. I, II. Кн. 5. С. 137—171; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929; *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли XII —XIV вв.//Автореф. канд. дисс. М., 1974; *Кучкин В. А.* Из истории средневековой топонимики Поочья (названия древних московских волостей) // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С. 175—181.

[2] Подробнее об этом см.: *Юшко А. А.* О пределах Московского княжества Ивана Калиты // СА. 1985. №2. С. 116-129.

[3] *Дик Н. Е., Лебедев В. Г., Соловьев А. И., Спиридонов А. И.* Рельеф Москвы и Подмосковья. М., 1949. С. 11 — 13; Московская область. Атлас. М., 1976. С. 20.

[4] Изучению природных условий этой зоны посвящена диссертация Л. Н. Пушковой *(Пушкова Л. Н.* Изменение природных условий Москворецко-Окской равнины под влиянием хозяйственной деятельности человека // Автореф. канд. дисс. М,, 1969).

[5] Архив АН СССР. Ф. 620 (С. Б. Веселовского). Д. 1. Л. 112.

[6] *Цветков М. А.* Первая карта лесов Европейской России и некоторые рукописные карты лесов XVIII в. // Тр. Ин-та леса. М., 1950. Т. V. С. 222—248.

[7] Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды РИМ. 1956. Вып. 32.

[8] *Чертков А. Д.* О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н. А. Толстого// Русский исторический сборник. М., 1839. Т. 3. Кн. 3. С. 264—292.

[9] *Саблин М. А.* Список курганов Московской губернии // ИОЛЕА. 1879. Т. XXXV.

[111] *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края // МИА. 1947. № 7. С. 168-178.

[11] *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы // МИА. 1947. № 7. С. 88—167.

[12] Очерки по истории русской деревни X—X111 вв. // Труды РИМ. 1956. Вып. 32; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. Карта №4.

[13] *Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А.* Список археологических памятников Московской области. М., 1973.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Крупной группой археологических памятников Московской земли являются неукрепленные поселения — селища. Вследствие ряда причин памятники этой группы изучены гораздо хуже любых других. Однако перспективность их изучения очевидна в связи с рассмотрением таких важных вопросов, как освоение территории славянским населением и выяснение направлений славянских миграционных потоков, зарождение и становление феодальных отношений и сложение различных форм феодального землевладения.

Отсутствие интереса со стороны как местного, так и общерусского официального летописания к рядовым сельским поселениям обусловило почти полное отсутствие сведений о них в летописных письменных источниках в домонгольский период. Для нас значительный интерес представляет ограниченный круг источников, связанных с оформлением земельных сделок и установлением даней на общинной, в том числе сельской территории в XII—XIII вв. К сожалению, эта группа источников охватывает в основном лишь сопредельные и удаленные от Московской земли территории. Речь идет о комплексе Уставных грамот Смоленской епископии XII—XIII вв. *; Новгородских грамот Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю и князя Всеволода — Юрьеву монастырю, передатированных В. Л. Яниным[2]; серии земельных актов Пскова, подтверждающих факт существования общинных, «смердьих» грамот, оформляющих земельные сделки сельской общины уже в домонгольский период [3]. Использование этого круга источников с привлечением археологических данных и с использованием методов исторической географии могло бы дать и дает интересные сведения для заключений о путях сложения различных форм землевладения в столь ранний период.

Для основной территории Московской земли источниками такого рода для домонгольского времени мы почти не располагаем. Вследствие этого единственным комплексом источников остаются археологические данные. Однако степень информативности археологической карты о сельских поселениях, очевидно, ниже, чем о городищах или курганных группах, поскольку обнаружение селищ связано с дополнительными земляными работами. Тем не менее в литературе и в архивных материалах имеются сведения о 164 селищах домонгольской поры.

История сельских поселений XIV в. на территории Московского княжества должна представлять самостоятельный раздел ввиду того, что

это период, когда на изучаемой территории начинается процесс сложения Русского централизованного государства. Экономические предпосылки этого процесса определялись прежде всего значительным притоком сюда населения из сопредельных и отдаленных княжеств. Причем контингент этих пришельцев был различен: среди них были представители высшего и среднего служилого боярства и даже княжеских родов, переселявшиеся нередко с большим числом зависимого от них населения [4], и, видимо, значительное число черносошных крестьян. Если первые получали большие земельные участки посредством княжеских пожалований, причем зачастую уже освоенные земли, то процесс расселения вторых на территории Московского княжества носил, очевидно, характер стихийных миграций в малоосвоенные, залесенные земли.

Сложение боярского и служилого землевладения, анализ географии размещения боярских вотчин и сел в XIV в. должен быть предметом специального изучения. Что же касается освоения новых лесных участков, данные о которых мог бы дать анализ географии рядовых селищ, возникших в XIV в., то здесь с сожалением следует констатировать, что имеющаяся археологическая карта не может в должной мере иллюстрировать этот процесс вследствие того, что селища XIV в., как правило, мало пользуются вниманием археологов, сведения о них далеко не полные, к тому же значительная часть их располагается на территории существующих доныне населенных пунктов. В тех редких случаях, когда проводились сплошные археологические обследования отдельных районов, плотность памятников XIV в. на вновь освоенных землях, впрочем, так же как и на обжитых, как мы увидим ниже, была достаточно высокой.

Ограниченность информаций о селищах XIV в. в значительной мере компенсируется данными письменных и некоторых других источников (актовый материал, духовные и договорные грамоты, данные топонимики). Использование именно этих видов источников помогает наметить пути решения сложных проблем, связанных со сложением феодального землевладения на территории княжества, и археологический материал в значительной мере является здесь вспомогательным и иллюстративным.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Историю археологического изучения раннефеодальной русской деревни можно начинать по существу лишь с послеоктябрьского времени — с 20—30-х годов. Причем пробуждение интереса к социологическим аспектам истории предопределило некоторое опережение обобщающих работ теоретического плана в сравнении с публикациями, содержащими информацию о накопленном фактическом материале. Вследствие этого археологические данные являлись в этих исследованиях лишь иллюстративным материалом. Речь идет о работах С. В. Киселева [5], А. В. Арциховского [6] и Н. Н. Воронина [7].

С. В. Киселев, давая общий исторический обзор поселений, в разделе об истории русской деревни писал, следуя принятой в то время точке зрения, о малодворности и даже однодворности древнерусских деревень.

В работе А. В. Арциховского археологические материалы были привлечены несколько шире, чем у С. В. Киселева. Впервые была предпринята

попытка исторической интерпретации этого материала. В частности, А. В. Арциховским был поставлен важный вопрос о феодальных замках, причем на примере подмосковных археологических памятников (Тушков городок).

Вопросам сельских поселений феодальной Руси Н. Н. Воронин посвятил специальную работу. На основе анализа преимущественно письменных источников исследователь впервые предлагает классификацию различных типов сельских поселений, таких, как «погост», «свобода» (слобода), «село» и «деревня». Поскольку содержание этих понятий, отражающих различные типы сельских поселений, в дальнейшем оказалось дискуссионным, а сам вопрос является достаточно принципиальным, необходимо остановиться на нем подробнее.

Н. Н. Воронин в понятие «погост» вкладывал двоякий смысл: «погостом» называлась, с одной стороны, определенная система поселения, а именно сельская община, и, с другой стороны, «погостом» же назывался определенный вид дани[8], причем погост как территориальная единица, согласно Н. Н. Воронину, восходит к дофеодальной территории волости — миру. Тем самым Н. Н. Воронин развивает тезис Н. П. Павлова-Сильванского об общинной основе древнерусского погоста [9].

К понятию «свобода» (слобода) Н. Н. Воронин подошел исторически, усмотрев в нем различное содержание для XI—XII и XIV—XV вв. Для древнейшего периода «свободы» — это поселки рабов на господской земле, для XIV—XV вв. — «поселки на владельческой пустой земле, получающие свое начало от руки феодала, сажающего на эту землю зависимых производителей, которым даются на первое время или постоянно льготы в отношении повинностей и несения тягла» .

«Село», согласно Н. Н. Воронину, как следует из летописных источников, выступает уже на ранних ступенях феодализма как поселение, принадлежащее феодалу, который ведет здесь свое хозяйство силами феодально зависимых людей.

Последняя глава работы Н. Н. Воронина посвящена раскрытию понятия «деревня» — термина, появившегося в источниках лишь в XIV в. Однако как форма поселения, «деревня», согласно Н. Н. Воронину, «существовала гораздо раньше, на дописьменном этапе истории, в форме поселения «семьи», ее двора и пашни на общинной земле, как хозяйственное целое в системе общины — погоста» ". С разложением же общинного землепользования деревня начинает «тянуть» к селу как владельческому поселению.

Год спустя после выхода в свет работы Н. Н. Воронина вышла в свет работа С. Б. Веселовского, посвященная историко-социологическому исследованию двух основных типов сельских поселений Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. — села и деревни. Однако в работе рассмотрены также и другие типы сельских поселений XIV—XVI вв. — такие, как слободы и погосты. Смысл последнего понятия раскрыт С. Б. Веселовским этимологически: погост — «место, где останавливались погостить приезжие торговые люди, а также князья на полюдье», и исторически: погосты как места княжеских остановок со временем получили значение определенных территориальных центров, куда свозилась дань. С принятием же христианства погосты стали и приходскими центрами с прилегающими к ним кладбищами [12].

Содержание понятия «слобода» в достаточной мере может быть определено по данным актового материала, а также духовных и договорных грамот князей, вследствие чего у С. Б. Веселовского, так же как у Н. Н. Воронина, слободы трактуются как поселения зависимых от княжеской власти людей (или одного человека), которые за предоставленные им льготы и выгоды осваивали пустыри и лесные массивы [13].

Древнейшее село, по С. Б. Веселовскому, приравнивается к владельческому двору, являясь «владельческим административно-хозяйственным центром». Малодворную деревню в один —три двора С. Б. Веселовский считал изначальным типом поселений XIV —XV вв., определяя ее как «комплекс хозяйственных угодий, представляющих в совокупности и в целом деревенский участок так, как он слагался в хозяйстве деревенщика» [14].

Спустя четверть века была опубликована статья Б. А. Романова, посвященная анализу указанных работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского, — статья, которая выходит за рамки обычной рецензии и приобретает значение самостоятельного исследования [15].

Комментируя выбор Н. Н. Ворониным лишь четырех основных типов сельских поселений, Б. А. Романов справедливо отмечает, что автор тем самым ограничил исследование, ибо источники знают и такие типы сельских поселений, как «дом—дым», «вервь», «волость», «печище», «починок» и др.

В главе, посвященной изучению погоста и его связи с общинной территорией, Б. А. Романов, привлекая данные писцовых книг, убедительно показывает динамику образования этой территориальной единицы, вследствие чего никаких следов «погоста как общинной территории» не остается; погосты, по Б. А. Романову, — феодальные церковные новообразования, с чем нельзя не согласиться. Справедливо замечание Б. А. Романова и о том, что термина «погост» как территориальной единицы в московских источниках нет, эквивалентным ему понятием является «волость» [16].

Тезис Н. Н. Воронина о том, что погостом назывался и определенный вид дани, отвергается Б. А. Романовым, который считает, что Н. Н. Воронин недостаточно критически использовал данные источников.

Согласно Б. А. Романову, «село» не только поселение, принадлежащее феодалу, который ведет здесь хозяйство. Среди летописных сел были села боярские, княжеские, церковные. Анализ же всех текстов с упоминанием термина «село», как полагает Б. А. Романов, позволил бы выявить не только феодальные села, но также села, принадлежащие свободной сельской общине и даже смердам [17] (применительно к Киевской земле).

Возражая С. Б. Веселовскому по поводу изначальности «деревенского» типа поселения в один—два двора, Б. А. Романов пишет: «Не с „деревни" начинается история человеческого поселения в любом незаселенном пункте Северо-Восточной Руси XIV — XVI вв. Она начинается либо с „займища*[1]», либо с „починка", в котором впервые и ставится крестьянский двор или даже два и более дворов». В целом работа Б. А. Романова ставит важные и принципиальные вопросы о соотношении сельской дофеодальной общины и ее территории с более поздним феодальным администра-

тивным делением, подчиненным интересам фиска. Интересна при этом судьба термина «погост», не имеющего никакой связи с дофеодальной общиной. Как территориальная единица погост фигурирует в источниках начала XVI в. лишь применительно к Новгородским и некоторым другим землям. На северо-востоке он возникает также в XVI в., но как пункт только церковный[18].

Начиная с 30-х годов шло накопление археологических данных о сельских поселениях В 1935 г., были опубликованы материалы работ сотрудников Академии истории материальной культуры на новостройках [19], в частности на строительстве канала Москва-Волга, когда было выявлено значительное число селищ, расположенных в зоне строительства канала.

В 1956 г. была предпринята первая попытка картографирования сельских поселений домонгольской поры лесной полосы Восточной Европы А. В. Успенской и М. В. Фехнер . Критическая оценка этой работы была сделана в свое время В. В. Седовым, отмечавшим спорность некоторых выводов авторов в отношении условности разделения поселений на городские и сельские, малодворности домонгольской деревни и др.[21] Справедливо мнение В. В. Седова о том, что изучение сельских поселений лучше вести по отдельным областям Древней Руси, поскольку каждая из них имела свои специфические физико-географические и исторические особенности.

Накопленные археологические материалы о сельских поселениях позволили осветить вопросы о домашнем производстве, сельском ремесле, торговле [22].

Особую веху в изучении сельских поселений Древней Руси представляет серия работ В. В. Седова, посвященных изучению селищ центральных районов Смоленской земли[23]. Впервые археологический материал сельских поселений получил должную историческую интерпретацию, и те методические приемы, с помощью которых это делалось, не утратили своего значения и поныне. На основе анализа размещения сельских поселений В. В. Седову удалось наметить группы компактно расположенных селищ, представляющих собой территориальную общину, связанную «общностью происхождения и другими общинными традициями». Внутри каждой такой группы поселений имелись селища, выделяющиеся своими размерами, а также наличием при них курганного могильника, а иногда и городища-убежища. В этих крупных селищах автор склонен усматривать родоначальные поселения — центры небольших округов, представляющих собой погостскую общину (погост—округ). Сами же эти центры автор, следуя концепции Н. Н. Воронина об общинном характере погостов, также называет погостами (погост —место). Однако думается, что терминология письменных источников XII в. (погосты уставной грамоты Ростислава) едва ли может быть применена к археологическим памятникам IX—X вв. Следуя сведениям источников, больше оснований считать погостами на Смоленщине административные единицы, приспособленные княжеской властью для феодальных поборов, которые, очевидно, не всегда соответствовали древним территориальным округам свободных общинников. Также не всегда совпадали и их центры. В. В. Седов признает это, указывая, что имеются «немногочисленные случаи, когда крупные поселения, которые можно считать погостами (т. е. пунк-

тами, где собирались княжеские доходы с общинников), возникали несколько в стороне от родоначальных поселении»[24]

Однако, несмотря на то что сведения о сельских поселениях продолжали увеличиваться, раскопки последних все еще носили эпизодический характер. В связи с этим особую ценность приобретали материалы раскопок в тех случаях, когда поселение вскрывалось полностью. Так, в 1957 — 1959 гг. экспедицией ГИМ было вскрыто почти полностью селище близ Грехова ручья, расположенное вблизи изучаемого нами региона — в Угличском районе Ярославской области, на берегу Волги [25]. Показательно, что при площади вскрытой поверхности более 1 тыс. кв. м. было выявлено всего шесть жилищ, пять из которых представляли собой полуземлянки с очагами из камней и обожженной глины. Селище прекратило свое существование в связи с монголо-татарским нашествием.

В 1960 — 1962 гг. экспедицией ГИМ под руководством А. В. Успенской были проведены исследования сельского поселения Беницы на р. Протве, известного по уставной грамоте Ростислава Мстиславича. На мысовом поселении, имеющем площадь около 10 тыс. кв. м, было вскрыто 1,2 тыс. кв. м, при этом были выявлены следы восьми жилых срубных построек, гончарного горна, а также остатки металлургического производства [2fi]. Поселение датируется X—XVI вв.

В 1967 г. вышел в свет третий том «Очерков по истории русской деревни X—XIII вв.», посвященный изучению металлических украшений сельского населения [27]. Том заключает статья М. В. Фехнер, подводящая итоги изучению деревни X—XII вв. на основании археологических данных. Использование этих данных позволило исследовательнице сделать заключение о малодворности домонгольской деревни (около 70 % деревень состояло из трех—шести дворов). Однако, видимо, исходя только из размеров селищ, без проведения археологических работ, вопрос о числе дворов на поселении едва ли может быть решен с достаточной степенью надежности. Интересны выводы М. В. Фехнер об отсутствии резких различий между городом и деревней в металлургическом и металлообрабатывающем производстве в этот ранний период, так же как и в развитии экономики города и деревни [28].

Около 100 сельских поселений эпохи Древней Руси было выявлено и обследовано Верхнеокской экспедицией Института археологии на территории земли вятичей — в верхнем течении р. Оки. Полученные материалы позволили Т. Н. Никольской разработать типологию, изучить хронологию, а также планировку этих поселений. Преобладающим типом поселений на этой территории оказался приречный. Наиболее ранние селища региона восходят к VIII в., причем наблюдается постепенное уменьшение размеров сельских поселений в более позднее время [2Э]. Все эти положения были подытожены в специальной главе о сельских поселениях в недавно вышедшей книге Т. Н. Никольской [30].

Имеются публикации о раскопках отдельных сельских поселений на территориях, прилегающих к изучаемому региону [31].

На территории Московской земли исследованных (как правило, частично) селищ крайне немного.

В 1965—1967 гг. А. Г. Векслер проводил раскопки Жуковского селища на территории Одинцовского района [32], Памятник этот, располо-

женный на правом берегу р. Москвы, представляет значительный интерес в силу своей хройологии. Славянское население появилось здесь уже в IX в. и осело на месте поселка раннего железного века, функционировавшего почти в течение тысячелетия (VI в. до н. э. —VII в. н. э.). Причем показательно, что жизнь на поселении в славянское время началась, очевидно, с возведения деревянных оборонительных конструкций: в прибрежной его части раскопками выявлены остатки двух рядов лежащих горизонтально обугленных бревен, а также округлое сооружение из вертикальных полубревен, относящееся к концу I тысячелетия. Селище перестало функционировать в XIII в., очевидно, в связи с монголо-татарским нашествием.

В 1968 г. Подольским отрядом под руководством автора производились раскопки селища у Серафимо-Знаменского скита, расположенного на притоке р. Пахры — р. Рожайке [33]. Селище с прилегающим к нему курганным могильником укладывается в хронологические рамки XII—XIV вв. Выявлено несколько жилых построек, представлявших, очевидно, наземные срубы с заглубленной подпольной частью и печами-каменками. Интересной особенностью этого селища являются находки обломков стеклянных браслетов, встречаемых на сельских поселениях крайне редко. В поздний период своего существования селище, очевидно, представляло собой небольшую деревню (его площадь около 2,4 тыс. кв. м), которая «тянула» к с. Битяговскому, расположенному по другую сторону р. Рожайки. На рубеже XIV—XV вв. село находилось в уделе серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича и согласно его духовного завещания (1401—1402 гг.) «Битягово со всеми деревнями и с луги» отдается «княгине Олене» [34].

В 1974 г. А. Г. Векслер проводил рекогносцировочные раскопки на селище близ г. Одинцово. Это небольшое селище (площадь около 1 тыс. кв. м) интересно своей близостью к самому крупному курганному могильнику Подмосковья, состоящему из 15 отдельных групп, в общей сложности насчитывающих более 230 насыпей. Ограниченная площадь раскопок (в двух шурфах было вскрыто 28 кв. м) не позволила выявить сооружений. По вещевому комплексу селище может быть датировано XII—XIII вв. 16,6 % находок составляют находки семилопастных височных колец, что указывает на синхронность поселения вятическому курганному могильнику. Из общего круга находок выпадает находка серебряной литой фигурной накладки с изображением трезубца, близкого знаку Владимира Всеволодовича Мономаха .

В конце 70-х годов раскопки некоторых селищ Подмосковья осуществлялись А. К. Станюковичем [36]. Наибольшие по объему работы (более 300 кв. м) проводились на селище близ д. Десна на одноименной реке. Выявлены остатки одного помещения, представляющего собой столбовую конструкцию с остатками заглубленного в землю очага. Представляют интерес находки боевого оружия: боевого топора, наконечника сулицы и наконечника стрелы. Около 7 % находок составляют «племенные» вещи вятичей (28 экз.): обломки семилопастных височных колец и решетчатых перстней. Выявлены остатки железоделательного, кузнечного и ювелирного ремесел.

Небольшие работы проводились А. К. Станюковичем на селище

Таблица 1. Состояние изученности некоторых сельских поселений Московской земли домонгольского времени

Селище	Площадь, тыс. кв. м	Исследователи и даты проведения работ	Площадь вскрытой поверхности, тыс. кв. м	% вскрытой поверхности по отношению к общей площади
1. Жуковское (Д-166)	10	А. Г. Векслер, 1965-1967	0,960	9,6
2. Серафимо-Знаменский скит (Д—511)	2,4	А. А. Юшко, 1968	0,300	12,2
3. Селище Одинцово 1 (Д-167)	1	А. Г. Векслер, 1974	0,028	2,8
4. Селище у пос. Десна (Д-336)	30	А. К. Станюкович, 1976-1978	0,328	1,2
5. Селище Писково (Д-631)		А. К. Станюкович, 1977-1978	0,060	
6. Селище Сходня 1		А. Г. Векслер, 1979, 1980	0,446	

Писково на притоке р. Десны — р. Незнайке. Небольшие размеры поселения, а также наличие остатков сыродутного горна, большого числа сопел и криц позволили исследователю трактовать поселение как обособленную усадьбу — мастерскую ремесленника.

Ограниченные рекогносцировочные раскопки были проведены А. К. Станюковичем на 2-м Боршевском селище и в Татарово [3] .

В целом, как видим, раскопочные работы велись на крайне малом числе сельских поселений, а площадь вскрытых при этом культурных напластований составляет 1,2 — 12 % общей площади памятников (табл. 1).

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ СЕЛИЩ

Изучение селищ домонгольской поры целесообразно ограничить границами княжества Ивана Калиты, исключая порубежные земли, присоединенные к Москве на протяжении XIV в., включение которых оправдано при изучении городов, возникших здесь именно в связи с присоединением к Москве, а также будет, очевидно, целесообразно при изучении селищ XIV в.

Вся масса сельских домонгольских поселений, ограниченных этой территорией (164 памятника, рис. 3), имеет более узкую в сравнении с городищами хронологию.

Всего 14 селищ домонгольской поры (8,5 %) возникают на основе поселений раннего железного века, причем, как правило, по своей топографии эти селища наиболее выгодно расположены. Относясь в большинстве своем к типу мысовых либо прибрежно-овражных поселений, они по планировке больше смыкаются с городищами [38].

Таким образом, славянское население преимущественно использовало наиболее укрепленные поселения предшествующей поры.

Одним из наиболее ранних славянских селищ Подмосковья является Жуковское селище (Д-166), где А. Г. Векслером прослежены слои IX-X вв.[39]

В последнее время в Подмосковье выявлены и другие единичные поселения, имеющие лепную керамику роменского облика и относящиеся ко времени ранее XI в. Одно из них — у с. Покров на р. Пахре (Д-390), поблизости от него — селище у с. Стрелково (Д—396) [40] и третье — селище Заозерье на р. Москве (Д—445) [41] и селище у с. Беседы[42]. Показательно, что при двух из них (Покров и Стрелково) имеются курганные группы, среди погребений которых выявлены крайне немногочисленные для Подмосковья случаи трупосожжения [43]. Однако для более надежной датировки этих столь ранних селищ желательно проведение на них раскопочных работ.

Немногочисленная группа селищ появляется в XI в., они составляют лишь 6,9 % общего числа домонгольских селищ. Как видим, их число так же невелико, как и количество городищ, появляющихся в Подмосковье в конце XI в.[44] Основная масса возникающих в XI в. селищ прекращает свое существование в XIII в. и лишь два поселения доживают до XVII в.

Наибольшее число сельских поселений относится к XII в. (129, что составляет 78,6% общего числа). Однако к концу XIII в. основная их часть (86) прекращает свое существование, что связано с монголо-татарским завоеванием. Постараемся при помощи археологических данных подтвердить это положение.

Изучение хронологической классификации домонгольских селищ, составленной по географическому принципу, позволяет подметить иногда определенную закономерность в чередовании групп селищ, прекращающих свое существование в XIII в., и селищ, продолжающих существовать в более позднее время. Это чередование хорошо прослеживается и на карте домонгольских сельских поселений (рис. 3). Так, группа селищ, прекращающих свое существование в XIII в. (с Е —10 по Е—48, рис. 3), соответствует участку по течению р. Клязьмы и низовьям впадающей в нее слева р. Шерны; также прекращают свое существование в XIII в. все селища, расположенные по течению р. Нерской (с Е—92 по Е —109).

В этой связи необходимо коснуться вопроса о путях движения монголо-татарских войск по Московской земле на протяжении XIII в. (хотя запустение селений могло быть связано не только с первоначальным продвижением войск завоевателей, но и с непосильными поборами в период господства Орды на русской территории и с другими причинами) .

Первый поход на Русь хана Бату 1237—1238 гг. начался, как известно, с рязанских пределов. Лаврентьевская летопись говорит об этом походе довольно кратко, но тем не менее с помощью ее данных удается проследить всю канву событий. Рязань пала 21 декабря. После разорения рязанских монастырей и сел монголо-татары «поидоша на Коломну», где произошла «сеча велика», после которой «Всеволод в мале дружине прибежа в Володимер, а татарове же поидоша к Москве» [45]. Как следует из контекста цитаты, Всеволод, очевидно, бежал во Владимир не через Москву, а более краткой дорогой — через реки Нерскую и Клязьму [46]. Еще одним косвенным подтверждением существования этой дороги на Владимир является полное запустение всех домонгольских селищ, притом довольно крупных, которые были известны по течению р. Нерской (рис. 5).

Основные силы татар от Коломны двинулись к Москве. Следует

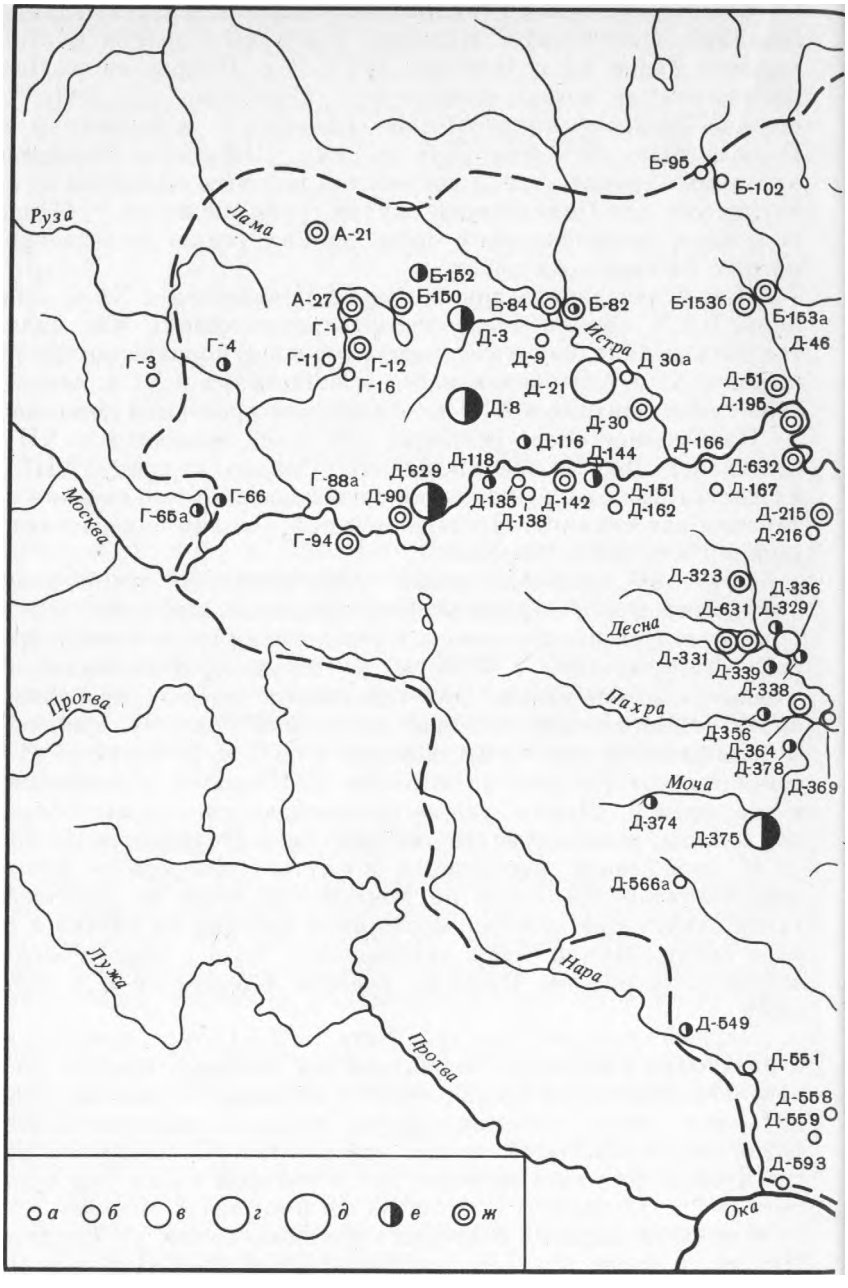
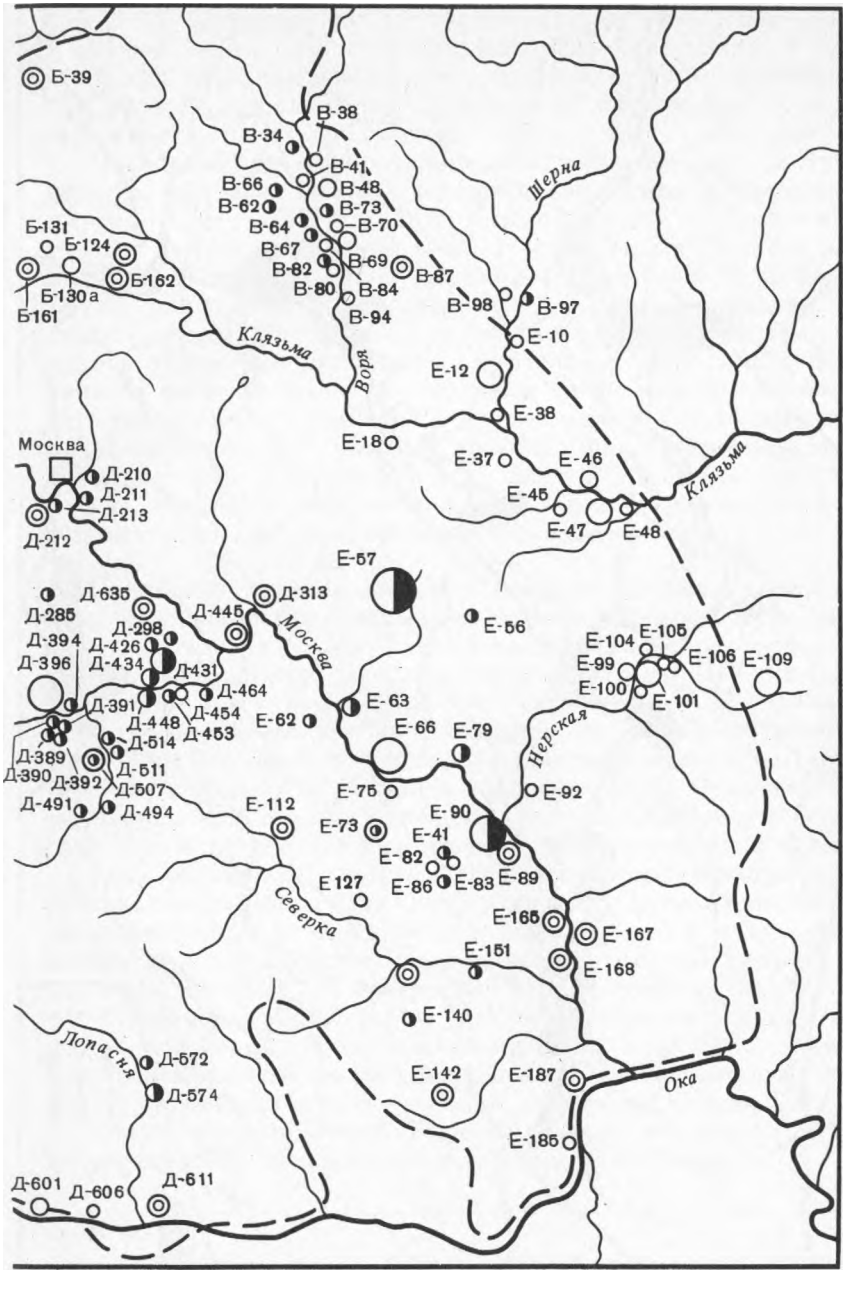
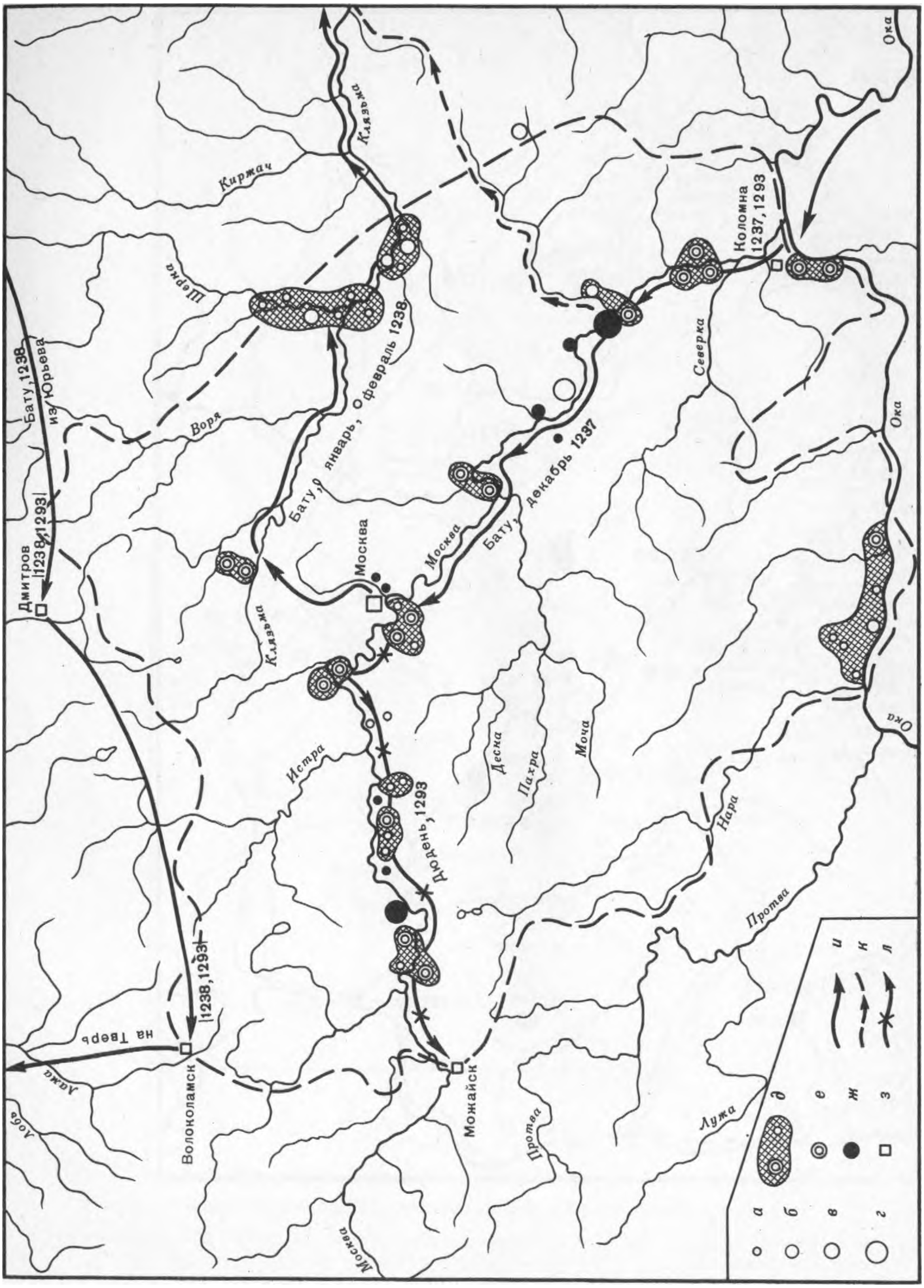


Рис. 3. Сельские поселения Московской земли домонгольского времени

а — селища площадью до 10 тыс. кв. м; б — селища площадью 11 — 20 тыс. кв. м; в — селища площадью 21—30 тыс. кв. м; г — селища площадью 31 — 50 тыс. кв. м; д — селища площадью более 50 тыс. кв. м; е — селища, доживающие до XIV в.; ж — селища, площадь которых неизвестна


Б-39
В-38
В-34
В-41
В-66
В-48
В-62
В-73
В-64
В-70
В-67
В-69
В-87
В-82
В-80
В-84
В-94
Б-131
Б-124
Б-162
Б-130а
Б-161
Шерна
В-98
В-97
Клязьма
Вори
Е-10
Е-12
Е-38
Е-18
Е-37
Е-46
Е-45
Е-47
Е-48
Клязьма
Москва
Д-210
Д-211
Д-213
Д-212
Е-57
Д-635
Д-313
Д-285
Д-445
Е-56
Д-298
Москва
Д-394
Д-426
Д-434
Д-396
Д-431
Д-464
Д-391
Д-454
Д-448
Д-453
Е-62
Е-63
Д-514
Д-389
Д-511
Д-390
Д-392
Д-507
Д-491
Д-494
Е-112
Е-66
Е-79
Е-75
Е-92
Е-73
Е-90
Е-41
Е-82
Е-89
Е-86
Е-83
Е 127
Северка
Е-104
Е-105
Е-106
Е-109
Е-99
Е-100
Е-101
Нерская
Е-165
Е-167
Е-151
Е-168
Е-140
Лопасня
Д-572
Д-574
Е-142
Е-187
Ока
Е-185
Д-601
Д-606
Д-611


Ока
Клязьма
Киржач
Шерна
Воря
Бату, 1238
из Юрьева
Дмитров
|1238,1293|
Бату, январь, февраль 1238
Москва
Москва
Бату, декабрь 1237
Коломна
1237, 1293
Северка
Ока
Клязьма
Истра
Десна
Пахра
Моча
Нара
Ока
Дюдень, 1293
|1238,1293|
на Тверь
Волоколамск
Лама
Лобь
Можайск
Протва
Протва
Лужа
Москва
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л

ИННННННН1

обратить внимание на то обстоятельство, что поход осуществлялся в зимнее время. Это обстоятельство дало основание В. В. Каргалову высказать справедливое заключение о том, что продвижение татар к Москве, а затем к Владимиру происходило «зимником», т. е. по льду рек Москвы и Клязьмы [47].

На Клязьму батыева рать попадала, очевидно, через р. Яузу, существование в верховьях которой топонима «Мытищи» позволило М. Н. Тихомирову вслед за И. Е. Забелиным высказать соображение о том, что участок дороги вдоль Яузы через древний «мыт» составлял первоначальное направление «великой Владимирской дороги» [48]. 3 февраля 1238 г. Батый подошел к Владимиру, а 7 февраля город пал. Затем были взяты Суздаль, Ростов, города по Волге. Летописец так характеризует размер урона, причиненного завоевателями: «Нет места идеже не повоеваша, и на всей стране Ростовской и Суждальской земле взяша городов четыренадесяте, опроче слобод и погостов» [4Э]. В середине марта начался поход на Новгород , который проходил через северные пределы Московской земли. Но в изложении этих событий летописец краток, мы узнаем только, что путь войска проходил через Дмитров, Волок и Тверь [’1]. Какими дорогами шло продвижение войска, сказать с определенностью трудно.

Еще более кратким является описание событий 1293 г. В летописи лишь сообщается, что «татарове взяша Володимер, Переяславль, Москву, Волок и всех градов 14» [52]. Московский летописный свод дополняет этот список: «Володимер, Суждаль, Муром, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можаеск, Волок, Дмитров, Углечо поле» [53]. Порядок перечисления этих городов позволяет предположить две линии направления похода: одна — на Владимир и прилегающие города княжества, другая — через Коломну и Москву на Можайск и далее на север. Очевидно, что движение от Москвы к Можайску шло вдоль течения р. Москвы (старая Можайская дорога не утратила некоторого своего значения и поныне).

Если обратиться к карте, отражающей расположение домонгольских русских поселений на пути следования монголо-татарских полчищ, а также на левобережье р. Оки, которое было объектом притязаний ордынцев постоянно, то увидим, что подавляющая часть этих населенных пунктов (44 из 52, или 84,6 %) прекращает свое существование в XIII в. В целом на изучаемой территории в XIV в. продолжает существовать около 44,5 % поселений (73 селища), возникших в домонгольский период. Это в основном поселения, расположенные на нетранзитных реках (бассейн р. Пахры, среднее течение р. Вори, некоторые водораздельные участки).

Таким образом, исчезновение и запустение сельских домонгольских поселений связано с монголо-татарским нашествием.

Рис. 5. Монголо-татарское нашествие и судьба домонгольских селищ Московской земли в XIII в.

а – селища площадью до 10 тыс. кв. м; б – селища площадью 11—20 тыс. кв. м; в — селища площадью 21—30 тыс. кв. м; г — селища площадью 31 — 50 тыс. кв. м; д — группы селищ, исчезнувших в XIII в.; е — селища, площадь которых неизвестна; ж — селища, доживающие до XIV в.; з — города; и – поход Бату 1237 — 1238 гг.; к - движение войск князя Всеволода; л – поход Дюденя 1293 г.

С XIV по XVII в. наблюдается постепенное уменьшение числа селищ, возникших в домонгольское время (соответственно с 73 до 51), хотя на части поселений, запустевших в период монголо-татарского нашествия, жизнь возрождается вновь (девять селищ). До XIX—XX вв. доживает всего 21 поселение домонгольской поры (12,8 %).

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В основу классификации сельских поселений могут быть положены различные принципы в зависимости от тех исходных данных, которыми мы оперируем (табл. 2). Первичная, формальная классификация может быть получена на основе анализа топографии поселений. М. В. Витов во избежание терминологической путаницы предложил называть группы поселений, полученных на основе этой классификации, типами заселения. При достаточной степени археологической изученности памятников, а в иных случаях на основе анализа из планов можно выделить типы поселений на основе их планировки (уличная, рядовая и т. д.). По М. В. Витову, это формы поселения (нам представляется более удачной формулировка «тип застройки»). И, наконец, при достаточном объеме Источниковых данных удается иногда наметить типы поселений в зависимости от их социально-экономической сущности. Согласно М. В. Витову, полученные группы образуют типы поселений.[54]. Классификация сельских поселений, предложенная М. В. Битовым, утвердилась как в этнографической литературе [55], так и в археологической [56].

Типология селищ на основе их топографии сводится к вопросу об использовании окружающего рельефа при выборе места поселения. В качестве варианта подобной типологии селищ Т. Н. Никольской была предложена типология сельских поселений верхней Оки [57]. Преобладающим типом поселений здесь является приречный тип, к которому относятся селища, вытянутые неширокой полосой вдоль берега реки. Второй тип поселений составляют селища, расположенные на естественных всхолмлениях, отстоящих от берега на 60—200 м. Третий тип составляют

Таблица 2. Топография и планировка сельских поселений, %

	Тип заселения				
	приречный	мысовый	прибрежно-овражный	водораздельный	перешеечный
XII—XIII вв.	56,7	29	6,3	4,2	3,5
XIV в.	83,2	9	-	7,6	-

	Тип застройки				
	прибрежно-рядовой	кучевой	уличный	замкнутый	смешанный
XII—XIII вв.	64,8	22,7	2,3		6,8
XIV в.	36	20,7	30,6	7,2	5,4

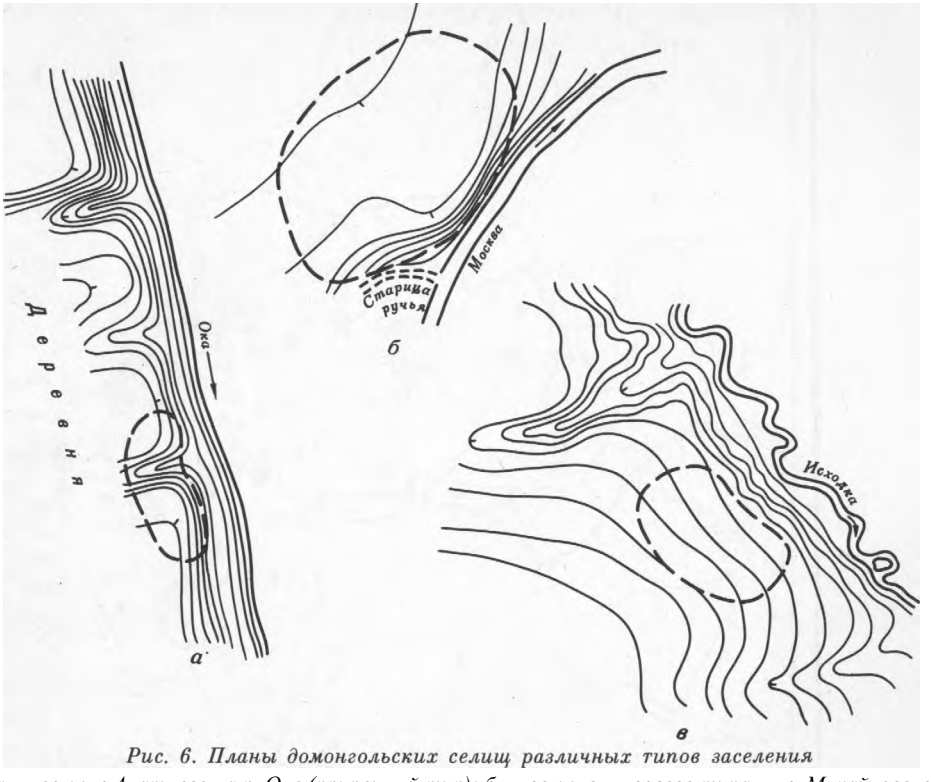


Рис. 6. Планы домонгольских селищ различных типов заселения

а — селище Акатъево на р. Оке (приречный тип); б — селище мысового типа — с. Михайловское (Одинцовский р-н); в — селище у санатория «Горки Ленинские» (прибрежно-овражного типа)

мысовые селища. И к четвертому типу относятся селища, расположенные на водораздельных невысоких плато.

Изучение топографии домонгольских селищ Московской земли дает возможность разделить подавляющую часть их [58] на пять типов (табл. 2). Наиболее многочисленную группу составляют поселения, относящиеся к приречному типу, согласно классификации Т. Н. Никольской (56,7 %). Причем удаленность этих селищ от реки может быть значительной — до 200 м и более, в зависимости от ширины поймы. Основным признаком, определяющим отнесение памятников к этой группе, является расположение их на береговых террасах независимо от удаленности от русла реки (рис. 6а).

Вторую по численности группу составляют мысовые селища, расположенные при вхождении в пойму реки мелких ручьев либо значительных оврагов (29%) (рис. 66).

Более малочисленную группу образуют селища, располагающиеся между двумя ручьями либо значительными оврагами, выходящими к реке. Этот тип сельских поселений, так же как и соответствующий им тип городищ, назван нами прибрежно-овражным (6,3%). Удаленность их от русла реки может быть значительной [59] (рис. 6в).

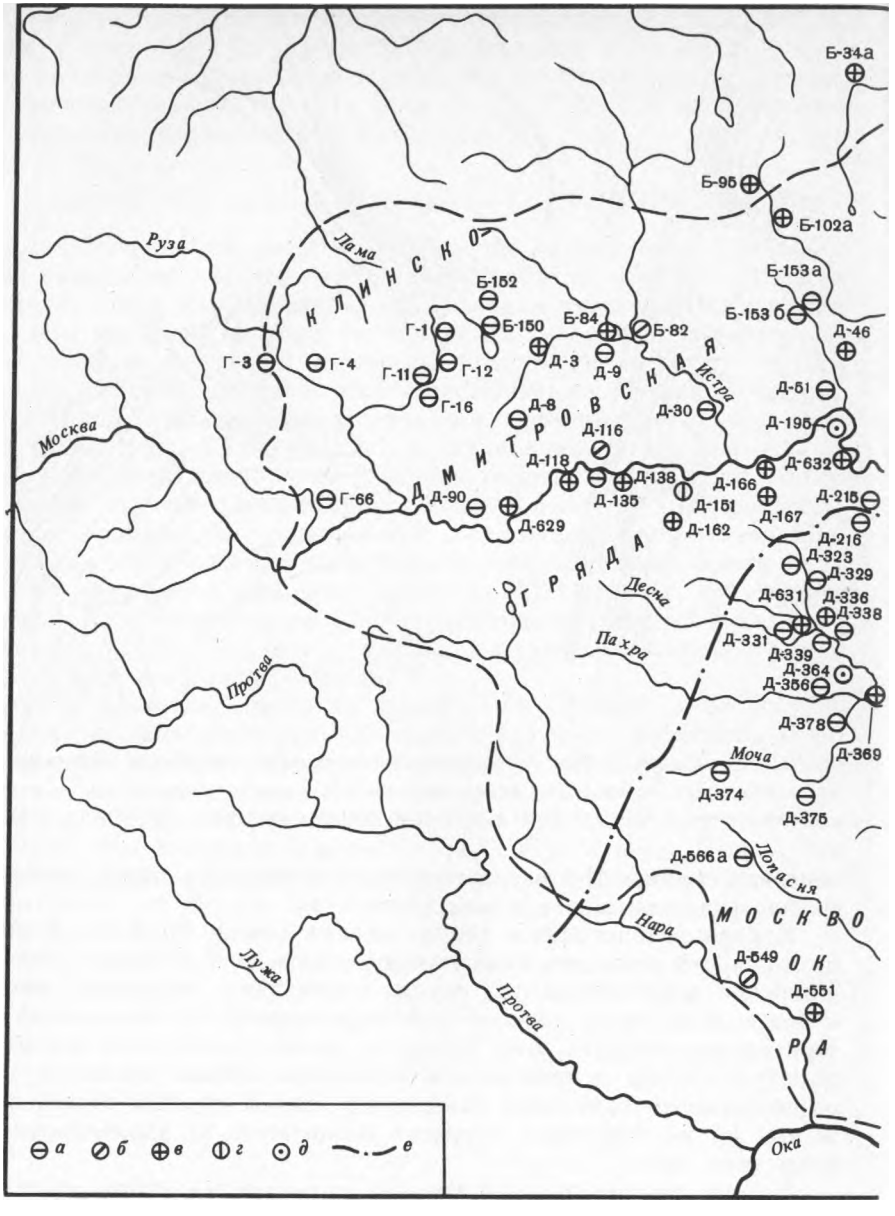
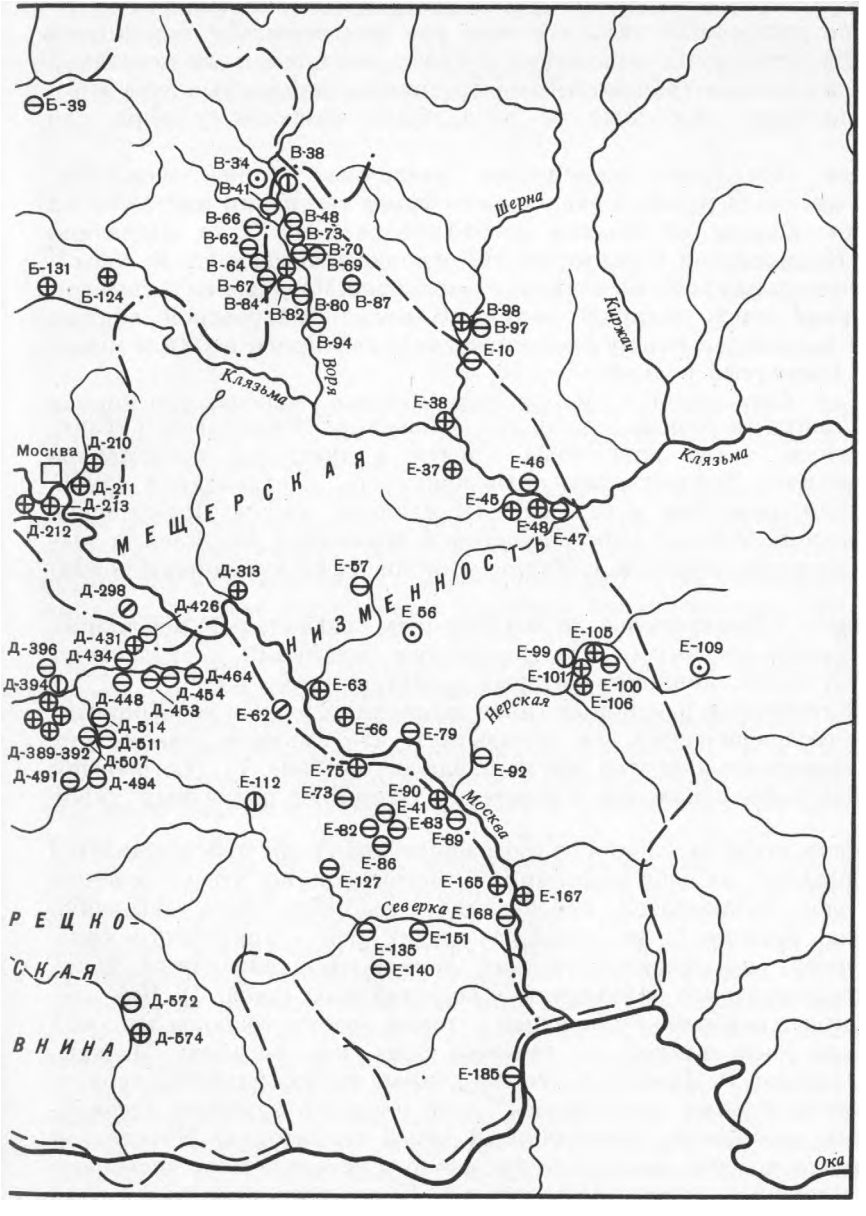


Рис. 7. Различные типы домонгольских сельских поселений Московской земли (в зависимости от топографии)
а — приречный тип; б — прибрежно-овражный тип; в — мысовой тип; г — перешеечный тип; д — водораздельный тип; е — границы физико-географических зон



Небольшую группу поселений составляют селища, расположенные на водораздельных участках, занимающих невысокие плато (4,2 %) [60].

Пять поселений образуют небольшую группу селищ, занимающих узкий перешеек петли реки (3,5 %). Этот тип сельских поселений, как и соответствующий им тип городищ, мы назвали перешеечным.

Таким образом, преобладающим типом сельских домонгольских поселений является приречный тип, что еще раз подтверждает выдвинутое многими исследователями положение о связи домонгольских поселений с реками — основными транспортными артериями, пойменные луга которых, как правило, свободные от леса, были наиболее удобны для земледелия.

Интересна география размещения различных типов заселения. В. В. Седов высказал мысль о зависимости типов заселения центральных районов Смоленщины от физико-географических зон. Для изучаемой территории Подмосковья характерны три физико-географические зоны [61] (рис. 1). Северо-запад региона занимает Смоленско-Московская возвышенность, северная часть которой занята Клинско-Дмитровской грядой, образующей водораздел между бассейнами верхней Волги и Оки и имеющей плоско-волнистый рельеф.

Южнее до Оки тянется Москворецко-Окская моренно-эрозионная равнина с развитыми речными долинами, сложенная покровными суглинками. Северную часть этой зоны (почти в пределах современной Москвы) занимает Теплостанская возвышенность, расчлененная глубокими долинами, оврагами и балками. И, наконец, восток Подмосковья по левобережью р. Москвы занят Мещерской низменной равниной, в значительной части заболоченной, с отдельными пологими моренными поднятиями.

Почти всюду в Подмосковье, за исключением сравнительно небольших участков, занятых песчаными или моренными равнинами, господствуют покровные суглинки, мощность которых достигает 0,85—4 м [62].

Изучение географии различных типов заселения с учетом вышеописанных физико-географических зон показывает, что никакой зависимости топографии памятников от этих зон не наблюдается (рис. 7). Для каждой из физико-географических зон характерно сочетание различных типов заселения.

Зависимость типов заселения от географической среды прослеживается в другом. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по течению некоторых рек наблюдается преобладание мысового типа заселения (реки Москва, Клязьма), по течению других рек — приречного типа (Воря, Северка), по течению третьих встречаются различные типы (Пахра). Представим это наблюдение в виде таблицы (табл. 3). Как следует из таблицы, наиболее безопасный с точки зрения обороны мысовой тип заселения господствует по течению трех рек региона: Москвы, Клязьмы и Нерской [63]. Думается, что эти данные могут свидетельствовать в пользу подтверждения того мнения[64], что реки эти служили древнейшими путями сообщения, проходящими через территорию Московской земли, и именно поэтому население выбирало в качестве мест поселений наиболее защищенные участки побережья [65]. Кроме того, именно эти реки служили, очевидно, и древнейшими путями миграционных и колонизационных потоков в изучаемом регионе.

Открытые же поселения, относящиеся к приречному типу заселения, располагались на внутренних реках, не имеющих транзитного значения, — Пахре, Воре, Северке, Озерне (табл. 3).

Таким образом, размещение селищ зависело не от физико-географи-

Таблица 3. Размещение домонгольских селищ на различных реках

Реки	Общее число сельских поселений	Число поселений господствующего типа (в абс. цифрах и %)
Москва	22	16 (мысовой) — 72,7 %
Клязьма	11	8 (мысовой) — 72,7 %
Нерская	6	3 (мысовой), 1 (перешеечный) — 66,6 %
Пахра	14	6 (мысовой) — 42,8 % 6 (приречный) — 42,8 %
Воря	11	8 (приречный) — 72,7 %
Северка	4	4 (приречный) — 100 %
Озерна	4	4 (приречный) — 100 %

ческих особенностей того или иного района, а от близости или удаленности этих поселений от основных речных артерий, являющихся в то время главными путями сообщения.

Разработка типологии селищ на основе их застройки (по планировке) более убедительна для тех случаев, когда она осуществляется по исследованным памятникам. Однако В. В. Седов полагает, что такая типология возможная и на материалах разведочных работ, по данным распространения культурного слоя, чему нашлись неоднократные подтверждения в поздних материалах, когда пятна культурного слоя от исчезнувших в недавнее время населенных пунктов повторяли ту планировку, которая выявляется по картографическим материалам [66].

По данным этнографических[67] и археологических[68] исследований можно наметить следующие типы селищ в зависимости от их планировки. Наиболее распространенным типом застройки является прибрежно-рядовой, включающий прибрежно-рядовой и овражно-рядовой (64,8 % общего числа памятников, табл. 2) [6] . Поселения, относящиеся к этому типу, имели один или несколько «порядков» домов, вытянутых вдоль берега реки или оврага. Соответственно и культурный слой, отложившийся на месте таких поселений, имел форму вытянутой полосы, размещающейся на прибрежных участках; этот тип застройки чаще встречается на памятниках, имеющих приречный тип заселения. В Подмосковье 30 селищ из 57, относящихся к типу прибрежно-рядовых, имеют ширину культурного слоя до 50 м. В. В. Седов считает, что селища, имеющие такую узкую протяженность, имели только однорядную планировку домов [70]. Остальные 27 селищ имели ширину распространения культурного слоя больше, чем 50 м, причем селища шириной до 100 м (их 16) состояли, очевидно, из двух порядков домов и 11 селищ с шириной культурного слоя более 100 м относились, видимо, к селищам с трехрядной планировкой.

Однако, как справедливо полагает В. В. Седов, подобные селища могли иметь и кучевую застройку. К этому типу застройки следует относить селища с овальной, овально-четырехугольной либо неопределенной формой площадки [71]. На основании данных разведки этот тип застройки иногда трудно отличить от типа замкнутых поселений, постройки которых обычно имеют вид замкнутого квадрата либо прямоугольника,

внутри которого нередко бывает искусственный водоем. Однако поселения замкнутого типа в домонгольский период в Подмосковье не встречаются. Они больше характерны для поселений более позднего времени. По предварительным данным поселения с кучевой застройкой составляют 22,7 % общего числа селищ (см. табл. 2), причем это тип застройки больше всего характерен для поселений, относящихся к приречному и мысовому типу заселения.

Поселения с уличной планировкой имели один либо несколько «порядков» домов, которые располагались вдоль улицы, составлявшей обычно участок какой-либо транзитной сухопутной дороги, пересекавшей реку. Поэтому селища этого типа располагались обычно перпендикулярно к реке. Поскольку образование сухопутных дорог в Московской земле приходится на более позднее время (с XIV в.), то ранних поселений с подобной застройкой крайне мало (2,3 %) [72].

И, наконец, селища смешанного типа застройки имели Г-образную либо подтреугольную форму (смешение уличного и прибрежно-овражного типа) и некоторые другие формы. К этой группе относится 6,8 % общего числа селищ.

Следовательно, господствующим типом застройки поселений Московской земли домонгольского периода является прибрежно-рядовой тип, коррелирующий с приречным типом заселений, что, очевидно, объясняется тяготением поселений этой поры к речным магистралям.

Выделение социальных типов поселений (села, деревни, слободы, починки) по археологическим данным представляет значительные трудности. Лучше попытаться это сделать в процессе изучения сельских поселений по отдельным хронологическим периодам.

СЛАВЯНСКИЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОДМОСКОВЬЯ IX-XI ВВ.

Древнейшие сельские поселения Московской земли восходят, как уже говорилось выше, к IX в. Их известно всего пока пять: Покров 5 и Стрелково на р. Пахре (Д — 390, Д—396), Заозерье, Жуковское и Беседы на р. Москве (Д—445, Д—166, Д —635). По течению последней размещается и вся группа древнейших поселений IX—XI вв., захватывая частично и ее притоки — Истру, Пахру, Северку и Нерскую (рис. 8). Показательно, что по течению таких рек, как Москва, Клязьма и Нерская, располагается около 53 % общего числа ранних селищ, что подтверждает пути проникновения древнейших миграционных потоков. В целом же число сельских поселений, так же как и число городищ этой поры, незначительно (17). Преобладающим типом заселения для селищ IX—XI вв. является приречный (табл. 4). Четыре поселения, относящиеся к наиболее защищенному мысовому типу, располагались на крупнейших водных магистралях — Москве и Клязьме, в то время как наиболее открытые поселения приречного типа (7 из 9) размещались в глубинных районах — на более мелких притоках.

Из 13 селищ этой поры, площадь которых известна, лишь три выделяются значительностью своих размеров: это селище у с. Саурово площадью около 24 тыс. кв. м, селище у с. Заозерье — около 30 тыс. кв. м и селище

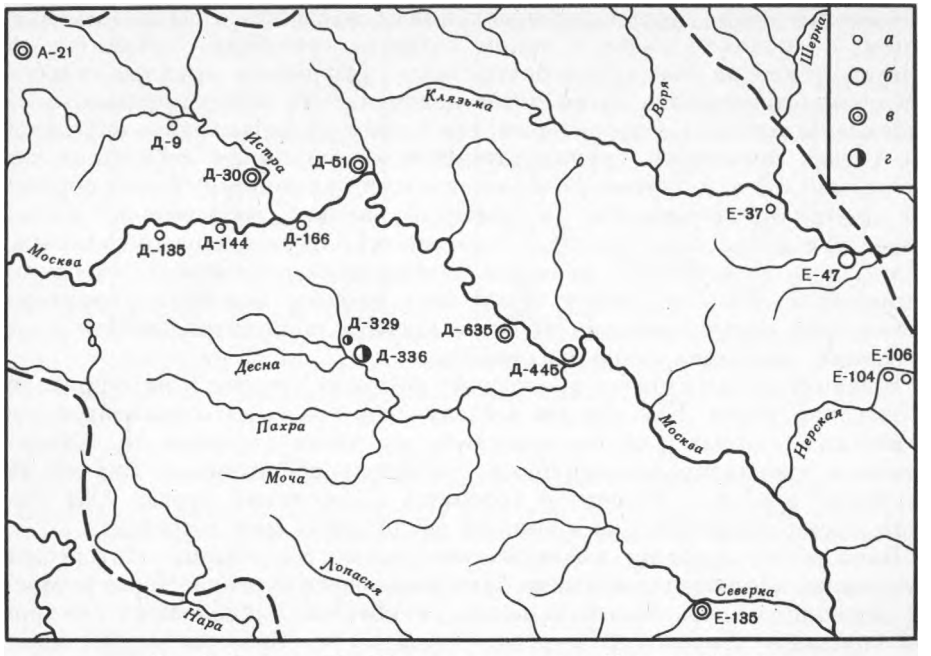


Рис. 8. Селища IX—XI вв. на территории Московской земли

а — селище площадью до 10 тыс. кв. м; б — селища площадью 21—30 тыс. кв. м; в — селища, площадь которых неизвестна; г — селища, доживающие до XIV в.

Десна — около 30 тыс. кв. м. Площадь остальных колеблется в пределах 1—12 тыс. кв. м, средняя площадь селищ IX—XI вв. составляет около 10,8 тыс. кв. м.

Как отмечалось выше, для центральных районов Смоленщины В. В. Седовым разработана методика выделения родоначальных поселений, являвшихся центрами сельской общины. Основными археологическими признаками таких поселений исследователь считает: 1) крупные размеры поселения, превышающие в несколько раз размеры рядовых селищ;

Таблица 4. Типы заселения селищ Московской земли IX—XI вв.

Приречный тип	Мысовой тип
Шейка (Д—9)	Жуковка (Д—166)
Павловская слобода (Д—30)	Богослово 1 (Е—37)
Колтырево (Д—135)	Саурово (Е—47)
Митино (Д—51)	Заозерье (Д—445)
Куровское (Е —106)	Десна (Д—336)
Федоровское (Е—135)	
Стрелково (Д—396)	
Покров 2 (Д—390)	
Пенино (Д—329)	

2) наличие рядом курганного могильника, являвшегося общинным кладбищем; 3) наличие рядом с таким селищем городища — убежища или культового центра (без культурного слоя) [73]. Подобные крупные сельские поселения становились затем теми центрами, из которых происходило освоение близлежащей территории; тем самым образовывались определенные гнезда поселений, группирующихся по бассейнам небольших рек, отделяемые одно от другого водораздельными суходолами. Таким образом, для центральных районов Смоленщины, видимо, правомерно ставить вопрос об определенных этапах в освоении территории, первый из которых заключался в оседании внешних миграционных потоков свободных общинников. На следующем этапе шел процесс освоения территории посредством отпочковывания от более древних общинных центров новых поселений, имеющих меньшие размеры.

В значительной степени аналогично шел этот процесс и на территории Московской земли. Как увидим в следующей главе, на основании археологических данных удается выделить из числа городищ те, которые являлись укрепленными центрами свободных общинников. Два из них возникают в XI в. — Успенское городище и Боровский курган. Оба городища имеют значительную мощность культурных напластований.

Близ обоих городищ имеются синхронные им селища. Интересным комплексом являются памятники близ Боровского кургана. Через р. Москву, делающую здесь большую петлю, в которой расположено синхронное городищу Боровский курган селище у с. Заозерье, существовал древний «красный перевоз в Боровсце», являвшийся участком Брошевской дороги [74]. Сухопутная Брошевская дорога, представляющая собой один из вариантов дороги на Коломну, безусловно возникла в более позднее время, однако есть основания полагать, что поселение у о. Заозерье и в древнейший период носило торговый характер [75]. Как отмечалось выше, это селище — одно из самых крупных поселений XI в. (около 30 тыс. кв. м).

В качестве курганного могильника этой территориальной общины можно наметить курганную группу (12 насыпей) у с. Еганово (Д—472), расположенную в 2,5 км от Боровского кургана, в которой А. Г. Векслер в 1960 г. раскопал один курган [76]. В целом весь этот комплекс, состоящий из городища, селища и курганной группы, очевидно, следует рассматривать в качестве родоначального центра поселений сельской территориальной общины. В XII—XIII вв. вокруг этого центра (в радиусе 10 км) выше по р. Москве, включая устье р. Пахры, и ниже по р. Москве возникает значительное число поселений [77] (рис. 9).

Что же касается второго укрепленного общинного центра — городища у с. Успенское, то существующее при нем селище (Д—151) материала XI в. не содержит. Однако в 2,5 км к северо-западу от него, на восточной окраине современного с. Ислявского, известно селище (Д—144), содержащее керамику XI в. Для его населения Успенское городище вполне могло служить надежным убежищем. Неподалеку от Успенского городища имеется и курганная группа, насчитывающая 24 насыпи (Д—152).

В данном случае, видимо, родоначальным общинным центром являлось Успенское городище, превышающее более чем в три раза маленькое селище на территории с. Ислявского.

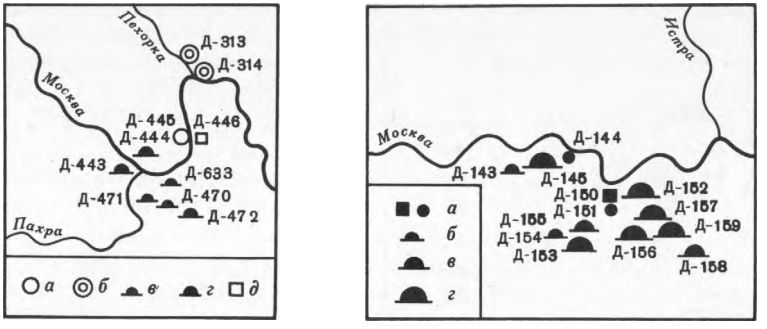


Рис. 9. Археологические памятники близ устья р. Пахры

а — селища площадью 21 — 30 тыс. кв. м; б — селища, площадь которых неизвестна; в — одиночные курганы; г — курганные группы, содержащие до 10 насыпей; д — городище площадью до 10 тыс. кв. м

Рис. 10. Археологические памятники близ Успенского городища

а — городища и селища площадью до 10 тыс. кв. м; б — курганные группы, содержащие 2—10 насыпей; в — курганные группы, содержащие 11—20 насыпей; г — курганные группы, содержащие 21 — 50 насыпей

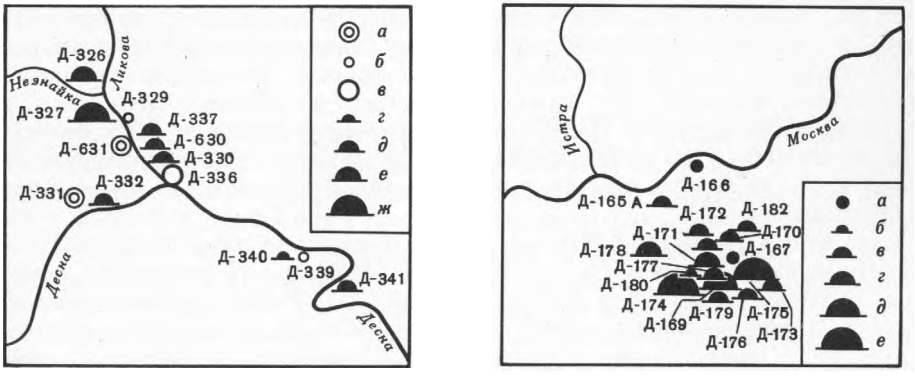


Рис. 11. Археологические памятники близ устья р. Незнайки

а — селище, площадь которых неизвестна; б — селища площадью до 10 тыс. кв. м; в — селища площадью 21—30 тыс. кв. м; г — одиночный курган; д — курганные группы, содержащие 2 — 10 насыпей; е — курганные группы, содержащие 11—20 насыпей; ж — курганные группы, содержащие 21—50 насыпей

Рис. 12. Археологические памятники близ Жуковского селища

а — селища площадью до 10 тыс кв. м; б — одиночные курганы; в — курганные группы, содержащие 2—10 насыпей; г — курганные группы, содержащие 11—20 насыпей; д — курганные группы, содержащие 21—50 насыпей; е — курганные группы, содержащие 51 — 100 насыпей

В XII—XIII вв. в округе Успенского городища происходит концентрация населения, показателем чего является значительное число крупных курганных могильников (восемь — 169 насыпей) и два селища. Видимо, и в данном случае этот сгусток памятников (около 30 кв. км) представлял

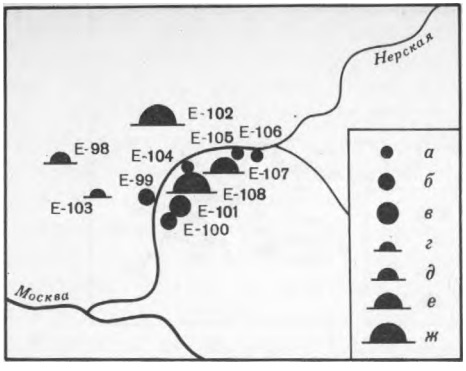


Рис. 13. Археологические памятники в среднем течении р. Нерской

а селища площадью до 10 тыс. кв. м; б — селища площадью 11—20 тыс. кв. м; в — селища площадью 21 — 30 тыс. кв. м; г — одиночные курганы; д — курганные группы, содержащие 2—10 насыпей; е — курганные группы, содержащие 11—20 насыпей; ж — курганные группы, содержащие 21 — 50 насыпей

собой территорию сельской соседской общины, развившейся в XII в. вокруг родоначального поселения на Успенском городище (рис. 10).

Одним из самых крупных селищ XI в. является селище Десна (Д—336) площадью около 30 тыс. кв. м. Отметим, что в 1,5 км к юго-западу от этого селища находится небольшой курганный могильник у д. Фоминское (Д—332 — четыре насыпи), раскопки которого выявили случаи трупосожжения. Однако в этом случае трудно наметить единый курганный общинный могильник, соответствующий этому поселению. В ближайших его окрестностях на окраинах береговых террас р. Незнайки, разрезанных лощинами, имеются три немногочисленные курганные группы (Десна 1 — 3: Д —330, Д—337 и Д —630), соответственно имеющие 2,3 и 2 насыпи. Не исключено, что это остатки некогда единого большого курганного кладбища (во всяком случае, группы Десна 2 и 3), позже уничтоженного распашкой.

На протяжении XI —XII вв. вокруг этого комплекса возникает серия более мелких поселений: в с. Пенино (Д—329), у д. Фоминское (Д—331), у д. Писково (Д —631), у Дг Лаптево (Д—339), а также восемь курганных групп, наиболее значительные из которых — до 26 насыпей (Д—327) (рис. 11). Очевидно, что все это гнездо поселений и курганных могильников, расположенных на площади около 85 кв. км, представляло собой территорию сельской общины, которая функционировала на протяжении XI-XII вв.

Крупным селищем XI в., на котором есть и слои IX—X вв., является Жуковское селище (Д —166; 10 тыс. кв. м). Вокруг этого селища в радиусе до 3 км никаких памятников домонгольского времени нет. Ближайший курганный комплекс, отстоящий от Жуковского селища на 3 км и более в юго-восточном направлении, — это комплекс Одинцовских курганов, состоящий из 15 близко расположенных курганных групп (Д—169 — Д—183) с общим числом более 230. Одинцовский комплекс — крупнейшее курганное кладбище Подмосковья. Очевидно, что такому курганному кладбищу должны соответствовать одно либо несколько достаточно крупных поселений. В настоящее время имеются сведения лишь об одном селище незначительных размеров (Д—167, площадью около 1 тыс. кв. м), расположенном среди этих курганных групп. Видимо, необходимы дополнительные исследования для выяснения этих поселений. Однако уже

сейчас весь комплекс этих компактно расположенных памятников, включая и Жуковское селище, следует, очевидно, признать относящимися к одной территориальной общине, центр которой пока неясен (рис. 12).

Пятым по величине селищем XI в. является селище Куровское 1 (Е —104, 7, 2 тыс. кв. м), располагающееся на левом берегу р. Нерской (рис.'13). В 40 м к юго-западу от него находится курганная группа, насчитывающая 48 насыпей (Е—108). Это крупнейший в бассейне р. Нерской курганный могильник.

В 3 км восточнее селища Куровское 1 находится селище Куровское 3 (Е —106), уступающее ему в размерах почти в пять раз. В связи с этим, видимо, комплекс из селища Куровское 1 и курганного могильника Куровское 2 (Е —108) следует признать родоначальным общинным центром в среднем течении р. Нерской. Однако в XII в. в 1,5 км южнее селища Куровское 1 возникает превосходящее его более чем в три раза селище Анциферово 3 (Е —101) площадью около 24 тыс. кв. м (рис. 13). Ближайший к нему курганный могильник все тот же — Куровское 2. Очевидно, что население этого селища продолжало хоронить своих умерших на старом общинном кладбище. В это же время в этом районе появляются четыре новых селища и четыре курганные группы. Видимо, весь этот сгусток памятников, занимающий площадь около 24 кв. км, представлял территорию одной сельской общины. В XII в., когда р. Нерская становится одним из путей проникновения княжеской власти в Московскую землю, происходит смена общинного центра, что, очевидно, связано с интересами феодальных поборов.

Значительных размеров достигает селище у с. Саурово (правый берег р. Клязьмы), имеющее площадь около 24 тыс. кв. м (Е—47). Однако мы пока не располагаем данными о существовании каких-либо памятников домонгольского времени близ этого поселения. Памятники здесь единичны и разбросаны. Ближайший крупный курганный могильник, насчитывающий около 100 насыпей (Е—43) и расположенный на правом берегу р. Вохонки, удален от Сауровского селища более чем на 13 км, поэтому едва ли может быть связан с этим селищем. Решение вопроса о существовании здесь территориальной общины требует дополнительных обследований.

Остальные селища XI в.: Шейка (Д —9), Колтарево (Д —135) и Богослово (Е—37) — очень малы по своим размерам, вследствие чего общинными центрами, видимо, служить не могли, а являлись рядовыми поселениями на путях древнейших миграционных потоков. Показательно в этой связи, что те немногие сельские территориальные общины, которые пока удается наметить по археологическим данным, также располагались на древнейших магистральных путях — р. Москве и Нерской. Безусловно, что в случае сплошных археологических обследований больших регионов возможностей для выделения подобных сельских общин оказалось бы значительно больше.

Трудно с определенностью говорить о том, как назывались эти центры сельских общин, которые, как мы видели, могли быть как укрепленными, так и открытыми поселениями, иногда же сочетали черты тех и других. Термина «погост», который В. В. Седов прилагает к подобным центрам Смоленщины, в московских источниках нет. Имеющиеся же

в московских писцовых книгах XVI в. погосты Б. А. Романов рассматривает как «феодальные церковные новообразования», которые не имели никакого отношения к центрам «недобитых старых территориальных общин» [78].

По отношению к Московской земле в летописных источниках начиная с XIII в. упоминается термин «волость», но термин этот, так же как и в более раннее время и для других территорий [79], служил для обозначения земель, принадлежащих княжеской власти. Впервые для Москвы он фигурирует под 1208 г. (волость Усть-Мерская) в связи с княжескими походами. В 1209 г. все земли вокруг Москвы названы волостью Всеволода [80]. Таким образом, этот термин связан с феодальной порой и к древнейшим общинным территориям отношения не имеет.

Термин «весь», известный с XI в., имел распространение преимущественно для новгородских земель и Белоруссии [81].

Термин «село» широко известен в письменных источниках начиная с X в. Однако в X—XI вв. поселения этого типа, согласно летописным данным, представляли собой, видимо, лишь владельческие загородные имения князей[82], бояр[83], монастырей[84]. Лишь с XII в., как о том свидетельствуют письменные источники Пскова, фигурируют «смердьи» села (см. выше).

Термин «деревня» также позднего происхождения — не ранее 30-х годов XIV в.[85]

Таким образом, источники не дают сведений о названиях древнейших общинных центров Руси, так же как нам неизвестны термины, обозначающие рядовые общинные поселения. Но судя по незначительности размеров последних, они, видимо, были близки поселениям типа «починков» либо «займищ» более позднего времени.

СЕЛИЩА XII—XIII вв.

Подавляющая часть селищ Подмосковья возникает в XII в. (127 селищ). Значительно расширяется география поселений этой поры: осваиваются такие притоки р. Москвы, как Пахра, Истра, Северка, а также верховья Клязьмы с ее притоками Борей и Шерной (рис. 14). Наибольшая плотнойть поселений этой поры наблюдается в бассейне р. Пахры и преимущественно в средней ее части, а также в среднем течении р. Бори, что, по-видимому, объясняется внутренним положением этих рек и удаленностью их от основных речных путей. Наименее освоенным оказывается левобережье р. Оки с ее притоками, поскольку Ока, являясь крупной транзитной рекой, к тому же пограничной для Московского княжества вплоть до XV в., представлялась, очевидно, недостаточно безопасной для выбора мест поселения вблизи нее.

Как уже отмечалось выше, для сельских поселений XII в. господствующим является приречный тип заселения с прибрежно-рядовой планировкой построек (табл. 2).

Размеры селищ XII в. варьируют очень значительно — от 200 кв. м до 72 тыс. кв. м (рис. 15) [86]. Причем, как следует из рис. 15, преобладали селища небольших размеров, имеющие площадь до 18 тыс. кв. м (84,2 % общего числа селищ). Селища больших размеров единичны. В среднем же размер сельских поселений, возникающих в XII в., больше, чем селищ XI в.: 11,0 тыс. кв. м.

Небольшую группу образуют шесть селищ площадью каждое до 1 тыс. кв. м, наименьшее из них занимает территорию всего в 0,2 тыс. кв. м. Очевидно, что сельские поселения подобных размеров могли состоять всего из одного-двух дворов и относились, видимо, к типам поселений, представляющих собой починки или займища, отпочковавшиеся от более крупных поселений. Это подтверждает и география размещения этой группы сельских поселений (рис. 16). Все они располагались либо на притоках больших рек, либо по берегам мелких речек и ручьев, куда население проникало уже после освоения берегов более крупных рек.

Для типологизации остальных сельских поселений составим корреляционный график распределения их в зависимости от размера и высоты над уровнем воды в реке[87] (рис. 17). Как следует из графика, все поддающиеся этой корреляции селища можно разбить на две группы. Первая, более многочисленная группа имеет площадь поселений до 12 тыс. кв. м. Поселения этой группы располагаются на береговых террасах, возвышающихся иногда до 23—30 м над уровнем воды в реке. Однако преобладают селища на более низких террасах высотой до 15 м.

Вторую группу сельских поселений, состоящую всего из 11 памятников, образуют селища более крупных размеров (от 21 до 50 тыс. кв. м), располагающиеся в основной своей массе на береговых террасах, имеющих высоту до 10 м.

Картографирование обеих этих групп сельских поселений позволяет подметить закономерность: подавляющая часть мелких селищ группируется вокруг крупных, образуя как бы гнезда поселений. Близ этих наметившихся сгустков селищ размещаются синхронные им и тяготеющие к ним другие памятники (городища и курганные группы), образуя, видимо, территории сельских соседских общин (рис. 18).

Все эти сгустки памятников прослеживаются и на общей археологической карте, однако чаще всего они образуются преимущественно одной категорией памятников — курганными группами. Отсутствие внутри таких групп селищ, и в том числе крупных, объясняется, очевидно, недостаточной обследованностью территории. Поэтому приходится говорить лишь о тех гнездах памятников, где имеются различные их категории. Подобные скопления представляли собой, так же, очевидно, как и в XI в.[88], территории сельских общин, внутри которых удается наметить их центры (см. рис. 18). В большинстве случаев они действительно занимают центральное положение и к ним тяготеют курганные могильники и более мелкие селища, образующие общинную округу. На протяжении XI —XII вв. удается выделить 13 крупных селищ, которые могли служить общинными центрами с группирующимися вокруг них более мелкими поселениями. Показательно, что подавляющая часть их имеет наиболее защищенный мысовой тип заселения и прибрежно-овражный (75 %) и лишь три селища имели приречный тип заселения [89] (табл. 5).

В некоторых случаях крупные сельские поселения были расположены обособленно (селище у с. Андреевского — Д—8, селище в с. Гжель — Е—57). Значительность размеров этих селищ (от 31,2 до 72 тыс. кв. м) дает повод для предположения о том, что эти селища с прилегающими к ним опольями могли составлять самостоятельные территориальные общины.

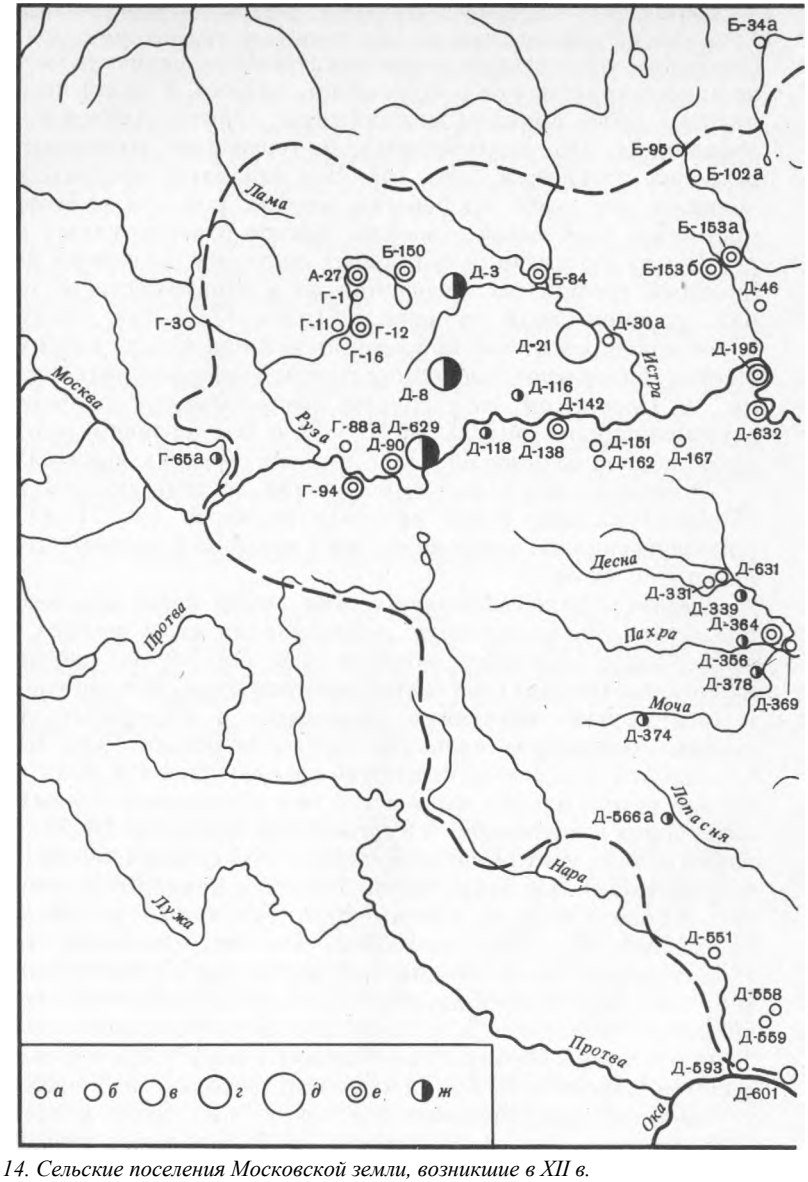
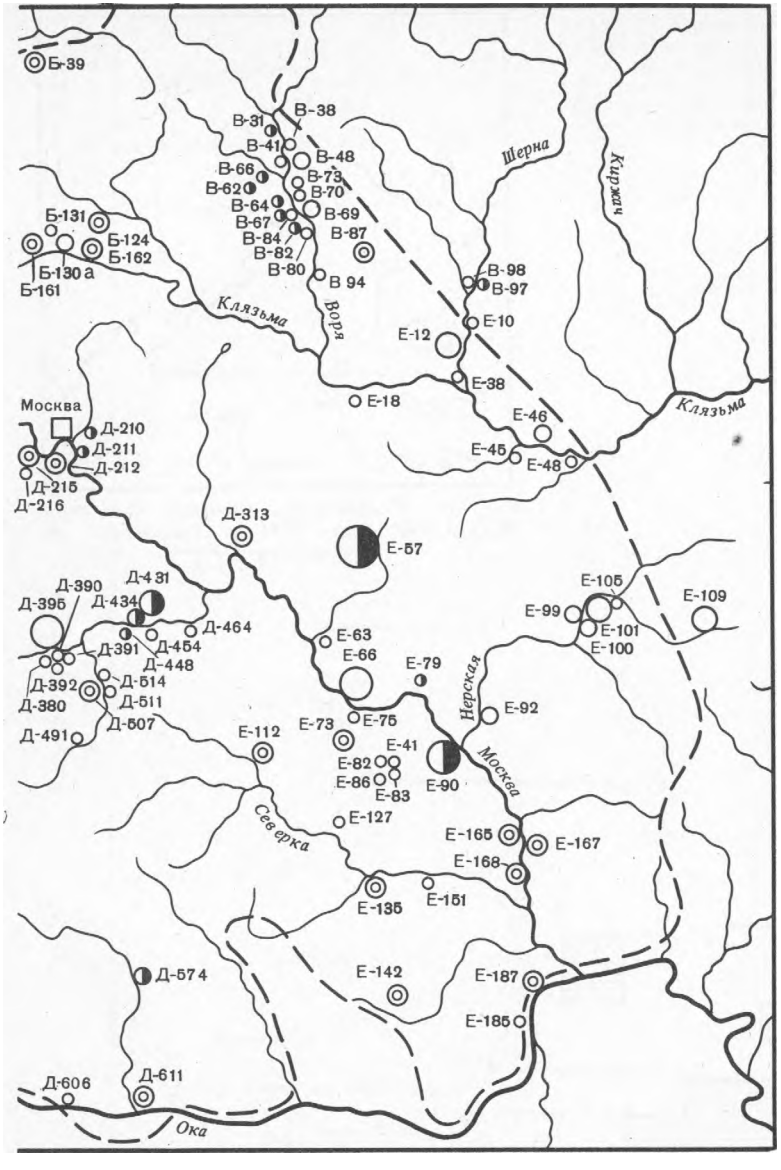


Рис. 14. Сельские поселения Московской земли, возникшие в XII в.

а — селища площадью до 10 тыс. кв. м; 6 — селища площадью 11—20 тыс. кв. м; в селища площадью 21—30 тыс. кв. м; г — селища площадью 31 — 50 тыс. кв. м; д — селища площадью более 50 тыс. кв. м; е — селища, площадь которых неизвестна; ж — селища, доживающие до XIV в.

Однако в тех случаях, когда сельская община была представлена сгустком памятников, не всегда ее центром являлись крупные сельские поселения. Так, для группы памятников, располагающихся вокруг Кун-



цевского старого городища (Д—617), такое селище пока не известно. Размер Филевского 2 селища (Д —203) невелик (1,8 тыс. кв. м), размер и точная дата Филевского 1 селища (Д—202) не ясны. Тем не менее характер находок с Кунцевского городища, позволивший нам отнести этот памятник к типу общинных центров, заставляет рассмотреть его в совокупности с одним из Филевских селищ в качестве варианта центра сельской территориальной общины.

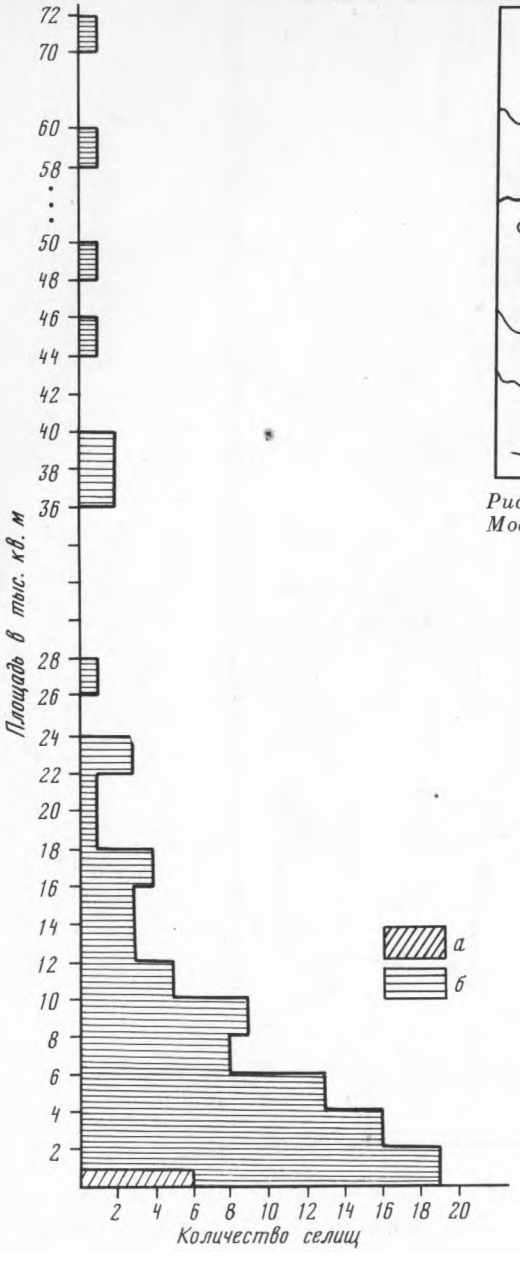


Рис. 15. Распределение селищ XII в. в зависимости от их размера

а — селища площадью до 1 тыс кв. м; б — селища площадью более 1 тыс. кв. м

Рис. 16. Малодворные сельские поселения Московской земли XII в. (площадью до 1 тыс кв. м)

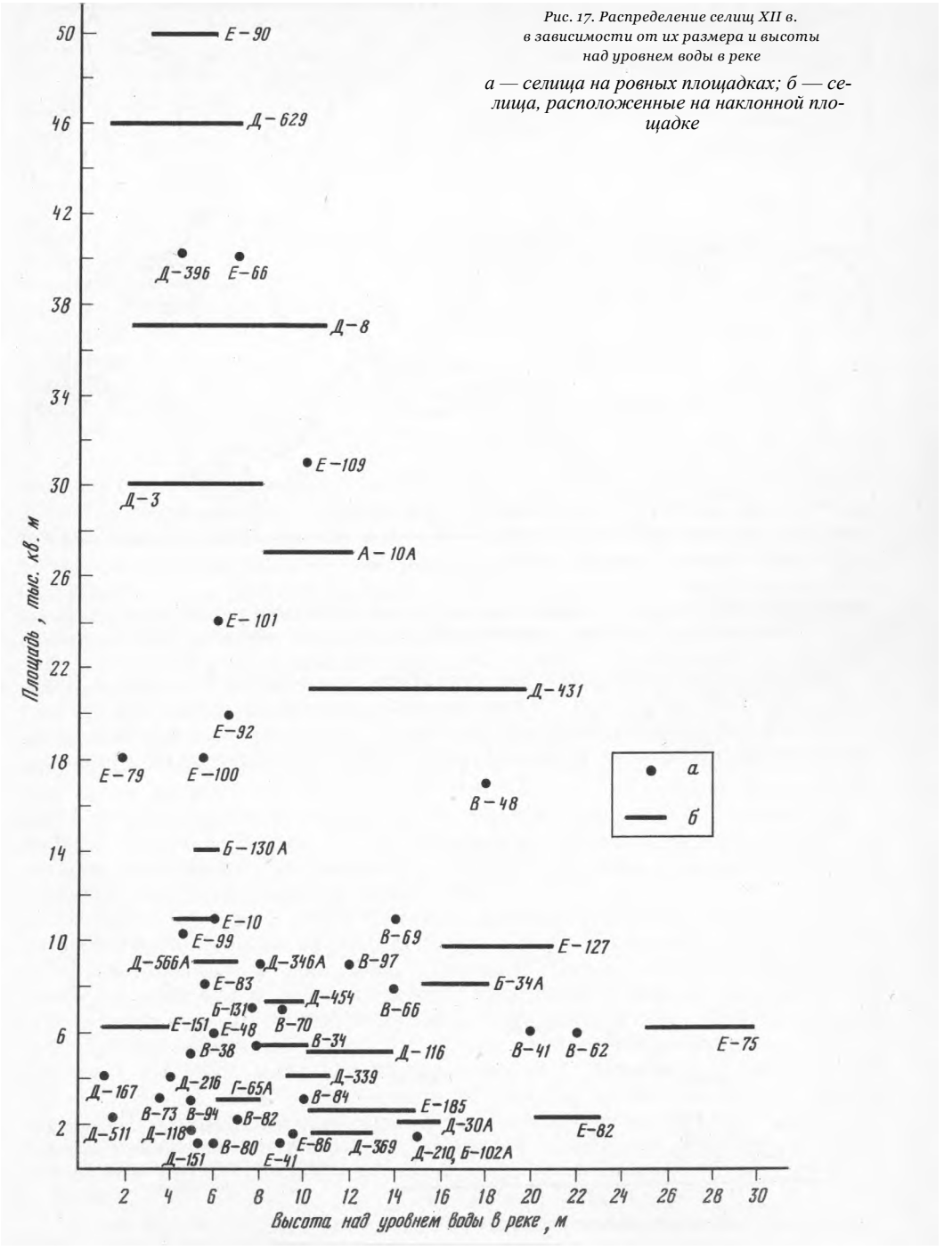


Рис. 17. Распределение селищ XII в. в зависимости от их размера и высоты над уровнем воды в реке

а — селища на ровных площадках; б — селища, расположенные на наклонной площадке

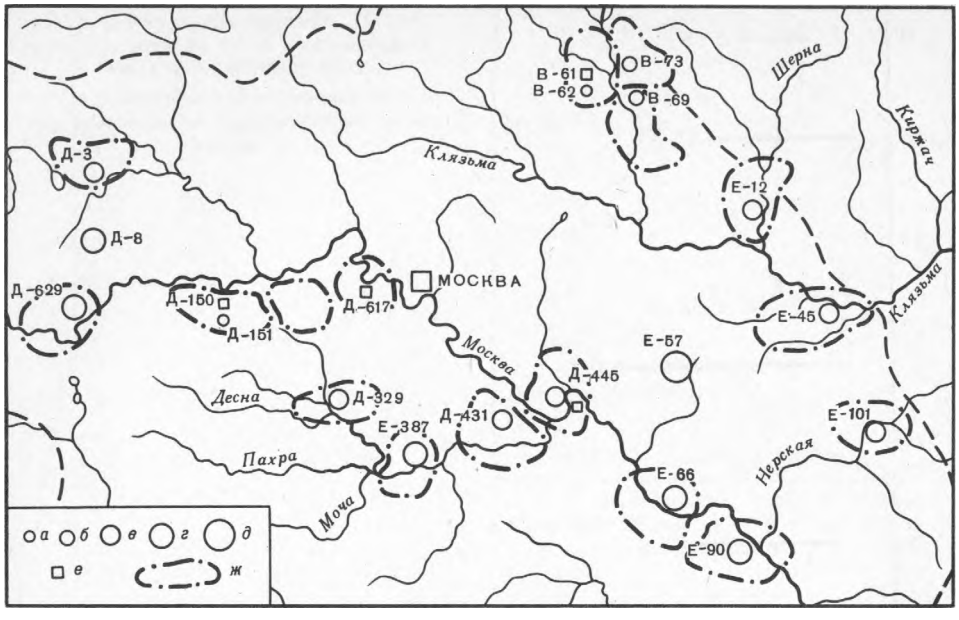


Рис. 18. Сельские территориальные общины Московской земли XII в. и их центры

а — селища площадью до 1 тыс. кв. м; б — селища площадью 1,1—20 тыс. кв. м; в — селища площадью 20,1—30 тыс. кв. м; г — селища площадью 30,1—50 тыс. кв. м; д — селища площадью более 50 тыс. кв. м; е — городища площадью до 10 тыс. кв. м; ж — общинные территории

Несколько по-иному выглядит структура поселений в бассейне р. Бори (рис. 18). Этот район С. З. Чернов подверг сплошному археологическому обследованию; при значительной плотности памятников поселения здесь имеют очень небольшие размеры, чему имеются определенные причины,

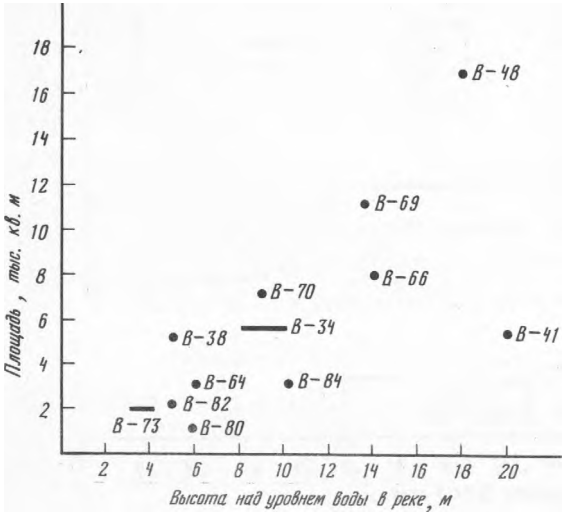


Рис. 19. Селища XII в. бассейна р. Вори в зависимости от их размеров и высоты над уровнем воды в реке

Таблица 5. Селища – общинные центры XI—XII вв.

Селища	Тип заселения
Шейка (Д-3)	Мысовой
Михайловское 1 (Д—629)	Мысовой
Десна (Д—336)	Мысовой
Стрелково (Д—396)	Мысовой (?)
Витовка 1 (Д—431)	Мысовой
Заозерье (Д—445)	Приречный
Николо-Боршево (Е—66)	Мысовой
Городище 2 (Е—90)	Мысовой
Анциферово 3 (Е—101)	Приречный
Саурово (Е—47)	Мысовой
Жилино-Горки (Е—12)	?
Алексеевка 2 (Е—69)	Приречный
Муромцево 2 ((3—48)	Прибрежно-овражный

которые кроются, очевидно, в значительной залесенности этой территории. Известно, что именно по этой причине Сергий Радонежский в конце XIV в. выбрал этот глухой район для основания свой обители. И, видимо, плотность лесов не позволяла основывать здесь значительные по площади поселения.

Для того чтобы выявить среди этих мелких поселений общинные центры, необходимо составить корреляционный график (рис. 19). Как следует из графика, два наиболее крупных селища — Алексеевка 2 (В—69) и Муромцево 2 (В—48) сравнительно невелики: площадь соответственно 11 и 17 тыс. кв. м. Площадь же остальных селищ колеблется в пределах от 1 до 8 тыс. кв. м. Надо думать, однако, что именно эти два селища являлись общинными центрами, вокруг которых распределялись остальные более мелкие поселения (рис. 18). Рядом с селищем Муромцево располагается крупный курганный могильник Муромцево 2, насчитывающий 45 насыпей. Возможно, что он являлся общинным кладбищем, на котором погребались умершие не только с поселения Муромцево 2, но и с других окрестных мелких поселений.

На правобережье р. Вори намечается территориальная община, центр которой состоял не из крупного селища, а из комплекса, включавшего небольшое селище и городище. Городище Царево (В —61) площадью около 3,5 тыс. кв. м, расположенное на нравом берегу р. Прорванихи, культурного слоя практически не имеет [90] и представляет собой, очевидно, тип городища-убежища. В 50 км к югу от него располагается селище Царево 1 (В—62), имеющее площадь около 6 тыс. кв. м и датируемое XII — XV вв. В 55 м к юго-западу от селища расположена курганная группа Царево 1, насчитывающая в настоящее время пять насыпей (В—63). Возможно, что весь этот комплекс памятников являлся центром небольшой территориальной общины, располагавшейся на правобережье р. Вори.

Таким образом, центрами сельских территориальных общин являлись

Таблица 6. Домонгольские селища Московской земли: характеристика памятника и находок

Памятник	Площадь, тыс. кв. м	Наличие деревянных оборон. конструкций	Ремесло	Печи	Цилиндрические замки и ключи	Стеклянные браслеты	Кресты-тельники	Вятичи		Вещи угро-финнов	Курганные древности				Вещи феодального быта	Оружие		Орудия с/х	Типы поселений
								7-лопастные височные кольца	решетчатые перстни		бусы	браслеты металлические	перстни	бубенчики		наступательное	конское снаряжение		
1. Десна (Д—336)	30		Кузнечное, ювелирное	Подпечная яма, глинобитные печи	11 11		1	30	2	1 конек	7	4		3		9 боевой топор, сулицы, наконечники стрел)	12 (удила, подковы)	4 (серпы и коса-горбуша)	Общинный центр
2. Жуковка (Д—166)	10	+	Железоделательное, кузнечное, ювелирное		2+1 ключ		3	11	7		2	1				5 (наконечники стрел)			Феодальная усадьба

3. Серафимо-Знаменский скит (Д—511)	2,4		Печи-каменки	4	2		3	1	1	1 (крупнозерн. бусинное височное кольцо)	5 (наконечники стрел и фрагменты пластин. брони)	1 коса-горбуша	Феодальная усадьба
4. Одинцово (Д—167)					3								Рядовой общинный поселок
5. Писково (Д—63)	? (разрушено)	Железо-делательное	Глино-битная печь		13		1		2		3 (наконечники стрел)	1 подкова	То же
6. Сходня 1 (Б—153А)	?			1 ключ	2				1				То же

не только более крупные селища, но и комплексы, состоящие из городищ, как обжитых, так и не содержащих культурного слоя (городища—убежища). Пока удается наметить небольшое число таких общин (около 17). Показательна география их размещения. Более половины их (девять) располагается на той территории, которая, как мы увидим, на протяжении XII в. оставалась свободной от княжеских границ, что, видимо, закономерно: плотность расположения этих общин сдерживала проникновение княжеской власти.

Прослеженная нами структура сельских поселений XI—XII вв. (общинный центр в виде крупного селища либо комплекса, состоящего из городища и селища, и тянущиеся к нему более мелкие поселения) характерна, очевидно, для дофеодальной, общинной жизни на изучаемой территории. В основе этой структуры лежит сельская территориальная община, которая охватывала поселения, располагавшиеся в округе в 20—30 кв. км.

Облик поселений этих двух типов (общинных центров и рядовых селищ) можно было бы представить на основе их археологического изучения. Однако, как видно из табл. 1, частичным исследованиям подверглось всего шесть селищ. Основным информативным материалом о них являются вещевые комплексы, поскольку жилые постройки, представляющие собой, очевидно, наземные срубы, прослеживаются плохо. От них сохранились лишь заглубленные в материк подпольные ямы (Серафимо-Знаменский скит) и остатки глинобитных печей и печей-каменок (Пискове). Попытаемся охарактеризовать хозяйственную жизнь этих поселений по вещевым комплексам (табл. 6). Как следует из таблицы, некоторые категории вещей свойственны почти всем поселениям: семилопастные височные кольца вятичей, предметы погребального инвентаря, вооружение. Однако некоторые селища имеют определенные особенности: Жуковское селище (наличие деревянных оборонительных конструкций) [91], Битягово (стеклянные браслеты).

Из общинных центров раскопочные работы велись лишь на Деснинском селище (Д—336). Как следует из табл. 6, это селище имело ювелирное (находки литейных форм) и кузнечное (находки полуфабрикатов) ремесла. Отличает его также наличие большого числа фрагментов цилиндрических замков (11) — находки, в большей степени характерные для городских слоев, чем для сельских[92]. Количество вятичских вещей здесь наибольшее — 32 (10 % общего количества вещей).

Выделяет это поселение и наибольшее количество предметов вооружения, среди которых следует отметить находку боевого топора, двух сулиц — оружия, для сельских поселений также не характерного. Все это позволяет рассматривать Деснинское селище не как рядовое сельское поселение, а как центр сельской территориальной общины, одной из основных функций которого была организация обороны от внешнего врага [93].

Поселения Жуковка и Серафимо-Знаменский скит также выделяются некоторыми своими особенностями.

Жуковское селище, имеющее слои очень раннего времени, характеризуется наличием деревянных оборонительных конструкций, не свойственных обычно открытым сельским поселениям, а также разнообразными

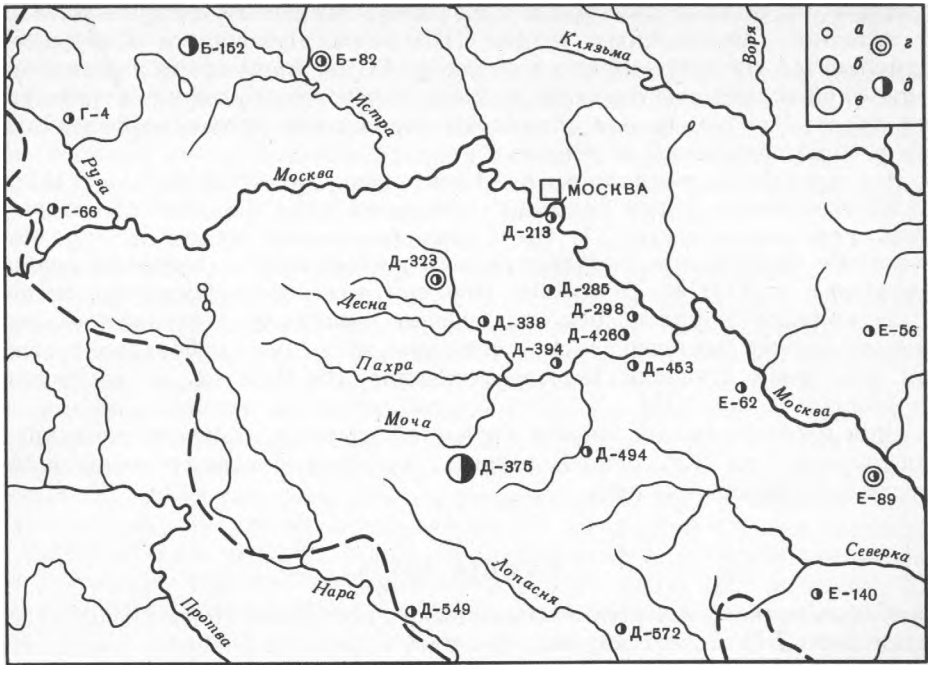


Рис. 20. Селища, возникшие в XIII в.

а – селища площадью до 10 тыс. кв. м; б – селища площадью 21 – 30 тыс. кв. м; в – селища, площадью более 50 тыс. кв. м; г — селища, площадь которых неизвестна; д — селища, доживающие до XIV в.

ремеслами (железоделательное, кузнечное, ювелирное). Сочетание этих особенностей позволяет рассматривать этот памятник как феодальную усадьбу.

Селище Серафимо-Знаменский скит, небольшое по размерам, было частично раскопано нами в своей северной периферийной части[94]. Выявлены следы сооружений в виде заглубленных в материк подпольных ям от наземных срубов с печами-каменками. Инвентарь имеет характерную особенность — наличие обломков стеклянных браслетов, являющихся, как отмечалось В. В. Седовым [95] и прослежено нами на материалах городищ, признаком быта феодальной усадьбы. Возможно, что и здесь мы имеем дело с остатками такой усадьбы. Однако, поскольку был исследован лишь периферийный участок селища, окончательные выводы делать трудно.

Одинцовское селище, селище у д. Писково и Сходня 1, имеющие очень незначительную площадь, относились, видимо, к рядовым общинным поселкам.

Таким образом, несмотря на некоторую гипотетичность выделения различных типов сельских поселений XII в., проистекающую из малой степени исследованности этой категории памятников, очевидно, что XII век — это время, когда прослеживается некоторое расслоение в среде сельской общины. Те намечающиеся по археологическим данным поселки

феодалов (селища Жуковское и Серафимо-Знаменский скит), в отличие от городищ — феодальных усадеб (Неждино, Луковня и Городищи), размещаются на территории, которая в XII в. процессами подчинения княжеской власти еще охвачена не была, о чем речь будет идти в следующей главе. Тем самым они знаменуют зарождение процессов феодализации в гуще общинного населения.

Все поселения, возникшие в XII в., продолжают жить и в XIII в. Число возникших вновь сельских поселений (так же как и городищ) очень невелико — всего 20. Этот спад безусловно связан с монголо-татарским нашествием, подтверждением чего является география селищ, возникших в XIII в. (рис. 20). Все они возникают преимущественно в удалении от крупных рек, по берегам мелких речек и ручьев, что вызвано интересами безопасности. Основная часть их — небольшие поселения, по своей площади не превышающие 10 тыс. кв. м[96]. Средняя же площадь селищ XIII в. — всего 5,6 тыс. кв. м, что значительно меньше средней площади селищ предшествующего времени. Причина этого явления видимо, та же: общий регресс, который связан с вторжением монголо-татарских полчищ.

СЕЛИЩА XIV в.

Наибольшее число известных нам сельских поселений Подмосковья (185) возникает в XIV в., что, видимо, отражает те демографические изменения, которые происходят на изучаемой территории на протяжении этого столетия [97]. Это время характеризуется интенсивностью процессов сложения феодальных форм землевладения — великокняжеского и боярского, начинает оформляться землевладение древнейших монастырей — Троице-Сергиева, Богоявленского, Симонова и др. В данной работе мы коснемся этих вопросов лишь на основании археологического материала — селищ, возникших в XIV в., и только с точки зрения их географии, топографии и внешних параметров, поскольку исследовательские работы на этих селищах практически не проводились.

Несмотря на то что степень информативности о поселениях этой поры далеко не полная, география их размещения в значительной степени показательна (рис. 21). Подавляющая часть селищ XIV в. появляется в северных районах княжества, причем сопоставление карты селищ XIV в. с картой плотности домонгольских археологических памятников (рис. 2) показывает, что поселения XIV в., а из них в основном обследованы крупные великокняжеские и боярские села, возникают, как правило, вне основных сгустков памятников домонгольской поры. Так, районы наибольшей плотности населения в домонгольское время — к югу от Москвы, по течению рек Пахры и Рожайки, по правобережью р. Москвы выше города — памятников XIV в. почти не содержат. Это наблюдение позволяет выдвинуть тезис о том, что процесс сложения крупного феодального землевладения в Московском княжестве начинался не в гуще общинного сельского населения, а с освоения свободных земель либо земель, прилегающих к территориальным сельским общинам [98], а лишь потом происходил постепенный отток населения с близко расположенных домонгольских поселений в эти крупные феодальные села с их более высокой сельско-

хозяйственной техникой и более совершенными приемами обработки почвы.

Наши обследования более сотни поселений XIV в., по топонимическим и некоторым другим признакам связываемых с великокняжеским и боярским землевладением, практически не дали ни одного случая расположения этих сел на месте домонгольских селищ; в то же время прослежено несколько случаев (Михайловское на р. Москве, Андреевское близ Звенигорода, Лопастенское (д. Рыбаки) на берегу оз. Круглого), когда домонгольские селища, располагавшиеся близ крупных великокняжеских сел, прекращают свое существование на протяжении XIV—XV вв.

Селища бассейна р. Бори, где С. З. Черновым проведены сплошные обследования археологических памятников, эти наблюдения подтверждают в полной мере. Мы видим, что здесь наибольшая плотность археологических памятников XIV в. приходится на тот участок верховьев р. Бори, где в домонгольское время население отсутствовало совсем (рис. 22).

Хронологическая таблица поселений, возникших в XIV в., показывает, что меньше половины этих селений доживает до нашего времени, а оставшиеся 106 селищ прекращают свое существование на протяжении XV—XIX вв. (рис. 23), причем среди последних преобладают мелкие селища.

Та типология, которая была выработана нами для селищ домонгольского времени, может быть применима и для селищ XIV в. (табл. 2). Распределение поселений XIV в. по типам заселения (в зависимости от топографии памятников) претерпевает существенные изменения. Еще более господствующим типом в сравнении с домонгольским временем становится приречный тип заселения (83,2 %). Однако отличие заключается в том, что селища XII—XIII вв. располагались по берегам крупных рек, в то время как селища XIV в. — по берегам мелких притоков и ручьев. Значительно уменьшается число селищ с мысовой планировкой — до 9 %, что связано, видимо, во-первых, с размещением поселений этой поры на более мелких речках, где мест для подобной планировки было гораздо меньше, и, во-вторых, с тем, что в XIV в., когда уменьшились междукняжеские столкновения и сократилась опасность внешних вторжений, необходимость выбора наиболее защищенных мест для сельских поселений также в значительной степени отпала. Показательно в связи с этим, что девять из 13 селищ с мысовой планировкой располагаются по правобережью р. Москвы, где проходила древняя дорога в Орду (рис. 21: Д-270, Д-297, Д-428, Д-429, Д-433, Д-457, Е-155, Е—159, Е—189).

Показательно также полное отсутствие в XIV в. селищ, относящихся к прибрежно-овражному и перешеечному типам заселения, также наиболее безопасным с точки зрения обороны. И наоборот, возрастает число более открытых поселений на водоразделах, что связано еще и с возрастанием роли сухопутных дорог (с 4,2 до 7,6 % — табл. 2).

Тип застройки может быть определен для 111 селищ. Резко возрастает число селений с уличной застройкой (с 2,3 до 30,6 %) за счет сокращения селищ с прибрежно-рядовой планировкой (с 64,8 до 36%), причиной чего является возрастание роли сухопутных дорог в сравнении с речными. Только для XIV в. характерны селения, относящиеся к замкнутому либо полузамкнутому типу застройки, когда постройки образуют квадрат либо

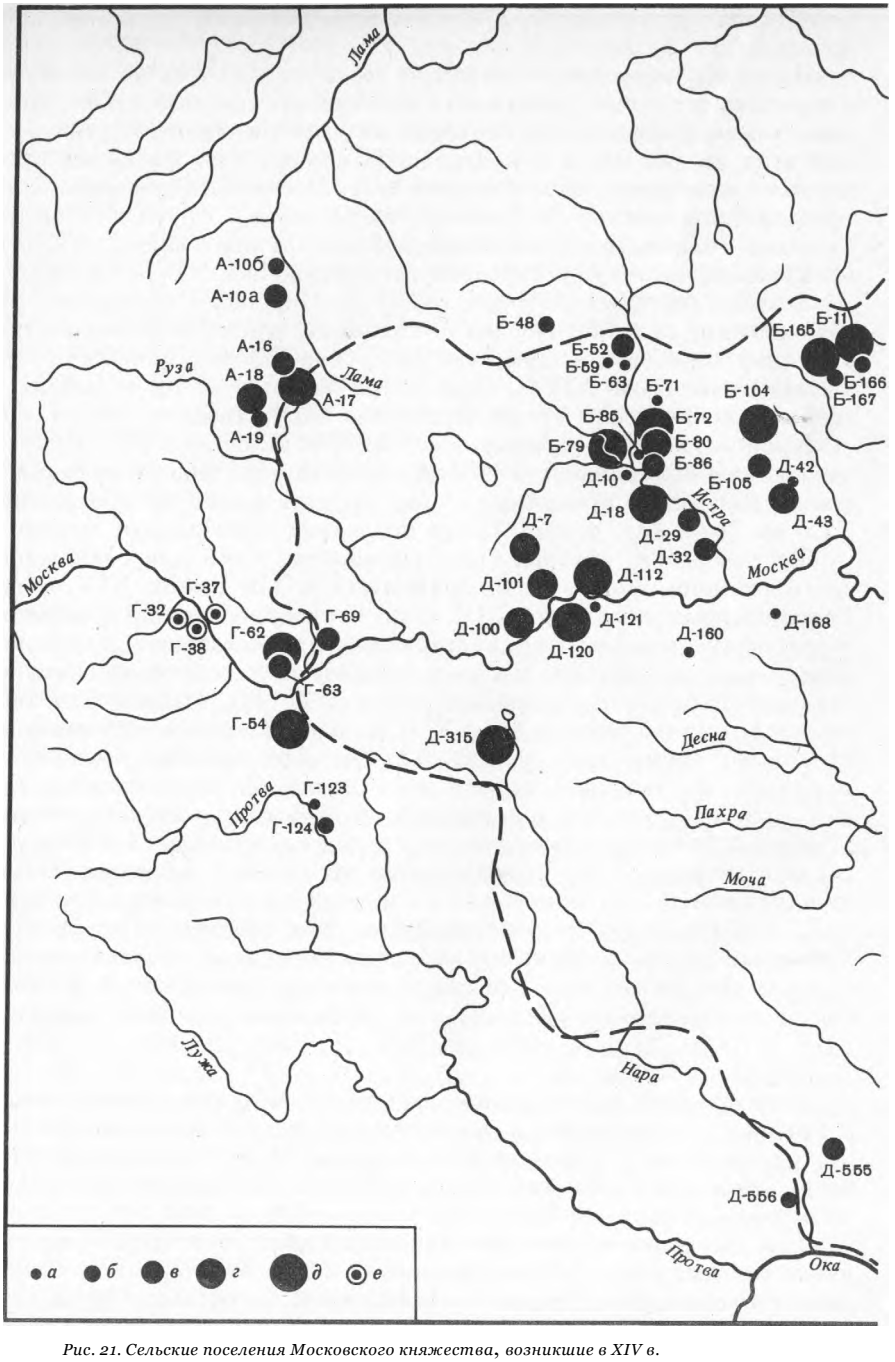
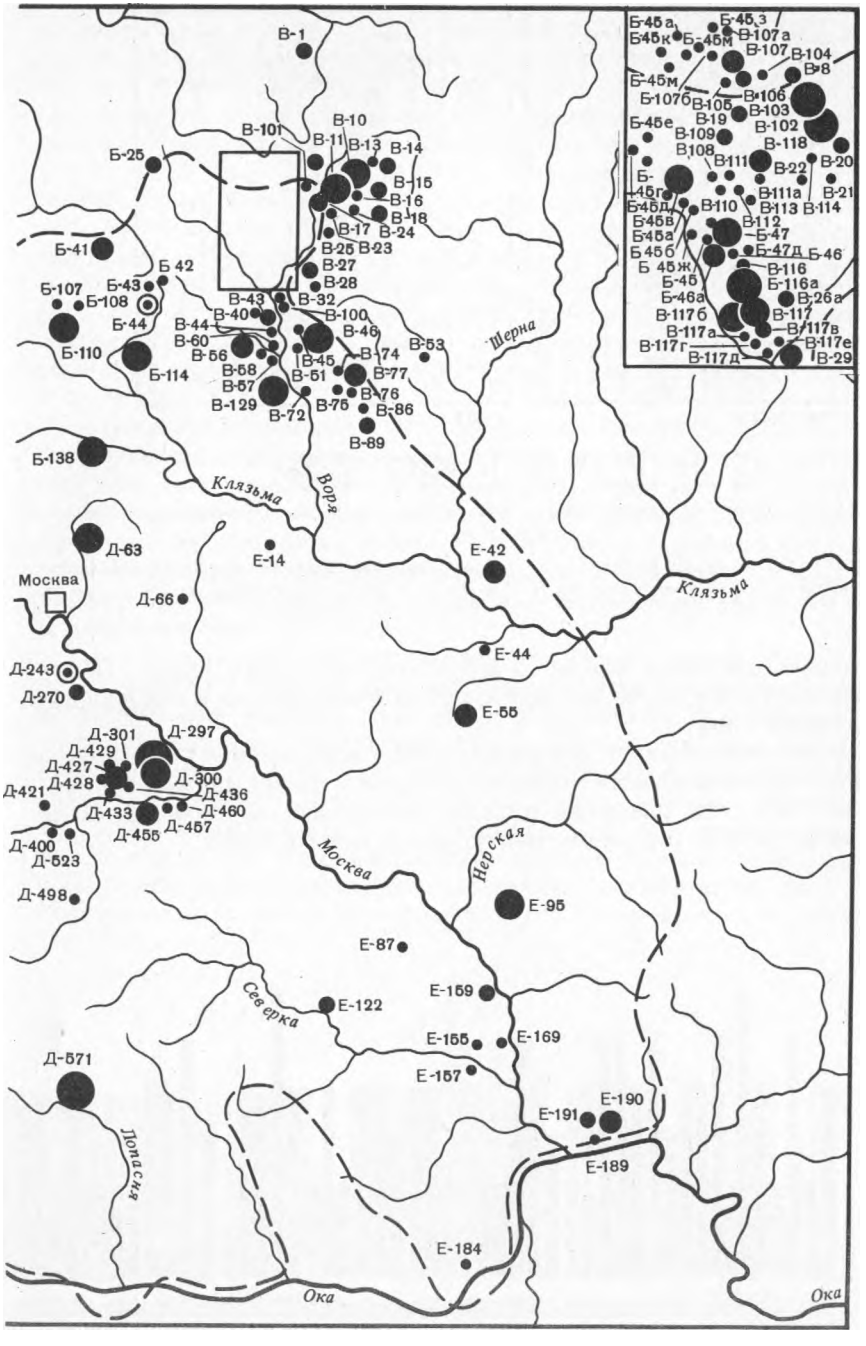


Рис. 21. Сельские поселения Московского княжества, возникшие в XIV в.

а – селища площадью до 10 тыс. кв. м; б – селища площадью 11 – 20 тыс. кв. м; в — селища пло- 50 тыс. кв. м; е — селища площадь которых неиз



щадью 21—30 тыс. кв. м; г – селища площадью 31 30 тыс. кв. м: д селища площадью более
вестна. На врезке – памятники бассейна р. Бори

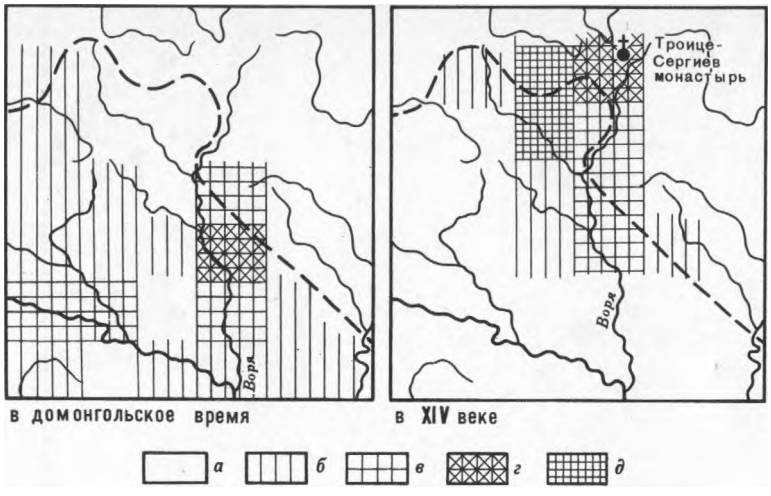


Рис. 22. Плотность археологических памятников бассейна р. Бори в домонгольское время и в XIV в.

а – отсутствие памятников на 100 кв. км; б — 1—5 памятников на 100 кв. км; в — 6 — 10 памятников на 100 кв. км; г — 11 — 15 памятников на 100 кв. км; д — 16—25 памятников на 100 кв. км

часть его и располагаются обычно вокруг искусственного пруда. Почти без изменений остается число селений с кучевой застройкой и относящихся к смешанному типу.

Социально-экономическую дифференциацию поселений XIV в. можно проследить на основании письменных источников, а также данных топонимики. Кроме того, эти различия находят отражение во внешнем виде селищ (размер, высота площадки над уровнем воды в реке).

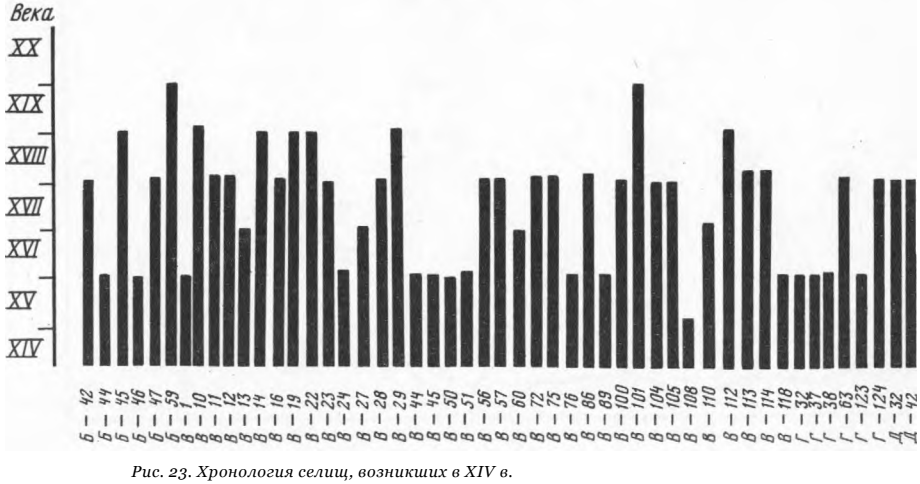
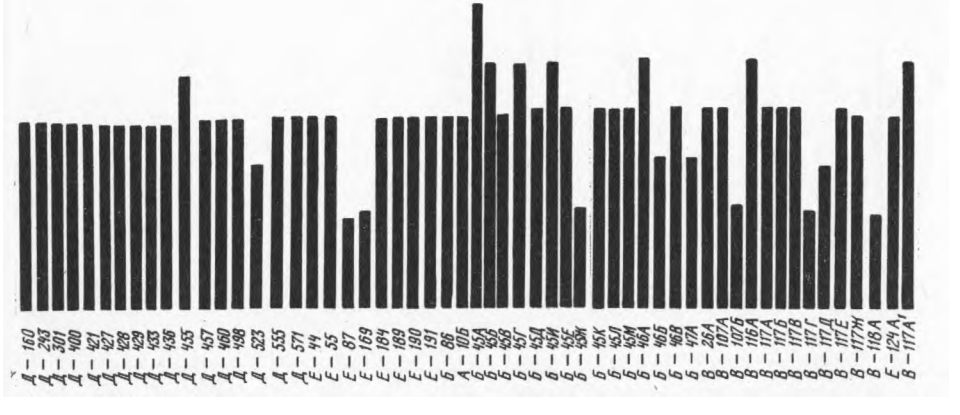


Рис. 23. Хронология селищ, возникших в XIV в.

Корреляционный график распределения селищ XIV в. в зависимости от их размера и высоты над уровнем воды в реке (рис. 24) показывает, что размеры селищ этого времени варьируют очень значительно: от 1,4 тыс. кв. м (Б — 46Б) до 600 тыс. кв. м (Б—165), причем количественно преобладают селища более мелких размеров, располагающиеся на более низких береговых террасах, имеющих высоту до 16 м. Однако думается, что средний размер селищ XIV в. следует рассчитывать, исходя не из общего числа, поскольку значительное их количество составляют крупные, выборочно обследованные пункты великокняжеского и боярского землевладения, а исходя из данных, полученных на основании сплошных обследований небольших регионов (бассейн Бори и Пахры) ". Для 96 селищ XIV в., выявленных в этих районах, средний размер поселений составляет 12,8 тыс. кв. м, что более чем в 2 раза превышает средний размер селищ, возникающих в XIII в., и значительно больше среднего размера селищ XII в.

Структура поселений XIV в., характеризующегося сложением крупного феодального землевладения, видимо, не отличалась от структуры поселений домонгольского времени, с тою лишь разницей, что теперь крупными центрами, вокруг которых группировались более мелкие поселения, являлись уже не общинные центры, а крупные феодальные села. Эта структура поселений, характерная для эпохи феодализма вплоть до XVI в., хорошо прослеживается по письменным источникам (актовым материалам и писцовым книгам XVI в.).

На археологических материалах это хорошо видно в тех районах, где поселения XIV в. обследовались сплошь. Так, на левобережье р. Пажи, не территории Третьей слободы д. Морозово С. З. Черновым выявлено обширное селище (площадью около 42 тыс. кв. м), топографическое расположение которого характерно для крупных великокняжеских и боярских сел. Селище располагалось на самом высоком участке береговой террасы безымянного ручья, текущего в р. Пажу, возвышаясь над ручьем на 40—50 м. По топонимическим данным селище может быть связано с землевладением Ивана Мороза — основателя боярского рода Морозовых. В актовых источниках село упоминается неоднократно, начиная с 1443 г.,



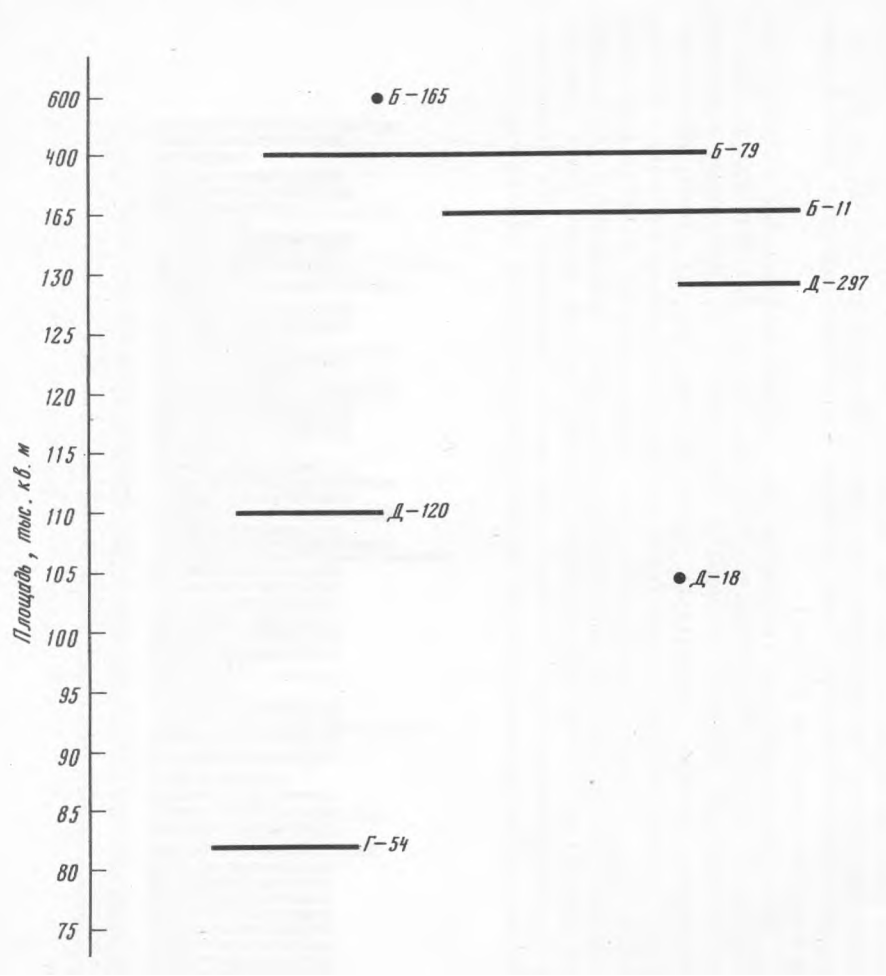
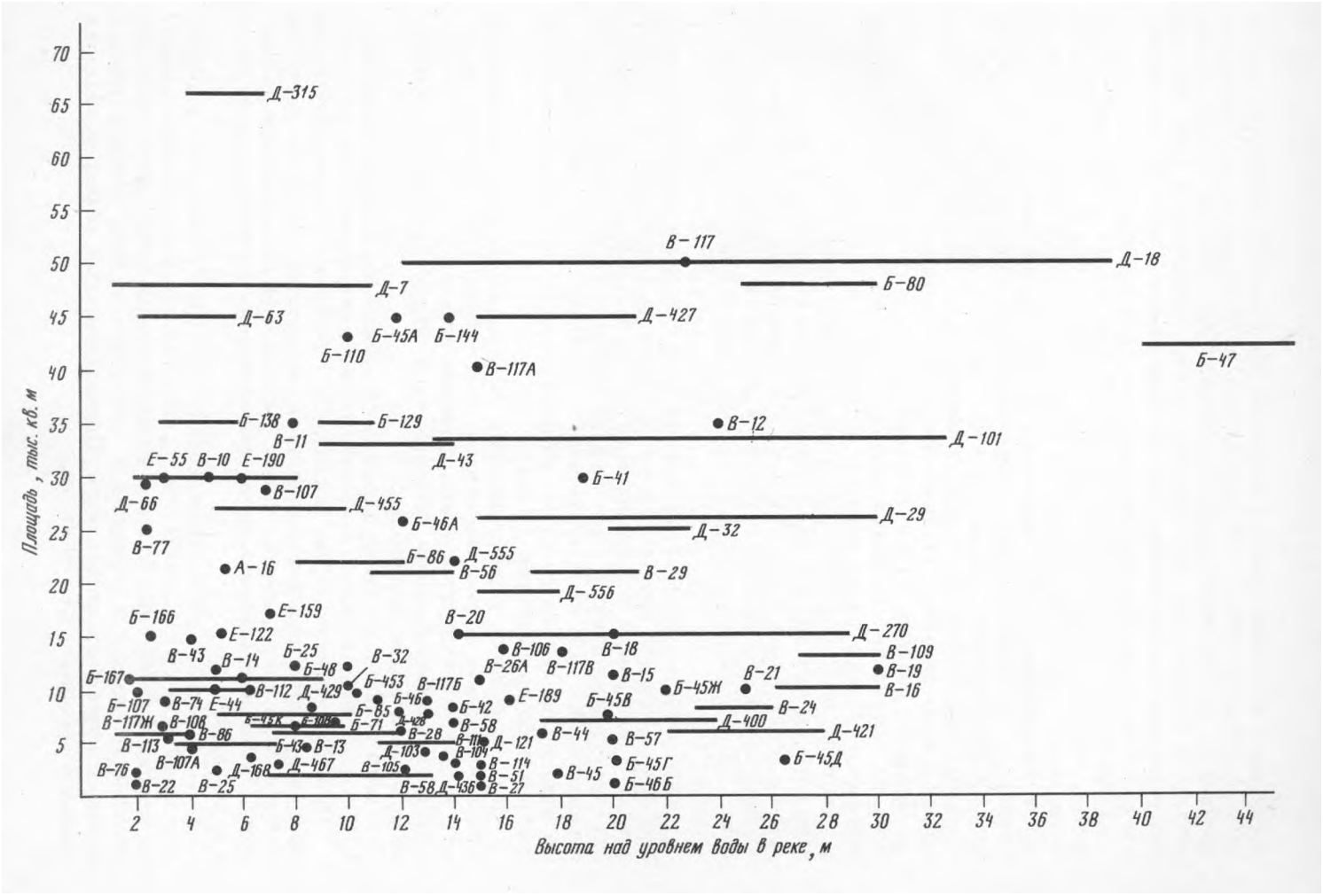


Рис. 24. Селища XIV в. в зависимости от их размера и высоты над уровнем воды в реке

Сл


Площадь, тыс. кв. м
Высота над уровнем воды в реке, м
Д-315
В-117
Д-18
Д-7
Б-80
Д-63
Б-45А
Б-144
Д-427
Б-110
В-117А
Б-47
Б-138
Б-129
В-12
В-11
Д-101
Д-43
Е-55
В-10
Е-190
Б-41
В-107
Д-66
Д-455
Б-46А
Д-29
Д-32
В-77
Б-86
Д-555
А-16
В-56
В-29
Д-556
Е-159
Б-166
В-20
Д-270
Е-122
В-43
В-14
Б-25
В-32
В-106
В-18
В-109
Б-48
В-26А
В-117В
В-19
Б-167
Б-453
В-117Б
В-15
В-21
Б-45Ж
В-16
В-112
Д-429
Б-46
Е-189
Б-107
В-74
Е-44
Б-85
Б-42
Б-45В
В-24
В-117Ж
В-108
Б-45К
Б-108
Б-71
Д-428
В-58
Д-400
В-86
В-28
В-44
В-57
Д-421
В-113
Б-43
В-13
Д-103
В-111
Д-121
В-104
В-107А
Д-467
В-105
В-114
Б-45Г
Б-45Д
В-76
Д-168
В-51
В-45
В-22
В-25
В-58
Д-436
В-27
Б-46Б

когда оно находилось уже во владении Кучецких [100]. В 1 км к западу от с. Морозово располагается современная д. Филимоново, на территории которой С. З. Черновым выявлено селище XV—XX вв. К югу и юго-западу от деревни открыто еще два селища, культурный слой которых содержит красную керамику XIV в.: Филимоново 1 (Е—45) и Филимоново 2 (Е—46) соответственно площадью 4,5 и 8 тыс. кв. м.

Разысканиями С. Б. Веселовского восстановлено родословие Морозовых, откуда узнаем, что племянником Ивана Мороза был Филимон Васильевич, сын его брата Василия Туши [101]. Подобные совпадения генеалогии, топонимики и археологических данных случайными быть не могут. Очевидно, что комплекс археологических памятников (селище Морозово, селище Филимоново 1 и 2, а также селище у Сальниковой будки — В —110) представляет собой группу поселений, состоящих из села и тянущихся к нему деревень, являющихся родовой вотчиной Морозовых.

Подобную родовую вотчину потомков основателя боярского рода Андрея Кобылы, весьма значительных размеров, удается проследить в нижнем течении р. Пахры по ее притоку р. Исходке и притоку р. Москвы — р. Людовке, обследования которой проводились нами в 1979 г. В состав этой вотчины входила так называемая Коробовская земля, хорошо известная по серии актов конца XV в.[102] По археологическим данным здесь прослеживается аналогичная структура поселений: крупные селища Коробово 2 (Д—427) и Колычеве 3, к которым «тянут» более мелкие поселения (соответственно Д—301, Д—429, Д—428, Д—433, Д—436 и Д—457).

Более подробно эти вопросы должны быть освещены при рассмотрении проблемы сложения боярского землевладения на территории Московской земли. Приведенные же примеры лишь иллюстрируют то наблюдение, что структура поселений, сложившаяся в ранний период жизни сельских поселений (XI—XII вв.), продолжает сохраняться и в период развитого феодализма, но складывается она на новых местах, вне старых общинных центров либо по соседству с ними.

Что же касается типов поселений XIV в., то, видимо, основные их составляющие — это феодальные села, возникающие, как правило, на новых местах, и «тянущие» к ним деревни, починки и пустоши, хорошо фиксируемые письменными источниками и, видимо, трудно различимые по археологическим материалам.

Таким образом, изучение сельских поселений Московской земли XI — XIV вв. позволяет выявить некоторые закономерности в их развитии.

Наиболее древние из них восходят к IX —XI вв. Преимущественное размещение этих немногочисленных и некрупных по своим оазмерам поселений на трех основных реках региона — Москве, Клязьме и Нерской — позволяет наметить пути проникновения славянского населения в изучаемый регион.

К XII в. складывается определенная структура в размещении сельских поселений, позволяющая наметить территорию отдельных сельских общин, состоящих из общинных центров в виде крупных селищ либо сочетания небольшого селища и городища и «тянущих» к этим центрам мелких селищ и курганных могильников. Приблизительный размер территории сельской общины — 24—30 кв. км.

Таблица 7. Средний размер сельских поселений Московской земли IX—XIV вв. (тыс. кв. м)

IX-XI вв.	- 10,8	XIII в.	5,6
XII в.	— 11,0	XIV в.	12,8

XII век — время сложения государственности на изучаемой территории, и параллельно этому процессу идет процесс феодализации общинных земель. Археологически среди сельских поселений этой поры удается наметить селища, представляющие собой феодальные села (Жуковское селище, селище Серафимо-Знаменский скит). Несколько укрупняется средний размер селища (11,0 тыс. кв. м — табл. 7).

Селища, возникающие в XIII в., немногочисленны и размещаются в более глухих районах — на мелких притоках и ручьях. Резко сокращается средний размер селищ этой поры (до 5,6 тыс. кв. м). Все это является выражением общего регресса, который был вызван монголо-татарским нашествием.

В XIV в. структура сельских поселений остается прежней: вокруг крупных селищ группируются более мелкие. Однако по существу эти гнезда поселений принципиально отличны от ранних территориальных общин. В тех случаях, где такая структура прослеживается (сплошные обследования памятников XIV в.), выясняется, что подобные сгустки поселений представляют собой боярские родовые гнезда в виде крупных сел, к которым «тянут» более мелкие поселения. Возникают они вне общинных территорий либо поблизости от них, что проливает определенный свет на процесс взаимодействия крупного феодального землевладения с местным общинным населением. Показательным является и значительное возрастание среднего размера сельских поселений XIV в. (до 12,8 тыс. кв. м).

[1] Памятники русского права. Под ред. А. А. Зимина. М., 1953. С. 39—53; *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича//Археограф, ежегодник 1962. М., 1963; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии // Там же. 1965. М., 1966; *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Slowianie w dziejach Europy. Poznan, 1974; *Он же.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины //СА. 1979. №4. С. 95—110.

[2] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 70—79.

[3] *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. М., 1980. С. 117 — 128.

[4] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

[5] *Киселев С. В.* Поселение//Труды секции теории и методологии (социологической) Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Вып. 2. С. 35 — 68.

[6] *Арциховский А. В.* Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. 1934. № 11 —12. С. 35—60.

[7] *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси // ИГАИМК. 1935. Вып. 138.

[8] Там же. С. 24.

[9] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. М.; Пг., 1923. С. 60—70.

[10] *Воронин И. Н.* К истории. . . С. 40.

[11] Там же. С. 43, 72.

[12] *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936. С. 14-16.

■[1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12] Там же. С. 31.

[14] Там же. С. 22, 26.

[15] *Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. В. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 327—376.

[16] Там же. С. 340, 363, 375. Подтверждением выводов Б. А. Романова о том, что погосты являются поздним церковным новообразованием и вследствие этого не могут служить центрами волостных территорий, сложившихся исстари, служат наши обследования ряда топонимов, содержащих в названиях термин «погост» (Мушков погост, Похрянский погост, погост Козьмы и Демьяна и др.). Ни один из них не содержал достаточно выразительного культурного слоя, чтобы отождествить его с. волостным центром.

[17] Там же. С. 382.

[18] Там же. С. 440, 415-416.

[19] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.//ИГАИМК. 1935. Вып. 109.

[20] Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.//Труды РИМ. 1956. Вып. 32. С. 7—18, 151 — 185. Всего было учтено 425 сельских поселений.

[21] *Седов В. В.* [Рец.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.] // СА. 1958. JV« 1. С. 289-292.

[22] Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды ГИМ. 1959. Вып. 33.

[23] *Седов В. В.* Первые результаты археологического изучения древнерусской деревни Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2. С. 281—310; *Он же.* Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиций 1956 — 1957 гг.) // КСИИМК. 1960. Вып. 79. С. 43—45; *Он же.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли //МИА. 1960. №92.

[24] *Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 34, 35.

[25] *Фехнер М. В.* Раскопки селища близ Грехова ручья // Археологический сборник (Труды ГИМ. 1960. Вып. 37. С. 156-166).

[26] *Успенская А. В.* Древнерусское поселение Беницы //Ежегодник ГИМ. М., 1964. С. 216-228.

[27] Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.//Труды ГИМ. 1967. Вып. 43.

[28] Там же. С. 275-280.

[29] *Никольская Т. Н.* Сельские поселения земли вятичей // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 3—10.

[30] *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М., 1981. С. 42—96.

[31] *Успенская А. В.* Древнерусское поселение близ г. Дубна //Труды ГИМ. 1966. Вып. 40. С. 105—111; *Никольская Т. Н.* Древнерусское селище Лебедка // СА. 1957. № 3. С. 176—197; *Успенская А. В.* Древнерусское поселение Беницы; *Она же.* Отчет о раскопках селища Беницы Боровского района в 1960 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 2063; *Она же.* Отчет о раскопках 1961 г. на селище Беницы Калужской обл. Боровского р-на // Там же. Д. 2292; *Она же.* Отчет о раскопках 1962 г. на селище Беницы Калужской обл. Боровского р-на//Там же. Д. 2518.

[32] *Векслер А. Г.* Жуковское селище под Москвой // АО 1967 г. М., 1968. С. 49, 50; *Он же.* Отчет об археологических раскопках Жуковского селища в Одинцовском р-не Московской обл. в 1965 г. //Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 3088; *Он же.* Отчет об археологических раскопках Жуковского селища в Одинцовском р-не Московской обл. в 1966 г. // Там же. Д. 3277.

[33] *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли (из предыстории с. Битяговского) // КСИА. 1976. Вып. 46. С. 71—75; *Она же.* Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 3707, 3707А.

[34] ДДГ. С. 48.

[35] *Векслер А. Г.* Отчет об археологических работах в Московской области // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 5425.

[36] Очень благодарна А. К. Станюковичу за использование документации.

[37] *Станюкович А. К.* Отчет об археологических и археофизических исследованиях в Московской и Рязанской областях РСФСР и Крымской обл. УССР в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 6276; *Он же.* Отчет о комплексных исследованиях на археологических памятниках в Ленинском и Луховицком районах Московской области, г. Москве и Анапском р-не Краснодарского края, проведенных в 1977 г. // Там же. Д. 6801; *Он же.* Отчет о комплексных археологических исследованиях на территории Ленинского р-на Московской области и Анапского района Краснодарского края в 1978 г. // Там же. Д. 7298.

[38] Из девяти селищ этой группы, планы которых известны, четыре поселения относятся к прибрежно-овражному тину и два к мысовому.

[39] Материалы раскопок селища готовятся А. К. Векслером к публикации.

[40] *Юшко А. А.* Раскопки селища Покров 5 // АО 1985. М., 1987. С. 85.

[41] *Гоняный М. И., Станюкович А. К.* Новые памятники Подмосковья//АО 1981 г., М., 1983. С. 54.

[42] *Фролов А. С., Грудинкин Б. В., Прошкин О. Л., Станюкович А. К.* Работы Калужской экспедиции //АО 1986. М., 1988. С. 98.

[43] *Юшко А. А.* Покровские и Стрелковские курганы // СА. 1972. № 1. С. 186.

[44] Число городищ, возникающих в конце XI в., также равно 12, но следует отметить, что среди них есть городища, расположенные за пределами границ княжества Ивана Калиты (рис. 25).

[45] ПСРЛ. Т. I. С. 515-516.

[46] Об этой дороге речь будет идти во второй главе, в связи с локализацией географической номенклатуры, связанной с летописным сюжетом 1209 г.

[47] *Каргалов В. В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966. С. 40, 41.

[48] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 142.

[49] ПСРЛ. Т. I. С. 516-518.

[50] *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда. Л., 1937. С. 161.

[51] ПСРЛ. Т. I. С. 518.

[52] ПСРЛ. Т. I. С. 527.

[53] ПСРЛ. Т. XXV. С. 157.

[54] *Витое М. В.* О классификации поселений // СЭ. 1953. № 3. С. 34.

[55] *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (поселения, жилища и хозяйственные строения) //Труды Ин-та этнографии. 1956. Т. 31.

[56] *Седов В. В.* Сельские поселения. . .

[57] *Никольская Т. Н.* Сельские поселения земли вятичей. С. 3—10.

[58] Из 153 памятников имеются планы либо достаточно подробные описания их для 141 селища.

[59] В. В. Седов полагает, что овраги никакой оборонительной роли не играли, мотивируя это тем, что некоторые селища «разрезались оврагами на две—три части» *(Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 13). Однако с этими доводами едва ли можно согласиться. На территории Московской земли также имеются селища, преимущественно относящиеся к приречному типу, площадки которых разрезаны оврагами. Но это, как правило, овраги неглубокие, которые действительно могли образоваться позже. Однако в тех случаях, когда селища ограничены значительными по размерам оврагами, по дну которых в древности могли протекать ручьи, их оборонительные функции невозможно не учитывать.

[60] Третий тип, согласно классификации Т. Н. Никольской.

[61] *Дик Н. Е., Лебедев В. Г., Соловьев А. И., Спиридонов А. И.* Рельеф Москвы и Подмосковья. М., 1949. С. 27; Московская область. Атлас. М., 1976. С. 20.

[62] *Дик Н. Е. и др.* Рельеф Москвы. . . С. 19.

[63] При подсчетах поселений но этой реке было учтено и селище в урочище Зиночка (Е—99), расположенное в петле старицы р. Нерской и относящееся к перешеечному типу на том основании, что с точки зрения обороны этот тип заселения близок к мысовому, так как поселения этого типа имеют наименьшую протяженность незащищенных участков.

[64] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 11, 12; *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 10, 11; 7^{1} *ихомиров М. Н.* Основание Москвы и Юрий Долгорукий // Изв. АН СССР. 1948. Т. V. № 2. С. 122—124; *Он же.* Средневековая Москва. . . С. 122 — 124 и др.

[65] Об опасности жизни близ больших дорог свидетельствуют источники более позднего времени. Сохранилась серия актов конца XV в., посвященных судьбе Коробовской земли (нижнее левобережье р. Пахры), через которую проходила одна из дорог в Орду. Правая грамота 1494—1499 гг. сообщает по этому поводу: «И люди на той земле не сели разбоя для. Да и послы татарские тою же дорогою ходили» (АСЭИ. 1958. Т; II. № 411. С. 434).

[66] *Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 25 и прим. 36.

[67] *Витое М. В.* О классификации поселений. . . ; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки. . . ; *Введенская Л. Г.* Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в. // Труды ГИМ. 1941. Вып. XV.

[68] *Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 26—28.

[69] Из общего числа селищ (153) тип застройки может быть определен только в 88 случаях.

[70] *Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 26. Частично раскопанное нами в 1968 г. селище у Серафимо-Знаменского скита при ширине около 30 м имело следы жилых построек, также располагавшихся в один ряд.

[71] *Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 26.

[2] В их число входят всего два поселения: селище у д. Акатово (Г—4) и у пос. Большая Володарка (Д—464). Причем сведения о них не вполне надежны ввиду плохого качества съемки планов. В. В. Седов отмечает, что этот тип застройки в Древней Руси встречался исключительно редко (*Седов В. В.* Сельские поселения. С. 28).

[73] *Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 35.

[74] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва. . . С. 140.

[70] На распаханной части селища Заозерье был найден серебряный брактеат саманидского дирхема конца X—начала XI в. *(Векслер А. Г., Станюкович А. К., Атавин А. Г., Данилова О. М.* Исследования в Подмосковье //АО 1974 г. М., 1975. С. 53).

[7(1] *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках на территории Большой Москвы и в Раменском р-не Московской обл. // Архив ИА АН СССР. Р 1. Д. 2182.

[77] Район этот, к сожалению, сплошным археологическим обследованиям не подвергался, вследствие чего основные сведения о нем, которыми мы располагаем, — это сведения о курганных группах, которым безусловно соответствовали и синхронные им поселения. Проведенные нами в 1980 г. сплошные обследования небольшого участка этой территории — берегов Титовского оврага с текущим по его дну ручьем (от д. Богдановки до д. Титово на р. Москве) показали, что каждой из многочисленных курганных групп, располагающихся близ этого оврага (Д—439, Д—440, Д—441, Д—442, выявлены и новые группы курганов), соответствуют некрупные селища.

[78] *Романов Б. А.* Изыскания. . . С. 375.

[79] ПСРЛ. Т. XXV. С. 17, 18, 20 и др.; Т. I с. 237.

[80] ПСРЛ. Т. XVIII. С. 45, 46.

[81] *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки. . . С. 34.

[82] ПСРЛ. Т. I. С. 60.

[83] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 143—147.

[84] ПСРЛ. Т. I. С. 238.

[85] *Рабинович М. Г.* Поселения//Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1970. Ч. 1.

[86] Из общего числа селищ XII в. (120) сведения об их размерах имеются лишь о 87.

[87] Соответствующие данные имеются лишь для 53 памятников.

[88] Общинные территории, сложившиеся в XI в. (рис. 18), продолжали жить и в XII в., о чем говорит подавляющая часть погребальных комплексов.

В то время как в целом для домонгольских селищ приречный тип является господствующим (56,7 %), селища же с мысовой планировкой составляют лишь 29 %.

[9(1] Шурфовка его С. 3. Черновым дала два неясных фрагмента круговой керамики *(Чернов С. З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г.// Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 6693).

[91] Раскопки А. Г. Векслера (Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 3277).

[92] Это обстоятельство, а также некоторые другие факты позволили исследователю памятника А. К. Станюковичу высказать заключение о том, что поселение имело скорее городской, чем сельский облик *(Станюкович А. К.* Отчет 1976 г.).

[93] *Щапов Я. Н.* О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 13—21.

[94] *Юшко А. А.* Отчет 1968 г.

[95] *Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 123.

[96] Половина селищ, возникающих в XIII в., относится к приречному типу заселения.

[97] В число изучаемых селищ этого периода включены и те, которые располагаются на территориях, сопредельных с границами княжества 1336 г., ввиду того, что территории эти были включены в состав Московского княжества на протяжении XIV в. и возникновение их было связано с внутренними экономическими процессами Московской Руси.

[98] Сопоставление карты селищ XIV в. с картой территориальных объединений сельских общинников (рис. 18) также показывает почти полное несовпадение общинных территорий с селищами XIV в.

[99] Бассейн р. Вори обследовался в 1976—1978 гг. С. 3. Черновым, бассейн р. Пахры — нами в 1968 г.

[100] АСЭИ. Т. I. № 178. С. 129.

[101] *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 208.

[102] АСЭИ. Т. II. № 408-413. С. 426-442.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОРОДА И ГОРОДИЩА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XI—XIV ВВ.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В рамках данной работы нет необходимости подробно останавливаться на историографических аспектах понятия «русский средневековый город». Вопросы эти достаточно разработаны в соответствующей литературе Подробнее остановимся лишь на тех немногочисленных работах, которые касаются городов Московского княжества, и на некоторых других, имеющих принципиальное значение для истории городов Московской земли.

В дореволюционной историографии, которой свойственно преимущественное внимание к правовым и политическим аспектам проблемы древнерусского города [2], периоду становления городов Московского княжества посвящен ряд высказываний представителей демократической мысли (А. И. Герцен, А. П. Щапов). В их работах Москва как центр княжеской власти противопоставлялась Новгороду с его общинным началом. А. П. Щанов в истории русских городов выделял два этапа — вечевой и московский, а период образования централизованного государства называл «Московское насилие большое», которое, «как зима, побивало самые юные ростки, зачатки вечевого организма» [3].

Важный этап дореволюционной историографии составили работы буржуазных ученых так называемого экономического направления. Это прежде всего торговая теория происхождения древнерусских городов В. О. Ключевского, согласно которой города были созданы успехами внешней торговли Руси[4]. Интересными для нас являются работы И. Е. Забелина, касающиеся происхождения и истории Москвы, который первый среди исследователей отметил, что при возникновении таких городов, как Москва, «главным двигателем является народный промысел и торг», а не прихоть какого-либо «доброго и мудрого князя» [5].

Для советской историографии «характерно мнение о сложной и многообразной нагрузке феодального города, сочетавшего и экономические, и политические функции» [6].

В вопросе же о причинах возникновения городов прочно утвердился тезис М. Н. Тихомирова о том, что «настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений» [7]. Несмотря на некоторые попытки подвергнуть сомнению эту концепцию [8], ее продолжает разделять подавляющее большинство советских историков. В цитированной выше монографии М. Н. Тихомирова имеется и раздел, посвященный истории таких городов нашего региона, как Москва, Дмит-

ров, Волок Ламский, Коломна в главе о городах Ростово-Суздальской земли [9].

В значительной мере программный характер в плане поисков путей изучения древнерусского города имела небольшая, но очень емкая по содержанию статья В. Т. Пашуто. Исследователь акцентирует внимание на социально-политических причинах формирования городов, намечает классификацию древнерусских городов, разделяя их в целом на вольные и частновладельческие. К категории «вольных» относятся все те города, которые «вступали» «в ряд» (договор) с князем, желавшим занять городской стол. Широкая категория частновладельческих городов включала города княжеские, церковные и боярские. В особую категорию выделяются города, представлявшие собой опорные пункты Руси на территории иноязычных народов (Тмутаракань, Саркел —Белая Вежа, Торческ, Канев) [10].

И, наконец, самостоятельную группу городов, согласно В. Т. Пашуто, составляют «города вятические», представляющие для нас наибольший интерес. Исследователь трактует их как «самоуправляющиеся боярские центры», которые сохранились «вплоть до монгольского нашествия». Подобная трактовка представляется несколько упрощенной. Летописный термин этой группы городов («города вятичские») относится к 1197 г.[11], т. е. к тому периоду, когда некогда единая племенная территория распространения вятичей подверглась государственному окняжению. Подавляющая часть летописных упоминаний о вятичах XII в. относится к «вятичам» как административно-территориальной единице, входящей в состав государственной территории.

Уместно вспомнить, что в другом месте В. Т. Пашуто определенно говорит о том, что для XI—XIII вв. такие термины, как «древляне», «вятичи», означают уже не союзы племен, а «территории, феодальный общественно-политический строй которых не вызывает сомнений» [12].

Эти вопросы в значительной мере разработаны А. К. Зайцевым [13]. Не выпадает из этого круга и упоминание 1197 г. Летописец говорит определенно: «Князь же великий Всеволод вшед в землю их (Ольговичей. — *А. Ю.*), пойма городы вятичские и землю их пусту створи» [14]. При таком подходе термин «городы вятичские» приобретает чисто территориальное значение и служит для обозначения городов, расположенных на той части государственной территории, которая ранее была заселена племенем вятичей. И в данном случае к изучению этих городов надо подходить с такой же меркой, как и к изучению прочих городов. Так, многие из «вятичских» городов оказываются княжескими по своему происхождению, согласно классификации В. Т. Пашуто [15].

Вопроса о вятичских городах касается Б. А. Рыбаков в монографии «Киевская Русь» [16]. По-новому написан здесь раздел о вятичах — с привлечением сведений восточных авторов. Для исследователя вятичи IX—XI вв. — племенной союз, существующий параллельно с государством Руси. На их территории всего два города: Хордаб, который Б. А. Рыбаков сопоставляет с летописным Корьдном, и Вантит, место которого археологически пока не установлено. Очевидно, что для этого раннего периода племенной союз вятичей действительно имел место.

Но в XII в., когда на территории вятичей уже известны целый ряд городов, знаменующих начало сложения здесь государственности,

единой племенной организации их приходит конец. Интересно в этой связи летописное упоминание 1147 г., когда черниговские Давыдовичи, «съзвавше Вятиче» и действуя против своего врага Святослава Ольговича, «реша им: се есть ворог нама и вам» [17]. Видимо, здесь речь идет уже не о всех вятичах как племенном единстве, а лишь о вятичах, неподвластных черниговским князьям, которых Давыдовичи используют в борьбе против Святослава.

Возвращаясь к классификации древнерусских городов, предложенной В. Т. Пашуто, следует признать ее убедительной, и в той мере, в какой позволяет состояние источников, она может быть применима и к городам Московской земли.

Вопросам истории феодальных городов посвящено два специальных сборника [18], статьи которых затрагивают теоретические, историографические и некоторые другие аспекты проблемы изучения древнерусского города.

В современном представлении русский раннефеодальный город — это сложный организм, выполняющий целый комплекс разнообразных функций в различных областях — в экономике, политике, административно-хозяйственном управлении, культуре [19]. К сожалению, состояние источников далеко не всегда позволяет нам представить жизнедеятельность этого организма во всех его сферах. Здесь важно реально оценить возможности того или иного круга источников.

Если обратиться к археологическим данным, без которых невозможно изучение такого важного городообразующего фактора, как его экономический потенциал, то увидим, что эти материалы позволяют нередко выдвинуть самостоятельные теории путей возникновения древнерусских городов. Так, еще в 50-е годы были выдвинуты две концепции сложения городов в различных регионах Древней Руси. Одна из них принадлежит М. Ю. Брайлевскому, выводившему города юго-запада Руси из феодальных замков, вокруг которых оседало торгово-ремесленное население[20]; другая — С. А. Тараканової, которая на материалах Пскова полагала, что города как торгово-ремесленные центры возникают из бывших племенных центров [21].

Оценивая эти концепции, Н. Н. Воронин в своей работе, подытоживающей археологическое изучение древнерусского города, справедливо писал, что процесс городообразования «развивался не по единой «социологической формуле», но имел несколько конкретных вариантов, и попытки подменить многосложность исторической действительности какой-либо одной схемой не помогут освещению вопроса» [22].

Что же касается племенных городов — термина, прочно вошедшего в современную археологическую литературу, то тезис этот впервые был выдвинут С. В. Юшковым в 1939 г.[23] Он подвергся развернутой критике со стороны Б. Д. Грекова, справедливо писавшего, что племенных городов быть не может, ибо если города появились среди какого-либо племени, это значит, что племенной строй «либо совсем рухнул, либо находился в состоянии разрушения» [24]. Что же касается городов Московской земли, которые возникали в гуще вятичского региона, анализ археологического материала, как мы увидим ниже, никак не подтверждает их племенную принадлежность.

В археологической литературе, посвященной древнерусским городам, по-прежнему остаются актуальными такие вопросы, как типология городов, определение понятия «русский средневековый город». П. А. Раппопорт еще в 60-е годы писал о том, что «типология городских поселений должна производиться не по внешнему сходству, а по линии выявления основной социально-экономической сущности поселения, определения его социального характера» [25]

Специально вопросам разработки типологии древнерусских городищ и городов посвящена целая серия статей: В. И. Довженка [26], М. Г. Рабиновича [27], А. В. Кузы [28], а частично В. В. Седова . Наибольший интерес в этой серии статей для нас имеет работа М. Г. Рабиновича, поскольку в ней идет речь о городах изучаемого нами региона. В поле зрения исследователя 12 городов Московского края, причем автор считает, что типология их весьма разнообразна: «В основе некоторых из них были поселения вятичей (Коломна, Перемышль), в других прослеживается какой-то финно-угорский элемент (Тушков); в одних преобладало значение пограничной крепости (Тушков, Перемышль, Руза, Верея, Радонеж), другие возникли как опорные пункты княжеской власти (Можайск, Звенигород, Дмитров), для третьих с самого начала определяющую роль играли торговые пути (Волок Ламский, Коломна). Есть тут и город, специально созданный удельным князем, давшим горожанам определенные льготы (Серпухов), и даже превратившийся в город монастырь (Троица) » [30].

С предложенной типологией подмосковных городов можно согласиться лишь в известной мере. Рассмотрение политической истории бассейна Москворечья середины XII —XIII в., без которой невозможно изучение истории городов, показывает, что доля и значение московских городов как пограничных княжеских крепостей значительно выше. К числу городов М. Г. Рабиновичем причислены некоторые пункты, которые городами в полном смысле не были. Так, Тушков нигде ни в летописях, ни в «Списке городов» городом не поименован, а Радонеж и Перемышль, согласно духовным грамотам, были волостными центрами и в «Список городов» также не попали. То же можно сказать и о Троице. Несколько занижены даты возникновения таких городов, как Верея, Руза (рубеж XI—XII вв.). Как следует из материалов раскопок этих городов Л. А. Голубевой, они возникли соответственно в XIV и XIII вв.[31] Интересна мысль М. Г. Рабиновича о том, что город прекращал свое существование и превращался в сельское поселение в том случае, если вокруг него не было устойчивого местного рынка.

Думается, что при разработке типологии городов одних археологических данных, видимо, недостаточно, к тому же полностью раскопанных городищ крайне мало. Поэтому наиболее удачным изучением укрепленных поселений следует признать то, которое основано на изучении археологического материала в сочетании с письменными источниками [32]. Однако для некоторых хорошо изученных регионов удается удачно разработать типологию, в том числе и социальную, как укрепленных поселений, так и открытых селищ почти исключительно на археологических материалах. Пример такой разработки — диссертация Б. А. Тимощука, написанная на памятниках Северной Буковины [33].

Специально вопросам возникновения и древнейшей истории городов Подмосковья на основании археологических данных посвящена статья Р. Л. Розенфельдта[34]. Автор поставил перед собой нелегкую задачу: попытаться разрешить проблему соотношения местного балтоязычного и финноязычного населения с пришлым славянским, которое проникает сюда, как считает Р. Л. Розенфельдт, с 90-х годов X в. из заокских областей[9].

Однако эта проблема была по-настоящему решена лишь в работе И. Г. Розенфельдт, которая доказала, что жизнь на некоторых дьяковских городищах продолжалась вплоть до X—начала XI в.[36], что заполняет хронологическую лакуну, существовавшую ранее между дьяковскими племенами и древнерусским населением.

В вышедшей в 1981 г. книге Т. Н. Никольской «Земля вятичей» городам посвящена специальная глава [37]. В поле зрения исследовательницы попадает и часть городов Московской земли, таких, как Москва, Звенигород, Перемышль Московский, Коломна, волостные центры Лопастна и Свирельск. В работе приведены сведения летописей об этих городах, а также воссоздана история их археологического изучения. К сожалению, типология городов, предложенная Т. Н. Никольской, носит несколько схематичный характер из-за отсутствия признаков, определяющий каждый тип. Среди городов выделены развитые центры ремесла и торговли, в число которых включена Коломна, крепости и поселения типа феодальных замков, куда входит Тушков.

Огромная литература посвящена истории и археологии Москвы, анализу ее политического строя, причинам ее возвышения, градостроительной деятельности, начиная с Юрия Долгорукого, и т. д. Москва — это целый комплекс проблем, связанных не только с историей древнейшего города на территории Кремля, но и с развитием его ремесленного посада, с историей великокняжеских и боярских сел, расположенных в ближайших к Кремлю окрестностях, с возникновением монастырских комплексов как в черте древнего города, так и в пределах его более поздних линий обороны.

Только историографический обзор этой обширной литературы мог бы стать объектом специального исследования, а это не входит в нашу задачу[38]. Отметим лишь наиболее значительные публикации, не утратившие в той или иной мере своей ценности до наших дней.

Первая попытка обобщения накопленных по истории Москвы материалов и источников принадлежит П. В. Хавскому [39]. Сведения о Москве здесь опираются в основном на некритическое использование известий В. Н. Татищева. Некоторые полезные данные содержит подборка источников по истории Подмосковья, поскольку она базируется не только на опубликованных актах, но и использует государственный реестр г. Москвы.

Выявлению древнего ландшафта и топонимики Москвы посвящены работы И. Д. Беляева [40] и И. М. Снегирева [41].

Целую эпоху в изучении истории Москвы составляют работы И. Е. Забелина [42]. Отличающиеся широким историзмом, критическим отношением к источнику [43] исследования И. Е. Забелина представляют собой первую попытку комплексного использования источников применительно к вопросам изучения истории Москвы.

В статьях выпущенного в начале XX в. сборника «Москва в ее прошлом и настоящем» впервые поднимались вопросы дославянского, финского, как тогда считали, периода жизни Московского края и колонизации его славянами (Д. Н. Анучин) [44], был дан подробный очерк политической жизни Московского княжества (С. А. Князьков) [45].

Начальному периоду жизни Москвы посвятили свои работы С. Ф. Платонов [46], Н. А. Скворцов [47]. Большими знатоками московских древностей были И. К. Кондратьев [48], С. П. Бартенев [49].

В советское время значительное пробуждение интереса к истории Москвы было связано с празднованием ее 800-летия в 1947 г. Задолго до этого события, в 1939 г., при Институте истории АН СССР была создана Комиссия по истории Москвы. В задачу этой Комиссии, в частности, входила подготовка к изданию многотомной истории Москвы, первый том которой вышел в 1952 г.[50] К этому же периоду относится появление двух важных работ по истории Москвы, принадлежащих перу М. Н. Тихомирова [51]. Работы эти, затрагивающие все грани жизни средневековой Москвы, написаны в свойственной исследователю ювелирной манере использования источников. Даже такие, казалось бы, чисто «археологические» разделы работ, как главы о московском ремесле, почти лишенные археологических иллюстраций, выглядят необыкновенно выпукло и интересно.

Вопрос политической истории Москвы смыкается с проблемой становления Русского централизованного государства, и в рамках настоящей работы нет необходимости касаться историографии этой проблемы.

Работ, посвященных истории других городов Подмосковья, крайне мало [52], если не считать большого количества литературы краеведческого характера .

ГОРОДА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Сложение городов является важным элементом процесса сложения государственности. Оно неразрывно связано с процессом становления границ отдельных государств — княжений Древней Руси.

Специально вопросом о «пределах древних русских княжеств» историки занимались еще в середине прошлого века . Эволюция понятия государственности в русской историографии блестяще прослежена А. Н. Насоновым в его монографии, выход в свет которой знаменовал собой принципиально новый подход к проблеме сложения государственной территории. В отличие от многих предшествующих ученых (С. М. Соловьев, М. К. Любавский), рассматривавших процесс образования государства просто как развитие колонизационных потоков вширь, А. Н. Насонов связывал этот процесс прежде всего с распространением суда и дани[55], исходя из ленинской концепции понятия государства как аппарата насилия. Тем самым был переведен в иную плоскость и сам ход исследования конкретного материала, связанного с этой проблемой.

В конце 60-х—середине 70-х годов появляется ряд статей В. А. Кучкина по вопросам политической истории княжеств Северо-Восточной Руси [56], многие положения которых позже вошли в его монографию[57],

а также сборник статей, посвященный древнерусским княжествам X —XIII вв.[58] В статьях этого сборника на конкретном материале был подтвержден тезис А. Н. Насонова о том, что образование государственной территории не сводится к проблеме образования этнической территории, ибо это два разных процесса[59], хотя иногда они и совпадают[60].

Первый надежный источник, позволяющий определить территорию Московского княжества, относится лишь к 30-м годам XIV в., — это духовная грамота Ивана Даниловича Калиты (около 1336 г.), фиксирующая уже определенный итог процесса концентрации земель вокруг Москвы. Картографирование всех 96 пунктов этого духовного завещания дает нам территорию княжества этой поры[61]. Западной границей княжества служило течение р. Нары, левобережье Исконы. Далее на север граница пересекала р. Москву западнее Можайска, среднее течение р. Рузы (выше Акатово), шла южнее Волоколамска и верховью р. Истры (включая Мушков Погост), затем выходила к Клязьме в районе Болкошино, шла вверх по Клязьме выше Овсянниково и поворачивала к р. Волгуше близ с. Никольского. Затем граница огибала верхнее течение р. Вори (волость Радонеж) и спускалась к р. Шерне, а затем к р. Клязьме. В юго-восточной своей части граница выходила к верховьям р. Цны и спускалась к Оке западнее устья этой реки.

Именно в этих пределах в основном и идет рассмотрение истории городов и городищ Московской земли (рис. 25) [62]. XIV век для истории Московского княжества — время интенсивных территориальных приращений, о чем достаточно полно позволяют судить духовные грамоты последующих московских великих князей: Ивана Ивановича (1358 г.) и Дмитрия Ивановича (1389 г.), а также договорные грамоты этих князей с удельными. Вопрос о территориальных изменениях границ Московского княжества на протяжении XIV в. должен стать предметом специального изучения, что увело бы нас в сторону от рассматриваемой проблемы. Поэтому для того чтобы в общем представить себе динамику роста княжества на протяжении XIV в., воспользуемся теми данными локализаций московских волостей, которые в свое время были получены В. Н. Дебольским на основании привлечения сведений писцовых книг XVI в. и межевых грамот 1504 г.[63] (рис. 26).

Как видим, территория княжества конца XIV в. простиралась далеко за пределы княжества 30-х годов XIV в. На северо-западе она распространилась до верховьев Волги, включая «Ржеву с волостями» и волости западнее Волока; на юго-западе по Оке владения княжества распространялись до Угры, включая Калугу, а на левобережье Угры боярин вел. кн. Дмитрия Ивановича Федор Андреевич (видимо, Свибло) «вытягал оу смолнян Медынь и Тов» [64]. В 1392 г. вел. кн. Василий Дмитриевич получил в Орде от Тохтамыша Тарусу[65]. На юго-востоке граница с Рязанью опустилась по Оке до устья Цны (волости Раменка, Мещерка [66]). На востоке московские владения распространились на среднюю Волгу. В 1392 г. Тохтамыш «предал» вел. кн. Василию Дмитриевичу «к великому княжению Повъград Нижний со всем княжением» [67]. Выше по Волге Москве принадлежала часть волостей близ Костромы. На северо-востоке Московскому княжеству отошла большая переяславская волость Юлка. На севере вел. кн. Дмитрий Иванович первым из московских великих князей

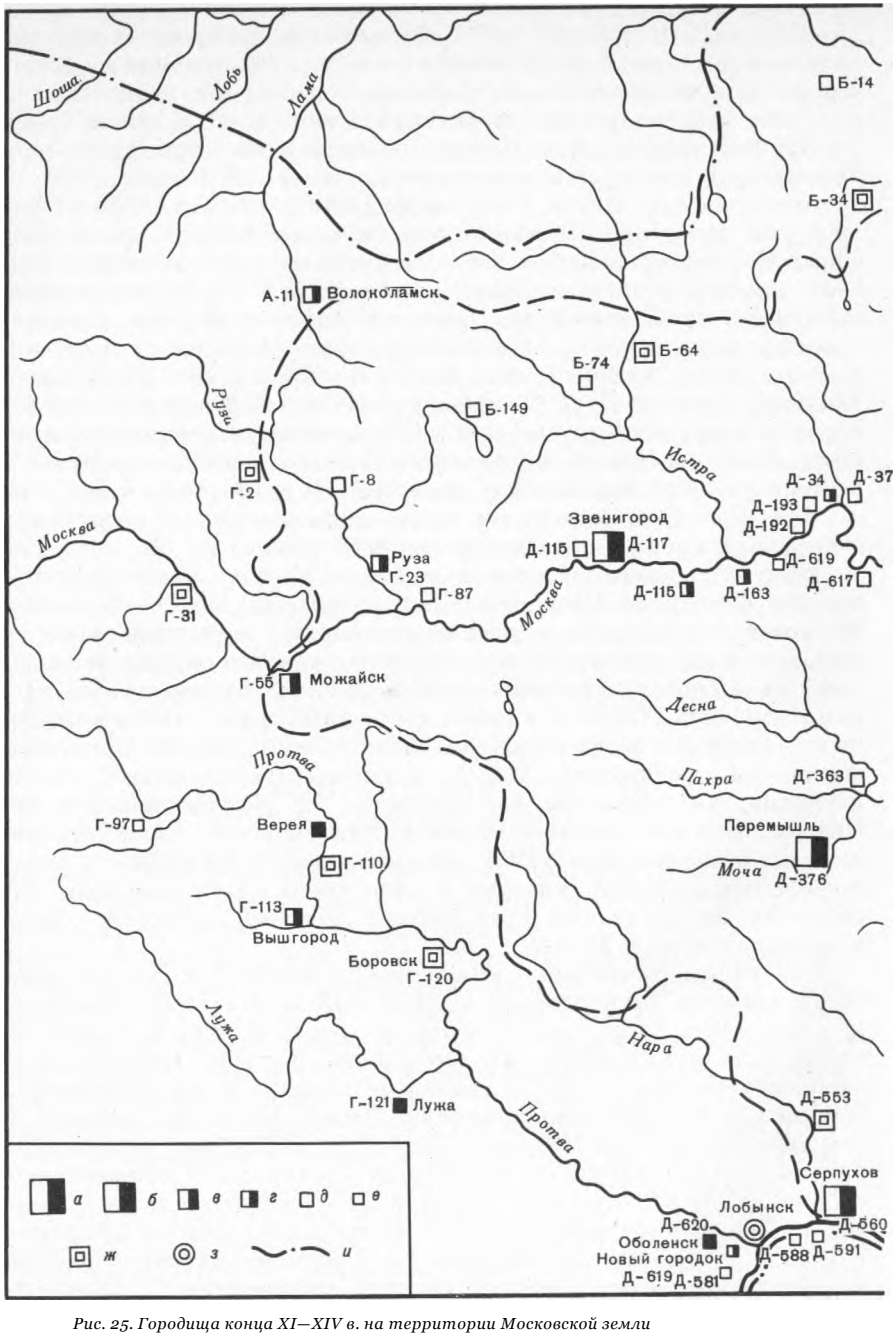
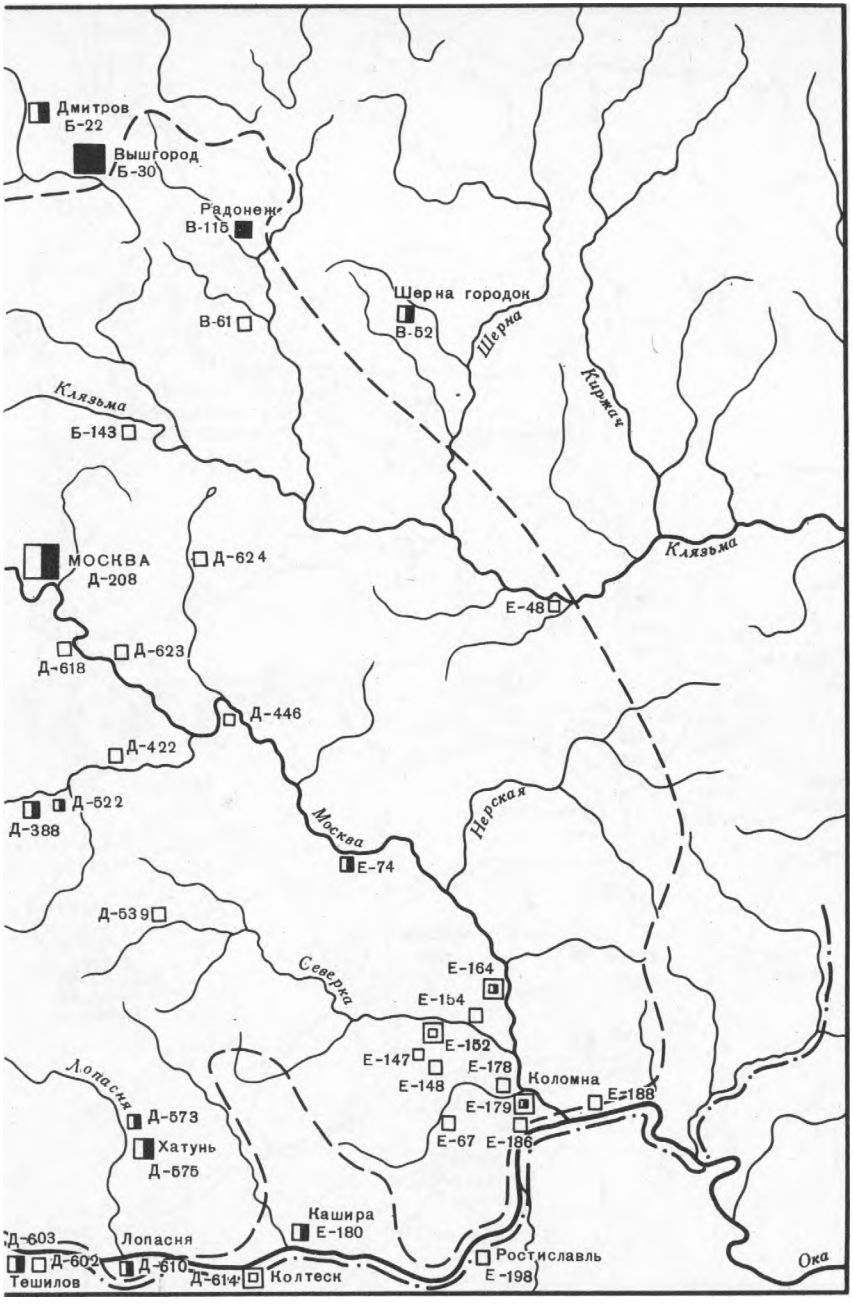


Рис. 25. Городища конца XI—XIV в. на территории Московской земли

а – городища площадью более 100 тыс. кв. м; б — городища площадью более 50 тыс. кв. м; в – городища площадью 31—50 тыс. кв. м; г — городища площадью 21—30 тыс. кв. м; д — городища площадью



10—20 тыс. кв. м; е — городища площадью менее 10 тыс кв. м; ж — городища, площадь которых неизвестна; з — городища-селища, площадь которых неизвестна; и – приблизительная граница княжества 80-х годов XIV в.

включает в свое завещание Белоозеро «с волостьми», несмотря на приписку о том, что Белоозеро вместе с Галичем и Угличем являлось «куплей» Ивана Калиты. Эти отдаленные от Москвы территории, видимо разделялись с ней землями, присоединенными гораздо позже. Так, расположенная между Москвой и Белоозером Молога впервые фигурирует в числе московских владений лишь в 1504 г., а Кашин был присоединен, очевидно, уже при Василии Дмитриевиче [68].

Более подробно необходимо остановиться на южных, окских рубежах Московского княжества в связи с тем, что плотность расположения по Оке городов и городищ требует рассмотрения вопроса о том, какие из них вошли в состав Московского княжества до конца XIV в., а какие продолжали оставаться за соседними княжествами.

Первую фиксацию южной границы Московского княжества находим в «докончальной» грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем (1382 г.): «А межи нас раздел земли по реке по Оке, от Коломны вверх по Оке». Но здесь же мы узнаем, что на московской стороне Оки ранее был ряд пунктов, принадлежавших Рязани, которые, согласно грамоте, отходят к Москве. Пункты эти: «почен Новый городок», Лужа, Верея, Боровск[69]. Все указанные города находятся в бассейне р. Протвы. Верея, Боровск, Лужа (ныне Малоярославец) [70] — в верхней части ее бассейна, Новый городок — в ее устье, так что весь бассейн р. Протвы после 1382 г. стал московским, а до того принадлежал Рязани. Впрочем, устье Протвы было за Москвою уже в 1358 г.[71]

Далее из «докончальной» грамоты 1382 г. узнаем, что часть московских владений располагалась до момента заключения ее на рязанской стороне, за Окою [72]. Это Лопастна, уезд Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Броднич «с месты». Все эти пункты после 1382 г. отходят к Рязани.

Дискуссионность вопроса о местоположении Лопастны в значительной мере снимается привлечением археологических данных, позволяющих отождествить этот город с городищем у д. Макаровна на правом берегу р. Оки, против устья р. Лопастны [73]. Другое из перечисленных в грамоте «мест» — уезд Мстиславль — верно локализовано В. Н. Дебольским на основании писцовых книг XVI в. в значительном удалении от течения р. Оки — в верховьях ее притоков Беспуты и Вошаны [74]. Приправочная книга 1588—1589 гг. позволяет наметить и возможное местоположение Броднича (Бортничев Брод) на территории соседнего с Мстиславским Дедиловского уезда[75]. Остается пока неясным местоположение таких пунктов, как Жадене городище, Жадемль, Дубок, но думается, что они, так же как уезд Мстиславль и Броднич, располагались в удалении от р. Оки. Во всяком случае, археологического эквивалента им на ближайшем правобережье Оки не имеется [76].

Рис. 26. Рост Московского княжества на протяжении XIV в.

а — городища площадью более 100 тыс. кв. м; б — городища площадью 51 — 100 тыс. кв. м; в — городища площадью 31—50 тыс. кв. м; г — городища площадью 21—30 тыс. кв. м; д — городища площадью 10—20 тыс. кв. м; е — городища площадью менее 10 тыс. кв. м; ж городища, площадь которых неизвестна; з — селище, площадь которого неизвестна; и – приблизительная граница Московского княжества около 1336 г.; к — приблизительная граница княжества 80-х годов XIV в.

Таким образом, южная граница Московского княжества до 1382 г. шла по р. Оке с включением лишь одного правобережного пункта — Лопастны. Все же остальные крупные правобережные города (Тешилов, Колтеск, Ростиславль) до конца XIV в. продолжали оставаться рязанскими [11]. О времени присоединения Ростиславля и Колтеска сведений в источниках не имеется, Тешилов же был «куплен» Москвой лишь в XV в., при в. кн. Василии Васильевиче [78]. Снова обращаясь к «докончальной» грамоте 1382 г., отметим то обстоятельство, что в ней на московской стороне Оки помимо Нового городка, Лужи, Вереи и Боровска показаны и «иные места Рязанские». Анализ духовных грамот Ивана Ивановича (1358 г.) и Дмитрия Ивановича (1389 г.) показывает, что этими «Рязанскими местами» могут являться только территории, расположенные по левобережью р. Каширки — Кашира и с. Малино, присоединенные к Москве в период княжения Ивана Ивановича, и стан «Комарёв, з берегом», присоединенный в княжение Дмитрия Ивановича [79]. Очевидно, что и в период княжения в. кн. Ивана Даниловича земли эти в состав Московского княжества не входили.

Итак, южная граница Московского княжества 1336 г. шла по Оке, переходя на правый ее берег лишь против устья Лопасни и отступая от реки восточнее устья Каширки (Малино, Кашира и стан Комарев).

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что уже к концу княжения Дмитрия Донского Московское княжество занимало огромную территорию, охватывающую помимо междуречья Волги и Оки также и обширные северные районы вплоть до Белоозера и Солигалича.

Безусловно, что городские центры на этих вновь присоединенных землях и своим происхождением, и своей древнейшей историей генетически связаны с теми соседними с Москвой княжествами, от которых они были отторгнуты, что еще раз убеждает нас в целесообразности ограничения изучаемого региона границами княжества Ивана Калиты с возможным привлечением для анализа ближайших порубежных городов — Боровска, Вышгорода на Протве, Вереи, Волоколамска, Дмитрова и некоторых других, которые вошли в состав Московского княжества в 50—80-е годы XIV в. и некоторое время определяли «рубеж» Московского государства.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ ПОДМОСКОВЬЯ

Несколько лучше обстоят дела с археологическим изучением городов Московской земли. Первая сводка городищ Москвы принадлежит З. Я. Ходаковскому (Адам Чарноцкий), который ошибочно принял городища за жертвенные места[80]. Однако определенной ценности сводка не утратила и поныне, поскольку часть памятников в процессе строительных работ исчезла.

Систематическое исследование культурного слоя Москвы началось лишь в советское время и связано оно с именем И. Н. Миллера, усилиями которого в 1926 — 1927 гг. было создано Общество изучения Московской губернии. В задачи этого общества входило и систематическое наблюдение за земляными работами в Москве[81]. Результаты деятельности общества

Таблица 8. Исследование городищ Московской земли (стационарные раскопки)

Городище	Площадь, тыс. кв. м (без посада)	Исследователи и дата проведения работ	Площадь вскрытой поверхности, тыс. кв. м	% вскрытой поверхности по отношению к общ. площ.	Исследование оборонительных сооружений
1. Дмитров (В-22)	21	Милонов Н. П., 1933, 1934	0,3+0,511 (всего 0,811)	3,9	+
2. Городище в с. Городок (Радонеж) (В-115)	11	Милонов Н. П., 1929-1930	0,100	0,9	
3. Городище у с. Городище (Тростна) (Б –149)	Около 6 (Разрушено)	Сидоров В. В., 1969, 1972, 1973, 1975	0,450	7,5	+
4. Городище у с. Неждино (Г-2)	Разрушено, площадь сохранивш. части 0,297	Дубинин А. Ф. 1961	0,260	87,5 от сохран. части	+
5. Руза (Г-23)	15	Голубева Л. А., 1948	0,162	i,i	+
6. Тушков городок (Г—31)	Разрушено, около 1,2	Рабинович М. Г., 1950, 1954, 1957	0.108+0,128+ +0,140 (всего 0,376)	31	+
7. Верея (Г-106)	18	Голубева Л. А. 1946, 1947		0,7	+
8. Городище Спас-Тушино (Д-54)	1,95, частично разрушено	Бадер О. Н., 1933; Косинский В. В., 1959	0,020	1	
9. Городище «Городок» в г. Звенигороде (Д-117)	34,375	Рыбаков Б. А., 1943-1945; Успенская А. В., 1955; Юшко А. А., 1974 -1976, 1986	0,220; 0,140; 0,808. Всего 1,168	3,4	+
10. Городище Успенское (Д-150)	3,5, разрушено	Успенская А. В., 1954; Краснов Ю. А., 1961, 1962	0,025; 0,096. Всего 0,121	1,86	
11. Городище на территории Кремля в г. Москве (Д-208)	41,7—XII в.; 242—XIV в. (1367—1368 гг.)	Воронин Н. Н., Рабинович М. Г., 1959, 1960; Шелягина Н. С., 1963-1978	31,999	13,2	+

Таблица 8 (окончание)

Городище	Площадь, тыс. кв. м (без посада)	Исследователи и дата проведения работ	Площадь вскрытой поверхности, тыс. кв. м	% вскрытой поверхности по отношению к общ. площ.	Исследование оборонительных сооружений
12. Городище у д. Луковня (Д-363)	1,9	Векслер А. Г., 1968-1970, 1973, 1975, 1976	1,088	57	+
13. Перемышль Московский (Д-376)	62,5	Рабинович М. Г., 1955	0,750	1,2	+ *
14. Городище Боровский курган (Д—446)	2	Векслер А. Г., 1960, 1961	0,164	8,2	
15. Городище Кунцево (Д-617)	1,7	Векслер А. Г., 1960-1965, 1968, 1970-1973	1,286	75,6	+
16. Дьяково городище (Д-618)	1,8	Сизов В. И., 1889, 1890; Бадер О. Н., 1926	?	?	
17. Городище у с. Боршево (Е—74)	2	Крис Х. И., 1973-1979	0,596	30	+
18. Коломна (Е—179)	?	Милонов Н. П., 1935-1937	0,850	?	+

частично опубликованы [104]. Достаточный объем раскопочных работ (в общей сложности на этих городищах было вскрыто около 2 тыс. кв. м культурных напластований) позволил автору поставить ряд важных проблем, связанных с изучением древнерусского города. Прежде всего совершенно различной оказалась топография этих городищ, что, видимо, объясняется конкретными обстоятельствами, вызвавшими их появление. Определенный интерес представляют выводы Н. П. Милонова о соотношении ремесла и земледелия в исследованных городских центрах. Наличие земледелия прослежено на всех городищах, причем в такой степени, что для Радонежа, например, ремесло «составляло только дополнение к сельскому хозяйству и было связано со сбытом изделий на мелкий и узкий рынок (посуда, игрушки)» [105]. К сожалению, эти выводы исследователя проверить невозможно ввиду отсутствия отчетных материалов по Радонежу, публикации же были неполными, а некоторые категоричные заключения о планировке поселения («45—50 жилищ, располагавшиеся правильными рядами в расстоянии 10—15 м друг от друга») на основании изучения всего 50 кв. м вскрытой территории подрывают доверие к выводам исследователя [106].

Также неблагополучно обстоят дела с методикой раскопок, а следовательно, с доброкачественностью выводов, полученных Н. П. Милоновым на основании работ в Дмитрове. А. В. Никитин, подвергший проверке некоторые положения Н. П. Милонова путем изучения полевой отчетности

и коллекций раскопок (с которыми ему удалось познакомиться до их гибели в период немецкой оккупации), пришел к выводу, что раскопки Н. П. Милонова «имели крупные дефекты и пробелы в документации». Путем тщательного анализа вещевого материала А. В. Никитину удалось заново воссоздать стратиграфию Дмитровского городища, причем в отличие от В. Н. Милонова, считавшего, что Дмитров возник на месте более раннего поселка XI—XII вв., А. В. Никитин приходит к заключению о том, что эти выводы автора «ничем не могут быть подтверждены». Дмитров действительно был заложен Юрием Долгоруким в 1154 г. «безотносительно к старому поселению» [10]. А. В. Никитиным была опубликована часть вещевого и керамического комплекса из раскопок городища.

В процессе изучения городища г. Коломны, древнейшие слои которого относятся к позднедьяковскому времени, Н. П. Милонов ставит вопрос, во многом неясный и до сих пор для городищ Подмосковья: о преемственности культур позднедьяковской и славянской. «Разрыв во времени, пишет автор, — не позволяет еще пока утверждать о генетическом родстве и преемственности культур позднедьяковскои и славянской» [108].

В целом же материалы работ Н. П. Милонова, проведенных, как видно из публикаций и отчетов, на недостаточно высоком методическом уровне, не могут быть надежно использованы для научной интерпретации.

В середине 40-х годов большие раскопочные работы (более 200 кв. м) были проведены Б. А. Рыбаковым на городище «Городок» в г. Звенигороде [199] (Д —117). Раскопки позволили значительно удревнить время возникновения города, который впервые был упомянут в духовной грамоте Ивана Калиты (около 1336 г.). Как следует из археологических материалов, город возник в XII в. Было обнаружено срубное наземное жилище XII в., мастерская медника XIII в., а также большое количество домонгольской керамики. Исследование оборонительных сооружений города позволило Б. А. Рыбакову отнести время возведения его земляных укреплений к поре расцвета города, связанного с именем Юрия Дмитриевича (1389—1434 гг.). Работы на этом памятнике позже были продолжены А. В. Успенской (вскрыто более 100 кв. м) [110] и автором в 1974 — 1986 гг.[111] (808 кв. м). В результате всех этих исследований вскрытая площадь культурных напластований оказалась здесь более 1 тыс. кв. м, что дало возможность наметить планировку древнего города. Выявлены остатки металлургического производства (домница), прослежены следы деревянных оборонительных конструкций домонгольской поры.

40—50-е годы характеризуются значительным расширением фронта археологических работ как в самой Москве, так и в Подмосковье, что безусловно связано с 800-летним юбилеем столицы.

В 1946 —1948 гг. Л. А. Голубевой были проведены первые стационарные работы в Верее (Г—106) и в Рузе (Г—23) [112], в результате которых выяснилось, что оба этих оборонительных пункта на западных рубежах Московского княжества были укреплены мощными земляными валами в XIV в., причем на городище г. Рузы, входившем в состав княжества Ивана Калиты, выявлены слои несколько более раннего времени (XIII в.).

В первой половине и в середине 50-х годов М. Г. Рабиновичем велись значительные раскопки на территории Тушкова городка (Г—31) [113].

Памятник этот в свое время был привлечен в качестве аргумента в известной дискуссии о поселениях между Н. Н. Ворониным [114] и Б. А. Романовым [115]. Н. Н. Воронин, следуя за А. В. Арциховским [116], утверждал, что Тушков городок, так же как Вышгород Верейский, типичный феодальный замок. Б. А. Романов справедливо указывал, что оба эти пункта — волостные центры Дм. Донского и, следовательно, их следует рассматривать как княжеские городки, а не как боярские феодальные замки. Тем самым отвергался тезис Н. Н. Воронина о существовании феодальных замков в Северо-Восточной Руси («Замка в главе о „замке[11] не получилось»,— пишет исследователь [117]).

В свете этой дискуссии особенно интересны те выводы, которые удается сделать на основании археологического изучения памятника. Хотя к моменту раскопок М. Г. Рабиновича осталась неразрушенной лишь небольшая часть городища — всего 600 кв. м (ввиду постепенного передвижения русла р. Москвы к югу на 150—200 м), но тем не менее исследование значительной части (320 кв. м) остатков городища дало материал для определенных выводов. Сооружение новых оборонительных валов в XIV в., находки монет великокняжеской поры, золотого украшения в виде шестилепесткового цветка с зернью среднеазиатской работы — все это позволило М. Г. Рабиновичу сделать вывод о том, что город Тушков в XIV в. действительно принадлежал московской княжеской семье. Но поселение имеет и слои предшествующего времени (XI—XIII вв.), в которых выявлены остатки трех построек, представляющих собой, как считает исследователь, одновременно и жилые и производственные помещения [118]. Поселок имел и оборонительные сооружения в виде земляного вала с частоколом по верху, которые возникли в конце XI—начале XII в.

По мнению М. Г. Рабиновича, город этого времени «не был крупным ремесленным и торговым центром, а представлял собой небольшой городок, каких Древняя Русь насчитывала в то время до трех сотен» [119]. Отсутствие усадебной планировки, а также бедный инвентарь ремесленных мастерских не позволяет, на наш взгляд, все же атрибутировать город XI —XIII вв. как феодальный замок.

В это же время М. Г. Рабинович проводит большие исследования на городище древнего Перемышля Московского (Д—376) [120] (750 кв. м). Город, являвшийся центром одноименной волости, оказался великокняжеским уже при Иване Калите [121], но в отличие от Тушкова новых оборонительных сооружений в нем в связи с этим не возникает. Его мощный земляной вал с оригинальной глиняной конструкцией, как показали раскопки 1955 г., продолжал функционировать и в великокняжескую эпоху с возможной заменой деревянных заборов и ворот. Что же касается характеристики города домонгольской поры, то исследователь вслед за П. А. Раппопортом считает его юго-западным форпостом Суздальского княжества, «населенным потомками вятичей» [122]. Последний вывод исследователя основан на единственной находке семилопастного височного кольца (при общем числе находок 223), с чем вряд ли можно согласиться. Подсчеты «племенных» (вернее, этнографических) вещей, происходящих из городов Подмосковья, о чем речь будет ниже, показывают, что процент встречаемости таких колец крайне низок, вследствие чего о «вятичских» городах на территории Подмосковья едва ли приходится вести речь.

Вызывает возражения и отнесение города к строительной деятельности Юрия Долгорукого и на этом основании включение его в состав Вла-Владимиро-Суздальского княжества. Это мнение основано на высказывании В. Н. Татищева, достаточно туманном и неясном. Красноречивым свидетельством ненадежности сведений В. Н. Татищева является уже следующая фраза: «О построении Юрием в Белой Руси в сие время городов выше упомянул, что многие построил, но которые точно, о том историки не равно написали. . .» [123] О строительстве Перемышля упомянуто в ряду с такими городами, как Дорогобуж, Ростиславль, которые относить к Владимиро-Суздальскому княжеству никак не возможно.

Важным атрибутом города явились остатки каменного фундамента церкви-часовни в XIII раскопе [124].

В 1954 — 1955 гг. обследования подмосковных городищ проводит П. А. Раппопорт [125], причем для многих из них это были первые археологические работы: Хотунь (Д —576), Вышгород на Протве (Г —113), Малоярославец (Г —121), Оболенск (Д —620). Выявлена система обороны этих городищ, уточнены датировки. Центр Воршевской волости духовной Ивана Калиты (около 1336 г.) впервые был локализован на месте обследованного П. А. Раппопортом Боршевского городища близ Бронниц [126].

На двух городищах Подмосковья велись археологические работы, связанные с реставрацией архитектурных памятников. Это кремль в Волоколамске [127] и Можайске [128]. В том и другом случае в нижних слоях засвидетельствован культурный слой домонгольской поры.

Во второй половине 50-х годов были начаты работы на серии городищ дьяковской эпохи, на многих из которых отложился слой древнерусского времени. Памятники этой категории были изучены в несколько большем масштабе, чем однослойные древнерусские городища, но ценность их значительно ниже, поскольку сооружения древнерусской поры на таких городищах, за небольшим исключением, почти не улавливаются из-за их расположения в толще культурного слоя дьяковского времени, вследствие чего приходится оперировать в большинстве случаев только вещевым материалом.

В 1954 г. на одном таком городище — Успенском (Д —150) были проведены небольшие работы А. В. Успенской [129]. Исследование этого городища было продолжено Ю. А. Красновым в 1961 — 1962 гг. Несмотря на небольшую площадь вскрытой поверхности (около 120 кв. м), были получены интересные материалы, характеризующие как дьяковский период жизни городища, так и древнерусский. Ввиду отсутствия четкой границы между этими периодами, а также учитывая стратиграфические наблюдения над вещевым материалом, Ю. А. Краснов ставит вопрос о том, что значительного перерыва в жизни поселения не было [130]. В отличие от многих других двуслойных городищ Подмосковья здесь удалось проследить остатки трех древнерусских жилищ, одно из которых реконструируется как мастерская сельского ювелира (бракованное пятилопастное височное кольцо, льячки, тигли, чеканы). В целом же, учитывая находки других вятичских вещей (хрустальная шарообразная бусина, сердоликовые бипирамидальные бусины), Ю. А. Краснов интерпретирует это поселение как «вятичскую деревню» [131].

В XV—XVI вв. (видимо, даже с XIV в.) городище было занято, как

это выявляется на многих дьяковских городищах Подмосковья, могильником, население же перемещается на место с. Успенского, ближе к устью р. Б. Вяземки, это село фигурирует в духовном завещании Ивана Калиты (Вяземское) [132].

В 1960 — 1961 гг. небольшие работы были проведены А. Г. Векслером на городище Боровский курган (Д—446). Памятник, отличающийся от остальных городищ отсутствием земляных укреплений, содержал также два слоя: дьяковский и древнерусский домонгольской поры, причем стерильной прослойки между ними здесь также не прослежено. Никаких сооружений на городище не выявлено, весь культурный слой был сильно потревожен грунтовым могильником XV—XVII вв. Обращает на себя внимание значительное количество находок «племенного» характера: браслетообразных и семилонастных височных колец, решетчатых перстней.

Значительный интерес представляют материалы раскопанного почти полностью А. Ф. Дубыниным небольшого мысового городища Неждино на р. Рузе (Г —2) [134]. Было вскрыто 87,5 % сохранившейся части городища. В отличие от остальных двуслойных городищ Подмосковья здесь поздний дьяковский слой иногда четко отделялся от древнерусского XII—XIII вв. стерильной прослойкой из глины. От обеих культур сохранились незначительные остатки построек в виде развалов очагов и ям от столбовых конструкций. Никаких мастерских не выявлено, по характеру вещевого инвентаря памятник выделяется значительным преобладанием украшений (стеклянные и бронзовые браслеты, бусы, височное кольцо) над орудиями труда (только пряслица и ножи).

Это городище — одно из немногих, где были исследованы оборонительные сооружения. Заложенный на седловине напольного вала раскоп, а также разрез вала в его центральной части позволили обнаружить перепланировку укреплений в древнерусское время, когда была сооружена заглубленная в земляную насыпь вала небольшая сторожевая башня (4X3 м), обеспечивающая оборону с напольной стороны и одновременно проход со стороны площадки городища. Таким образом, в отличие от многих дьяковских городищ, функционировавших в древнерусское время как неукрепленные поселения, этот памятник продолжал оставаться укрепленным, что, видимо, объясняется его пограничным положением на западных рубежах княжества древнейшей поры. К стенам городища с напольной стороны примыкало селище XII— XVIII вв., которое тянулось вдоль реки на протяжении 50 — 70 м; залесенность этого места помешала серьезному исследованию селища. Рядом с селищем до йаших дней сохранились остатки церкви и кладбища при нем (Георгиевский погост XIX в.). Видимо, могильник располагался именно здесь и в предшествующее время, поскольку площадка городища слишком мала для размещения на ней средневекового кладбища, как это нередко бывало на других дьяковских городищах.

В течение 11 полевых сезонов (1960—1973 гг.) А. Г. Векслер вел раскопки Кунцевского городища близ Москвы (Д — 617) [135], в итоге было вскрыто более 75 % территории памятника. Это небольшое дьяковское городище с древнерусским слоем домонгольского времени было сильно повреждено грунтовым кладбищем XIV—XVII вв. Могильник характери-

зуется большой и интересной коллекцией крестов из погребений, наиболее ранние из которых восходят к XI11 в.[136] Домонгольский слой имел находки украшений, среди которых есть и «племенные»: решетчатые перстни, браслетообразные височные кольца.

Аналогичное Кунцевскому по системе укреплений и по размерам городище у д. Луковня на р. Пахре (Д —363) исследовалось А. Г. Векслером в течение семи лет (1968 — 1982 гг.), в результате чего удалось вскрыть больше половины его территории . Древнерусский слой распространялся лишь в северо-восточной части городища, где были выявлены остатки наземного сооружения. Городище имеет сложную систему укреплений в виде четырех валов с южной стороны, где р. Пахра делает петлю, и двух валов с северной, напольной стороны. Как показали исследования, северная система укреплений относится к древнерусской поре [138]. С этой стороны к городищу примыкает селище, датируемое также домонгольским временем.

Одним из самых интересных многослойных городищ Подмосковья является городище у с. Городище (близ северного побережья Тростянского озера) (Б—149), раскапывавшееся В. В. Сидоровым в течение четырех сезонов (1969—1975 гг.) [139]. К сожалению, городище с 1957 г. интенсивно разрушалось карьером, который функционировал на его площадке. Вследствие этого раскопкам была подвергнута лишь южная, непотревоженная часть городища (около 450 кв. м). В древнерусское время (XII—XV вв.) жизнь на городище была гораздо более интенсивной, чем в дьяковское. Сохранились остатки большого погреба XIV—XV вв., остатки двух жилых комплексов XII—XIII вв., отличающихся своими находками от рядовых жилищ. Среди этих находок обнаружены: фрагмент венчика стеклянного сосуда, куски янтаря, обломок трехбусинного височного кольца, предметы конского снаряжения и украшений збруи, биллоновые щитковые перстни, перстень с эмалью. Все эти находки, как справедливо полагает В. В. Сидоров, свидетельствуют о том, что сооружения можно связывать с комплексом феодальной усадьбы XII—XIII вв. Выявлены и остатки деревянной оборонительной стены этой усадьбы, идущей вдоль южной кромки городища. В XVIII в. городище было занято могильником (возможно, и раньше). От подножия городища ниже по ручью до самого озера идет слой селища, синхронного древнерусскому периоду жизни городища.

Начиная с 1973 г. регулярно проводились раскопки Боршевского городища на р. Москве (Е—74) (Х. И. Крис) [14°]. Стратиграфически городище сходно с другими подобного типа памятниками. Слой дьяковского времени (вплоть до VII в. н. э.) сменяется слоем древнерусским (XII XIII вв.) почти без всяких стерильных прослоек; наблюдается некоторое различие между ними в цвете. Остатки сооружений домонгольской поры не выявлены. По материальной культуре поселение ничем не отличается от рядовых памятников, представлены как орудия труда (сверло по дереву, долото, железный напильник), предметы быта (шиферные пряслица, ключи и детали замков, железные ножи, костяной гребень), так и украшения (бронзовые браслеты, бусы; однако отсутствуют стеклянные браслеты и «племенные» украшения). В древнерусском слое городища найдено значительное количество предметов вооружения: железное втуль-

чатое копье, много наконечников стрел, что видимо, связано с расположением памятника на древней Ордынской дороге (Брошевской) .ь'

В XIV—XV вв. площадка городища была занята могильником, оставленным населением, переместившимся с территории городища на близлежащие прибрежные участки р. Москвы. В этот период весь этот комплекс представлял собой волостной центр московских великих князей.

Таким образом, как следует из табл. 8, стационарные раскопки велись на 18 городищах с древнерусским слоем. Объем работ на них различен: от 20 кв. м (Спас-Тушино) до почти 32 тыс. кв. м (Москва), что составляет, однако, весьма незначительный процент к общей их территории: от 0,7 % (Верея) до 13,2 % (Москва). На 19 памятниках производились рекогносцировочные работы (табл. 9). В целом в той или иной мере было исследовано чуть больше половины общего числа памятников.

Исследование оборонительных сооружений было проведено на 13 памятниках (см. табл. 8).

Таблица 9. Проведение рекогносцировочных работ на городищах Московской земли

	Городище	Площаль в тыс. кв. м (без посадов)	Исследователи и даты проведения работ
1	Волоколамск (А—И)	20	Рабинович М. Г., 1947; Колошницын Н. В., 1974
2	Городище у пос. Болшево (В—143)	3,6	Гендуне Ю. Г., 1902
3	Городище у с. Тушино (9—57)	0,9	Виноградов К. Я., 1927
4	Городище у д/о «Связист» (Д-115)	2,4	Красновы Ю. А. и Н. А., 1957; Юшко А. А., 1978
5	Городище ус. Гольево (Д—193)	6	Бадер О. Н., 1947
6	Городище у с. Покров (Д—388)	6,6	Юшко А. А., 1968
7	Городище между сс. Старое и Новое Сьяново (Д—422)	4	Юшко А. А., 1968
8	Городище у Борисоглебского погоста (Д—522)	1	Розенфельдт Р. Л., 1964
9	Селище у с. Дракино (Лобынск) (Д 586)	50	Никольская Т. Н., 1975
10	Городище у д. Макаровна (Лопасня) (Д—610)	7	Юшко А. А., 1970, 1972
11	Городище Спас-Городец (Новый городок (Д—621)	1,25	Никольская Т. Н., 1975
12	Городище у с. Городищи (Е—178)	4,6	Милонов Н. П., 1935
13	Городище у с. Карабчеево (Е—188)	2	Талицкий М. В., 1936
14	Городище у пос. Балашиха (Д -624)	0,7	Равдиа Т. В., Тимофеева Г. Т., 1965
15	Городище у д. Хлонна (Е—67)	0,9	Талицкий М. В., 1936
16	Могутово городище (Шерна-городок) (В—52)	13	Чернов С. 3., 1984
17	Руза (Г—28)	15	Юшко А. А., 1969
18	Спас-Тушино (Д—54)	1,95	Юшко А. А., 1979
19	Успенское городище (Д —150)	3,5	Юшко А. А., 1972

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ГОРОДАХ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Круг письменных источников, привлечение которых необходимо для изучения истории московских городов, распадается на две составляющие; летописные источники и духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV в.

Как известно, московское летописание появилось сравнительно поздно [14‘], ему предшествовала в первой половине XIV в. семейная хроника Даниловичей [142]. Как следует из анализа Я. С. Лурье древнейших летописей Северо-Восточной Руси — Лаврентьевской и Троицкой, до конца XIV в. в Москве общерусского летописания не было [1 3]. Первый общерусский Московский свод восходит к 1408 г. (Троицкая летопись). К сожалению, Троицкая летопись погибла в пожаре 1812 г. Несмотря на предложенную М. Д. Приселковым на основе выписок Н. М. Карамзина реконструкцию текста Троицкой летописи [144], для нас все же более надежными следует признать сведения близкой к Троицкой — Симеоновской летописи (XVI в.) [145] и данные Рогожского летописца (XV в.) [146]. А. А. Шахматов в своем исследовании о Симеоновской летописи убедительно показал, что вся ее древнейшая часть (1177 — 1390 гг.) целиком восходит к Троицкой летописи [147]. Рогожский летописец, доведенный до 1412 г., также был частично использован М. Д. Приселковым при реконструкции текста Троицкой летописи, правда, этот свод достаточно сложен по своему составу [148].

Многие записи Троицкой летописи были включены в Московский летописный свод 1479 г.[149], который «лег в основу всего официального летописания последующего времени — великокняжеского и царского» [5°].

Все эти летописи, а также круг древнейших русских летописей — Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской IV и Софийской I [151] — вот та исследовательская база, на которой можно строить изучение московских городов по летописным данным.

Никоновская летопись — наиболее обширный летописный свод — представляет собой сложную компиляцию XVI в., использование сведений которой требует предварительного источниковедческого анализа [152].

Первые сведения об интересующих нас городах в русских летописях относятся к 30—40-м годам XII в.: о Волоколамске (1135 г.), Лобынске (1146, 1147 гг.), Москве (1147 г.) [153]. В целом к XII в. относятся упоминания о следующих семи городах: Москве — 1147 г. (дважды), 1156 г., 1175 г., 1176 г. (дважды), 1177 г.[154]; Волоколамске — пять раз (1135, 1162, 1172, 1177, 1178 гг.[155]); Коломне — пять раз (1177, 1180, 1186, 1187 гг.[156]), Дмитрове — три раза (1154, 1157, 1180 гг.[157]). Кроме того, в известном сообщении Ипатьевской летописи 1176 г. фигурируют черниговские волости Лопасна и Сверилеск, упоминания о волостных центрах которых имеются и в более позднее время [158].

В XIII в. количество упоминаний об основных городах — Москве, Волоколамске, Дмитрове и Коломне увеличивается; кроме того, имеются упоминания о Можайске, правда, в поздней Воскресенской летописи — два раза (1277 и 1293 гг.[159]).

Таблица 10. Количество летописных упоминаний о городах Московской земли

	Города	XII в.	XIII в.	XIV в.		Города	XII в.	XIII в.	XIV в.
1	Боровск			С*	И	Можайск		2	4+С
2	Верея			С	12	Москва	6	21	180+С
3	Волоколамск	5	12	12+С	13	Новый городок			С
4	Вышгород на Протве			1	14	Оболенск			2+С
					15	Перемышль			1
5	Дмитров	3	9	6+С	16	Радонеж			2
6	Звенигород			3+С	17	Руза			С
7	Коломна	5	5	19+С	18	Сверилеск	1		
8	Лобынск	3		6+С	19	Серпухов			4+С
9	Лопастна	1		1		Всего	24	49	241
10	Лужа			1+С					

— «Список городов дальних и ближних».

На протяжении XIV в. количество летописных упоминаний о городах резко возрастает (около 250 раз, причем около 180 — о Москве). К числу впервые упоминаемых городов следует отнести Звенигород — три раза 1382, 1386, 1389 гг.[160]), Серпухов — шесть раз (1374, 1375, 1380, 1382, 1386, 1389 гг.[161]).

Симеоновская летопись и Рогожский летописец содержат сведения об интересующих нас городах почти исключительно в XIV в. Помимо городов, упоминаемых в древнейших русских летописях, здесь содержатся сведения о Лопастне (видимо, в качестве волостного центра) (1354 г.) [162] и Перемышле (1370 г.) [163].

К группе летописных источников принадлежит и «Список русских городов дальних и ближних», изучению которого посвящена значительная литература [164]. Впервые серьезный источниковедческий анализ «Списка», а также его публикация были предприняты М. Н. Тихомировым, который относил его к концу XIV—началу XV в.[165] Различных вопросов, связанных с изучением «Списка» (датировка, содержание, локализации), касались такие ученые, как А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, И. Б. Греков. В специально посвященной этому источнику статье Е. П. Наумова на основе анализа географии «Списка», политической ситуации того времени и некоторых других данных делается вывод о том, что «наиболее вероятно включение „Списка[44] в свод 1409 г. и как документа церковной политики Киприана, и как сочинения, отражающего идейную направленность свода (объединение всех русских земель, в том числе входивших в состав Литовского княжества)» [166].

В последнее время делаются попытки установления авторства «Списка» [167].

Из интересующих нас городов автор «Списка» упоминает 13, причем все они отнесены к числу залесских: Дмитров, Москва, Можайск, Звенигород, Волок Ламский, Руза, Коломна, Серпухов, Новый Городок, Лужа, Боровск, Оболенск, Верея на Протве [168]. Этот перечень включает большинство известных но летописям городов, упоминание некоторых из них в «Списке» является первым свидетельством о них: Боровск, Верея,

Таблица 10. Количество летописных упоминаний о городах Московской земли

	Города	XII в.	XIII в.	XIV в.		Г орода	XII в.	XIII в.	XIV в.
1	Боровск			С*	И	Можайск		2	4+С
2	Верея			С	12	Москва	6	21	180+С
3	Волоко-ламск	5	12	12+С	13	Новый го-род он			С
4	Вышгород на Протве			1	14	Оболенск			2+С
					15	Перемышль			1
5	Дмитров	3	9	6+С	16	Радонеж			2
6	Звенигород			3+С	17	Руза			С
7	Коломна	5	5	19+С	18	Сверилеск	1		
8	Лобынск	3		6+С	19	Серпухов			4+С
9	Лопастна	1		1		Всего	24	49	241
10	Лужа			1+С	*С - «С писок городовдальних и ближних» .				

На протяжении XIV в. количество летописных упоминаний о городах резко возрастает (около 250 раз, причем около 180 — о Москве). К числу впервые упоминаемых городов следует отнести Звенигород — три раза 1382, 1386, 1389 гг.[160]), Серпухов — шесть раз (1374, 1375, 1380, 1382, 1386, 1389 гг.[161]).

Симеоновская летопись и Рогожский летописец содержат сведения об интересующих нас городах почти исключительно в XIV в. Помимо городов, упоминаемых в древнейших русских летописях, здесь содержатся сведения о Лопастне (видимо, в качестве волостного центра) (1354 г.) [162] и Перемышле (1370 г.) [163].

К группе летописных источников принадлежит и «Список русских городов дальних и ближних», изучению которого посвящена значительная литература [164]. Впервые серьезный источниковедческий анализ «Списка», а также его публикация были предприняты М. Н. Тихомировым, который относил его к концу XIV—началу XV в.[165] Различных вопросов, связанных с изучением «Списка» (датировка, содержание, локализации), касались такие ученые, как А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, И. Б. Греков. В специально посвященной этому источнику статье Е. П. Наумова на основе анализа географии «Списка», политической ситуации того времени и некоторых других данных делается вывод о том, что «наиболее вероятно включение „Списка[44] в свод 1409 г. и как документа церковной политики Киприана, и как сочинения, отражающего идейную направленность свода (объединение всех русских земель, в том числе входивших в состав Литовского княжества)» [166].

В последнее время делаются попытки установления авторства «Списка» [167].

Из интересующих нас городов автор «Списка» упоминает 13, причем все они отнесены к числу залесских: Дмитров, Москва, Можайск, Звенигород, Волок Ламский, Руза, Коломна, Серпухов, Новый Городок, Лужа, Боровск, Оболенск, Верея на Протве [168]. Этот перечень включает большинство известных по летописям городов, упоминание некоторых из них в «Списке» является первым свидетельством о них: Боровск, Верея,

Таблица 11. Сведения о городах и волостных центрах в духовных и докончальных грамотах великих и удельных князей XIV в.

Города	Он. 1336 г. Духовная Ивана Даниловича Калиты	1353 г. Духовная вел. кн. Семена Ивановича	Он. 1358 г. Духовная вел. кн. Ивана Ивановича	Ок. 1374-1375 гг. Докончальная вел. кн. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем	Ок. 1375 г. Духовная 1 вел. кн. Дмитрия Ивановича	1382 г. До конч. вел. кн. Дмитрия Ивановича с рязан. кн. Олегом Ивановичем
1. Боровск			И- (село на Репне в Бор овец е)			4- (?)
2. Верея						4- (?)
3. Волоколамск						
4. Вышгород на Протве				4- (волость ?)	4“ (волость ?)	
5. Вышгород на Яхроме						
6. Дмитров		+ (село в Дмитрове)		+ (с волостьми)		
7. Звенигород	+ (волость ?)		+ (со всеми волостьми)			
8. Кашира			+ (волость)			
9. Коломна	+ (со всеми волостьми)	+ (с волостьми и с селы)	4- (со всеми волостьми)			4" (вотчина, с волостьми)
10. Лопастна	+ (волость ?)		+ (волость ?)			4~ (?)
11. Лужа						4" (?)
12. Можайск	н~ (волость)	+ (с волостьми и с селы)	+ (с волостьми и с селы)			
13. Москва	4~ (отчина)	+ (отчина)	4~ (отчина)			4" (отчина)
14. Новый Городок			4- (?)			4- (?)

1389 г. Духовная 2 вел. кн. Дмитрия Ивановича	1389 г. Доконч. вел. кн. Дмтрия Ивановича с Владимиром Андреевичем	1390 г. Доконч. вел. кн. Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем	1390 г. Доконч. вел. кн. Василия Дмитриевича с вел. кн. Юрием Дмитриевичем	Ок.1401 — 1402 гг. Духовная Владимира Андреевича	Ок. 1401 — 1402 гг. Доконч. вел. кн. Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем	Ок. 1401 — 1402 гг. Доконч. вел. кн. Вас. Дмитр. с Андр. Дмитр. и Петр. Дм.	1402 г. Доконч. вел. кн. Вас. Дм. с Федором Ольговичем	Всего упоминаний
	+ (?)	4" (слобода против Боровска)		+ (с тамгою и с мыты и с селы и 5 вол ост.)			+ (?)	6
+ (волость)							+ (?)	**3**
		* + (с волостьми)			+ (с волостьми)			2
+ (Звен - гор. волость)			/					**3**
+ (Дмитров. волость)								1
+ с волостьми и с селы. . .)	+ (с волостьми)					+ (с волостьми)		5
+ (с волостьми. . . селы)	+ (с волостьми)	+ (с волостьми)	+ (с волостьми)					6
			+ (с волостьми)					2
+ (с волостьми)	+ (с волостьми)	4- (с волос - тьми)	+ (с волостьми)		+ (с волостьми)	+ (с волостьми)	+ (вотчина, с волостьми	10
	+ (?)	+ (?)					+ (?)	7
	+ (?)	+ (?)		+ (с волос, и с селы)			+ (?)	5
+ (с волостьми и с селы)	+ (с волостьми)	+ (с волостьми)				+ (с волостьми)		7
+ (отчина)	+ (город)	+	+	+ (отчина)	+	+	+ (вотчина)	12
							+ (?)	**3**

Таблица 11. (окончание)

Города	Он. 1336 г. Духовная Ивана Даниловича Калиты	1353 г. Духовная вел. кн. Семена Ивановича	Ок. 1358 г. Духовная вел. кн. Ивана Ивановича	Ок. 1374-1375 гг. Докончальная вел. кн. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем	Ок. 1375 г. Духовная 1 вел. кн. Дмитрия Ивановича	1382 г. Доконч. вел. конч.вел. кн. Дмитрия Ивановича с рязан. кн. Олегом Иановичем
15. Перемышль	+ (волость ?)			(волость ?)		
16. Радонеж						
17. Руза	+ (волость ?)		+ (волость ?)		+ (волость ?)	
18. Серпухов	+ (волость ?)					
19. Тушнов						
20. Хотунь						
21. Шерна-городок						

Коломны должна, очевидно, означать, что речь идет о самом городе. Что же касается остальных свидетельств, то из контекста грамоты следует, что в отношении их надо, очевидно, подразумевать определенные волостные территории, а не только одноименные города. Подтверждением этого являются свидетельства некоторых последующих грамот. Так, духовная грамота вел. кн. Семена Ивановича (1353) содержит упоминание о «селе в Дмитрове», вел. кн. Ивана Ивановича (1358) — о «селе на Репне в Боровсце» [173].

Анализ упоминаний в дальнейших грамотах позволяет подразделить их на две группы. Первую составляют волостные территории, имеющие, видимо, одноименный волостной центр: Вышгород на Протве (волость Звенигородская), Вышгород на Яхроме (волость Дмитровская), Тушков (волость Можайская) [174], Лопастна [175]. Во вторую, более многочисленную группу входят те упомянутые в грамотах пункты, которые в то или иное время получают приписку «с волостьми, с селы, с мыты» и т. д. Во всех этих случаях речь идет, очевидно, о городских центрах с их

1389 г. Духовная 2 вел. кн. Дмитрия Ивановича	1839 г. Доконч. вел. кн. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем	1390 г. До конч.вел. кн. Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем	1390 г. Доконч. вел. кн. Василия Дмитриевича с вел. кн. Юрием Дмитриевичем	Ок. 1401 — 1402 гг. Духовная Владимира Андреевича	Ок. 1401 — 1402 гг. Доконч. вел. кн. Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем	Ок. 1401 — 1402 гг. Доконч. Вел. кн. Вас. Дмитр. с Андр. Дмитр. и Петр. Дм.	1402 г. Доконч. вел. кн. Вас. Дм. с Федором Ольговичем	Всего упоминаний
	+ (волость)	+ (волость?)		+ (с тамгою, с мыты и с селы)				5
				+ (с тамгою, мыты и селы)				1
+ (Руза-городок)								4
	+ (отчина Влад. Анд.)			+ (с тамгою, с селы и 12 волостей)				**3**
+ (волость Можайская)								1
				+ (с тамогою, с мыты и селы)				1
+ (Шерна-городок)								**1**

округой. В эту группу входят следующие города: Боровск, Волоколамск, Верея [176], Дмитров, Звенигород, Кашира [177], Лужа, Можайск, Перемышль [178], Руза , Серпухов. Значительный размер округи (к Серпухову, например, тянуло 12 волостей, к Боровску — пять волостей) [180] послужил причиной того, что почти все эти города во второй половине XIV—XV в. превратились в центры удельных княжений (кроме Каширы и Лужи).

Сравнительное представление о размерах этих уделов дает размер дохода, который должны были получать наследники согласно духовным завещаниям вел. кн. Дмитрия Ивановича (1389) и князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича (около 1401 — 1402 гг.) [181]: Боровск — 33 р., Дмитров — 111 р., Звенигород — 272 р., Лужа — 88 р., Можайск — 167 р., Радонеж — 42 р., Серпухов — 48,5 р.

Москва и Коломна фигурируют в указанных грамотах гораздо чаще, чем остальные пункты (соответственно 12 и 10 раз), причем Москва всюду названа «отчиной» московских князей, иногда так же называлась и Коломна [182]. Действительно, Коломна никогда не выпадала в удел, всегда

входя в состав великокняжеского домена, а в более позднее время многие коломенские волости продолжали оставаться дворцовыми землями.

Не вполне ясен статус Радонежа и Хотуни. Оба эти пункта упомянуты в духовной грамоте Владимира Андреевича серпуховского и боровского. Хотунь завещана князю Ярославу, а Радонеж — князю Андрею. Видимо, это были княжеские владельческие города. Возможно поэтому волостей вокруг них не было. К этому же типу городов принадлежит и Шерна-городок, упомянутый в духовной вел. кн. Дмитрия Ивановича.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ГОРОДИЩ

Используя всю совокупность источников, постараемся проследить историю и закономерности развития городищ и городов Московской земли.

В тех границах княжества, которые удается установить на 30-е годы XIV в., по археологическим материалам выявляется 66 городищ (рис. 25). Как уже отмечалось, значительная часть их возникла на дьяковской основе. Используя те датировочные данные, которые приводятся исследователями этих памятников, можно составить хронологическую таблицу (рис. 27). Как видно из таблицы, протяженность жизни на многих из них весьма значительна и достигает многих сотен лет: Москва (Д—208), Коломна (К —179), Боршевское городище (Е—74), городище Боровский курган (Д—446) и др. Общей закономерностью является то, что между окончанием жизни на дьяковских городищах и приходом славянского населения образуется хронологическая лакуна в три столетия (VIII —X вв.), в течение которых жизнь на городищах отсутствовала. Заполненной (иногда неполностью) она оказывается только для трех крайних пунктов региона: Дракинского селища в устье Протвы (летописный Лобынск, Д—586), где найдена лепная керамика роменского облика, Коломны, где по противоречивым и не вполне надежным данным И. И. Милонова прослеживаются напластования дьяковского времени VIII —IX вв., и Вереи (р. Протва), где при раскопках Л. А. Голубевой выявлена лепная роменская керамика, которая датируется исследовательницей временем не моложе VIII в.[183]

Однако почти единодушное указание исследователей на отсутствие стерильных прослоек между слоями дьяковского и славянского времени заставляет думать, что значительного хронологического разрыва в жизни населения на этих памятниках все же не было, да это необъяснимо и исторически. Очевидно, что решение проблемы может сводиться только к пересмотру датировок дьяковских городищ. Значительный шаг в этом направлении сделан работой И. Г. Розенфельдт [184].

Славянское население появляется на дьяковских городищах в XI в., причем то небольшое число городищ со славянским слоем этой поры, которое нам известно (12), использует только площадки дьяковских городищ. Основная часть древнерусских городищ возникает и существует на протяжении XII—XIII вв. (в XII в. возникает 43 городища и продолжается жизнь на 12 городищах XI в.; общее число их в XII в. 55; в XIII в. продолжается жизнь на всех возникших ранее городищах и появляются четыре новых — всего 59 городищ). В XIV в. существует уже значительно меньше городищ (всего 35, из них возникает вновь семь). В последующие столетия новые городища не появляются, количество существу-

ющих постепенно сокращается, основная часть оставшихся разрастается до размеров позднефеодального города (в XVII в. их 15).

Основная часть городищ, превращающихся со временем в феодальные города, из числа тех, которые возникли в XIV в. (пять из семи). Все вышеизложенное иллюстрирует рис. 27.

Интересно, что дьяковские городища продолжают использоваться древнерусским населением, но количество их со временем уменьшается. Почти все городища, возникшие в XIV в., появляются на новых местах. Это обстоятельство исторически легко объяснимо: для полноценного древнерусского города становится тесным то небольшое пространство, которое ограничено валами дьяковских городищ, и население либо начинает выплескиваться за пределы этих валов, оседая нередко вокруг них, либо, что бывало со временем все чаще, город возникал на совершенно новом месте. Территория же небольших дьяковских городищ с XIV в., и позже нередко используется для грунтовых могильников [185] (грунтовые могильники XIV—XV вв. зачастую не сохранили наземных признаков [186] и могут быть выявлены лишь при раскопочных работах). Возникновение этих кладбищ не случайно. Они, видимо, существовали при деревянных церквах и часовнях. В отдельных случаях прослеживаются остатки каменных фундаментов от таких часовен (Луковня). Это следы христианского обряда погребения, который пришел в XIV в. на смену языческим курганным захоронениям в бассейне р. Москвы.

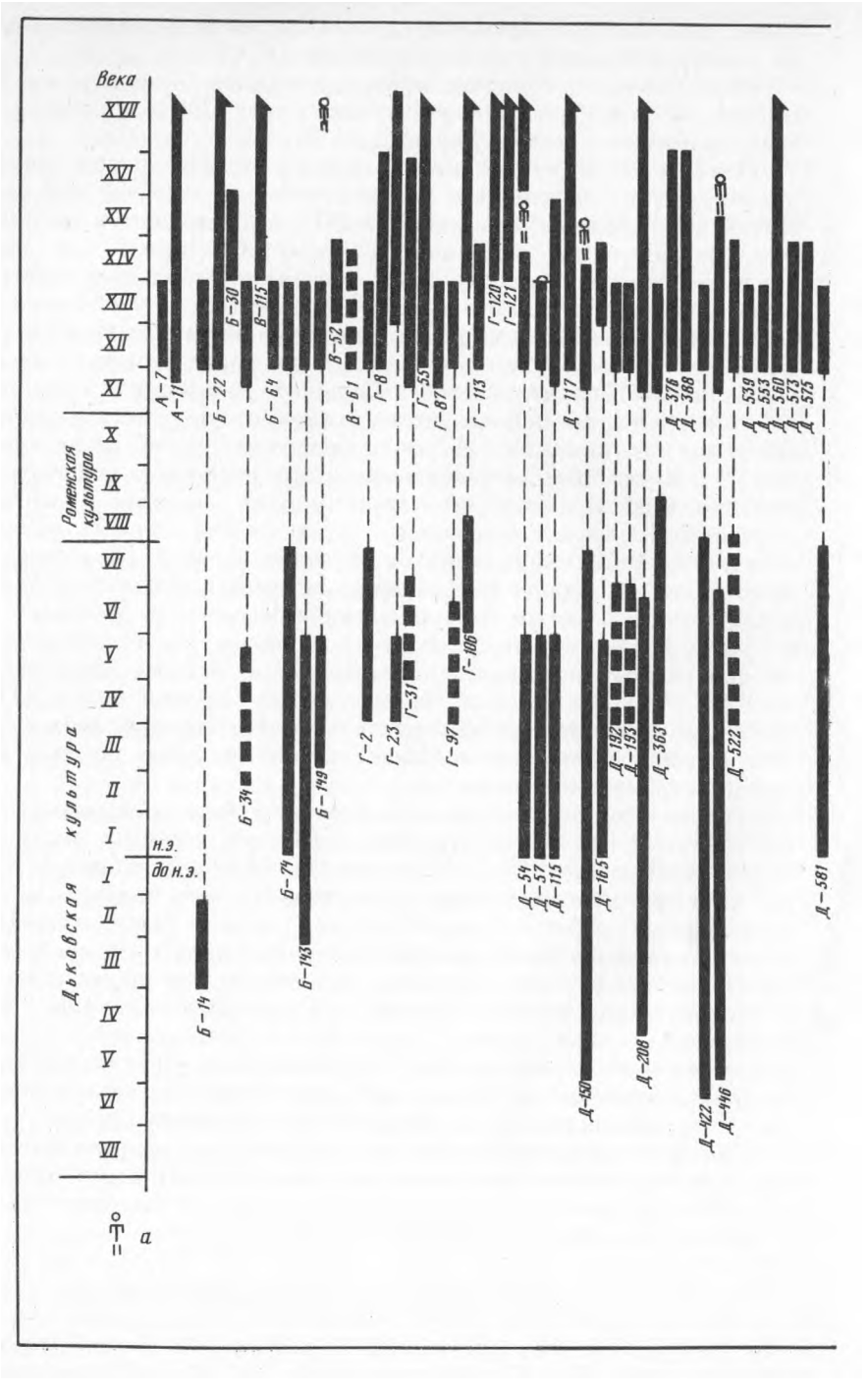
Из общего числа исследованных городищ (18) 14 поселений возникли на дьяковских городищах, на семи из них жизнь продолжалась вплоть до XVI—XVII вв. и позже, на пяти жизнь прекращается в XIV—XV вв. и начинают функционировать грунтовые могильники, причем в двух случаях (Боршевское городище и Спас-Тушино) в более позднее время поселение возрождается вновь.

Только три дьяковских в основе городища оказываются как будто бы пустующими после того, как население покидает их в XIII в. Это городище Неждино (Г—2), Луковня (Д—363) и Дьяково (Д—618). Однако на двух из них (Неждино и Луковня), как следует из результатов раскопочных работ, в домонгольский период были обновлены, вернее перепланированы их оборонительные сооружения. Не исключено, что эти городища продолжали служить убежищем для окрестного населения, поскольку близ обоих городищ располагаются селища. Характерной особенностью обоих городищ является то обстоятельство, что могильники более позднего времени, располагающиеся в других случаях на площадках дьяковских городищ, здесь, как позволяют судить некоторые данные [187], размещались близ окружающих городища селищ.

Таким образом, выявляется определенная связь древнерусского населения с памятниками раннежелезного века. В силу этого большой интерес представляет рассмотрение наиболее ранней группы городищ, славянское население на которых появляется в XI в.

ГОРОДИЩА, ВОЗНИКШИЕ В XI В.

Как уже отмечалось, памятников со славянским слоем XI в. в изучаемом региона известно 12: Волоколамск (А —11), Парамоново (Б—34), Тушков городок (Г—31) [188], Старая Руза (Г—87), у д/о «Связист»


Дьяковская культура
Роменская культура
Века
н.э.
до н.э.
а
А-7
А-11
Б-14
Б-22
Б-30
Б-31
Б-115
Б-64
Б-71
Б-143
Б-149
В-52
В-61
Г-2
Г-8
Г-23
Г-31
Г-55
Г-87
Г-97
Г-106
Г-113
Г-120
Г-121
Д-54
Д-57
Д-115
Д-117
Д-150
Д-165
Д-192
Д-193
Д-208
Д-363
Д-376
Д-388
Д-422
Д-446
Д-522
Д-539
Д-553
Д-560
Д-573
Д-575
Д-581

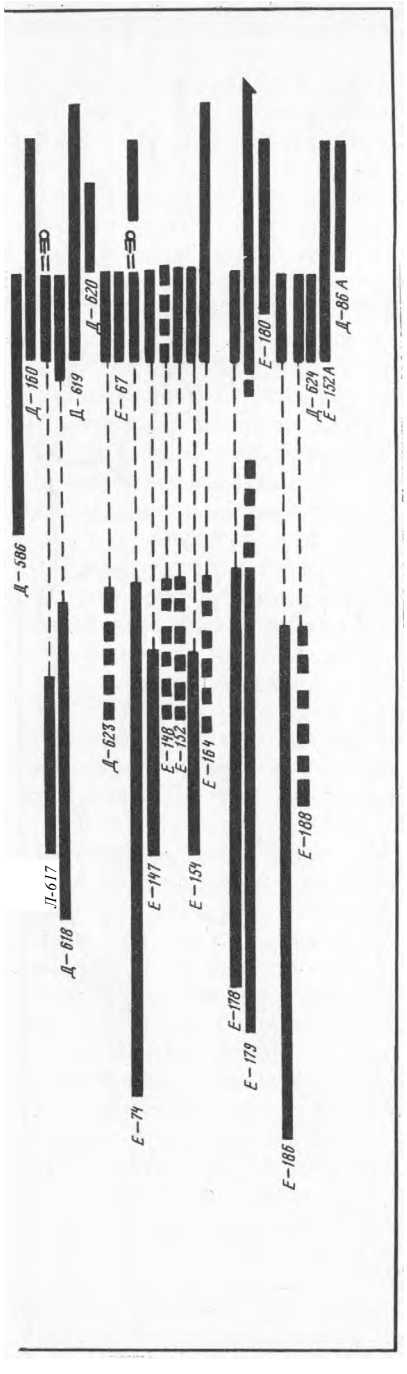


Рис. 27 Хронологическая таблица московских городищ

а – могильники

(Д —115), Успенское (Д—150), Москва (Д —208), Дьяково (Д—618), Боровский курган (Д—446), Луковня (Д — 363), Коломна (Е —179) и селище Дракино (Лобынск) Д — 586). Картографирование их (рис. 28) показывает, что подавляющая часть этой группы памятников (восемь) размещается но берегам р. Москвы, причем преимущественно в верхнем и среднем ее течении. Показательно почти полное отсутствие их на р. Оке. Эти наблюдения весьма существенны для заключений о направлении славянских миграционных потоков в древнейший период. Но для окончательных выводов в этом отношении необходимо привлечение материалов других категорий памятников.

Подавляющая часть памятников этой группы размещается на площадках дьяковских городищ, которые, как правило, очень невелики по размерам. Некоторые исследователи относят подобные славянские поселения, возникающие на дьяковских городищах, к категории сельских поселений [189]. Здесь мы сталкиваемся с принципиально важным вопросом: соотношение археологической терминологии, основанной на формальной, внешней типологии памятников (городища —селища), с исторически сложившимся разнообразием типов поселений, выделяемых на основании их социально-экономической сущности (город, село, деревня, починок и т. д.). Если в первом случае разграничение археологических памятников, как правило, большого труда не составляет, то во втором это удается сделать лишь на основе тщательного анализа их материальной культуры, а также, по возможности, с привлечением данных письменных источников.

Возвращаясь к группе москворецких городищ XI в., следует с сожалением

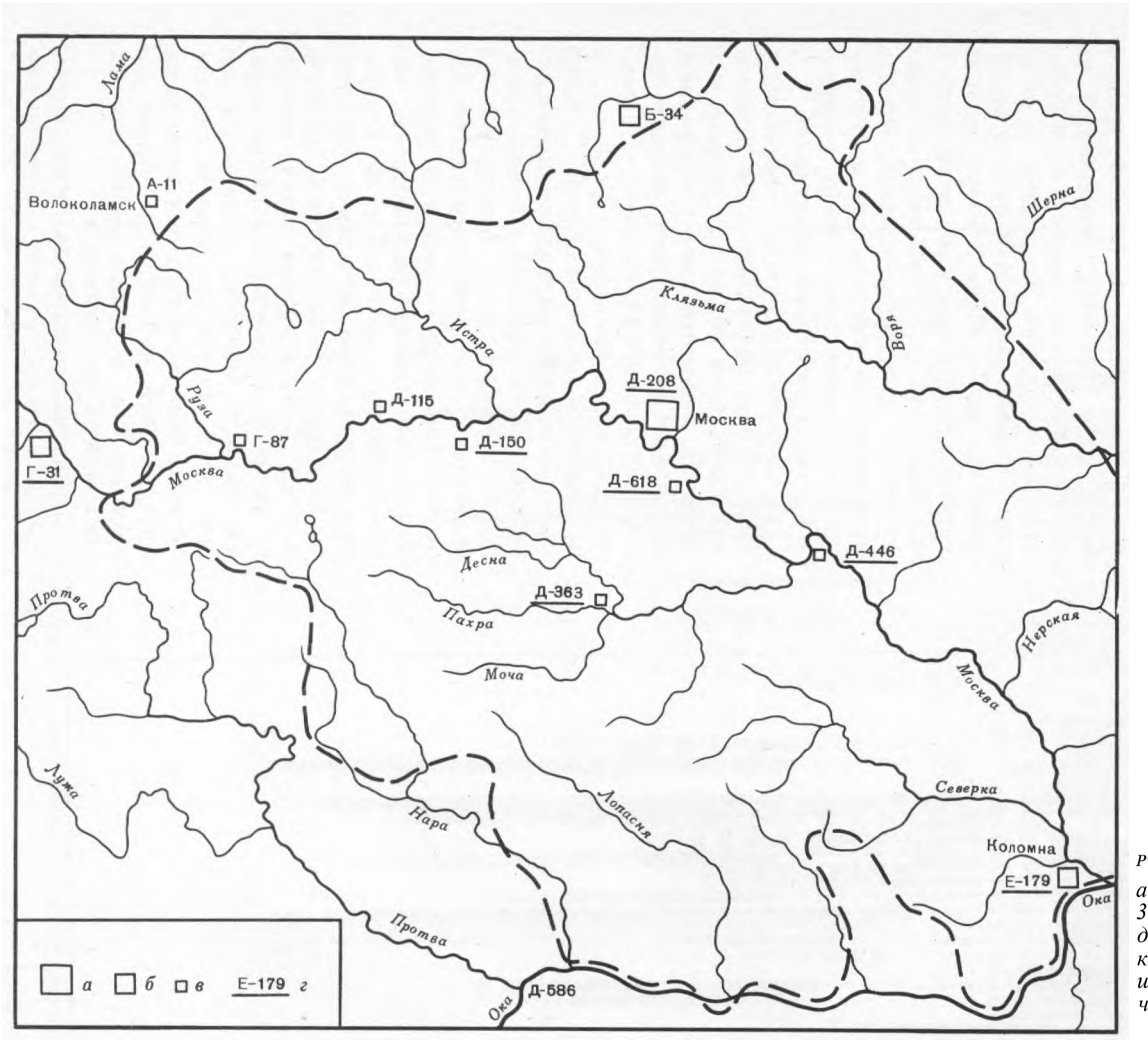


Рис. 28. Городища XI в.

а — городища площадью 31 — 50 тыс. кв. м; б — городища площадью 10—20 тыс. кв. м; в – городища, площадью до 10 тыс. кв. м; г — частично исследованные городища

констатировать, что далеко не на всех из них были изучены укрепления. Однако в тех случаях, когда исследование укреплений проводилось (Тушков, Луковня, Боршево, Кунцево, частично Москва и Коломна), выявлено, что в славянское время (конец XI — начало XII в.) эти укрепления либо перестраивались и усиливались, либо возводились вновь (за исключением Кунцево и Боршево). Таким образом, следуя археологической терминологии, подавляющую часть этих исследованных памятников следует отнести к категории городищ.

Изучение топографии этой группы городищ сводится по существу к изучению топографии городищ дьяковского типа, которая, впрочем, мало чем отличается от городищ древнерусских. И те и другие обнаруживают сильную зависимость своей планировки от рельефа местности.

В настоящее время в археологии общепринята типология городищ, разработанная П. А. Раппопортом [190]. Работа П. А. Раппопорта посвящена изучению военного зодчества Древней Руси, поэтому основной принцип, положенный в основу этой типологии, — организация системы обороны укрепленного поселения. В силу этого нередко городища, имеющие одинаковое расположение на местности, но различную форму площадки и конфигурации валов, оказываются отнесенными к разным типам. К примеру, по своей топографии городище г. Перемышля попадает в категорию городищ, расположенных между двумя оврагами (прибрежно-овражный тип). Однако правильная геометрическая форма его валов вынуждает П. А. Раппопорта отнести этот памятник к другому типу — полукруглых городищ.

Работа над изучением городищ Московской земли показывает, что целесообразнее при выработке типологии использовать другой принцип — геоморфологический, основанный на связи укрепленного поселения с окружающим рельефом. Следуя этому принципу, вся группа подмосковных городищ распадается на шесть типов (рис. 29): 1) мысовой тип: городище располагается при впадении ручья, малой реки в другую реку или при вхождении в ее пойму оврага. Городище, ограниченное в мысовой своей части естественными рубежами, имеет обычно искусственные укрепления только с напольной стороны. Но иногда на таких городищах имеется и кольцевой вал по периметру площадки, как это, очевидно, имело место на городище Московского Кремля; 2) прибрежно-овражный тип: городище располагается на высокой береговой террасе и ограничено с двух сторон оврагами, выходящими в пойму реки. Иногда по дну этих оврагов текут ручьи. Нередко верховья оврагов сходятся и тогда городище образует неприступную крепость. Если же овраги идут параллельно друг другу, то тогда их верховья соединяли искусственным рвом и, как правило, возводили вал. Следуя геоморфологическому принципу, положенному в основу типологии, в эту группу памятников попадают городища с различной формой площадки, в том числе и с четырехугольной (Протопопове). Исторически это вполне оправдано. Протопоповское городище, так же как и подавляющее большинство городищ этой группы, древнее. Оно относится к числу дьяковских городищ, использовавшихся древнерусским населением в XII — XIII вв.

С точки зрения фортификации прибрежно-овражный тип городищ наиболее совершенный, так как городище имеет наименьшую протяжен-

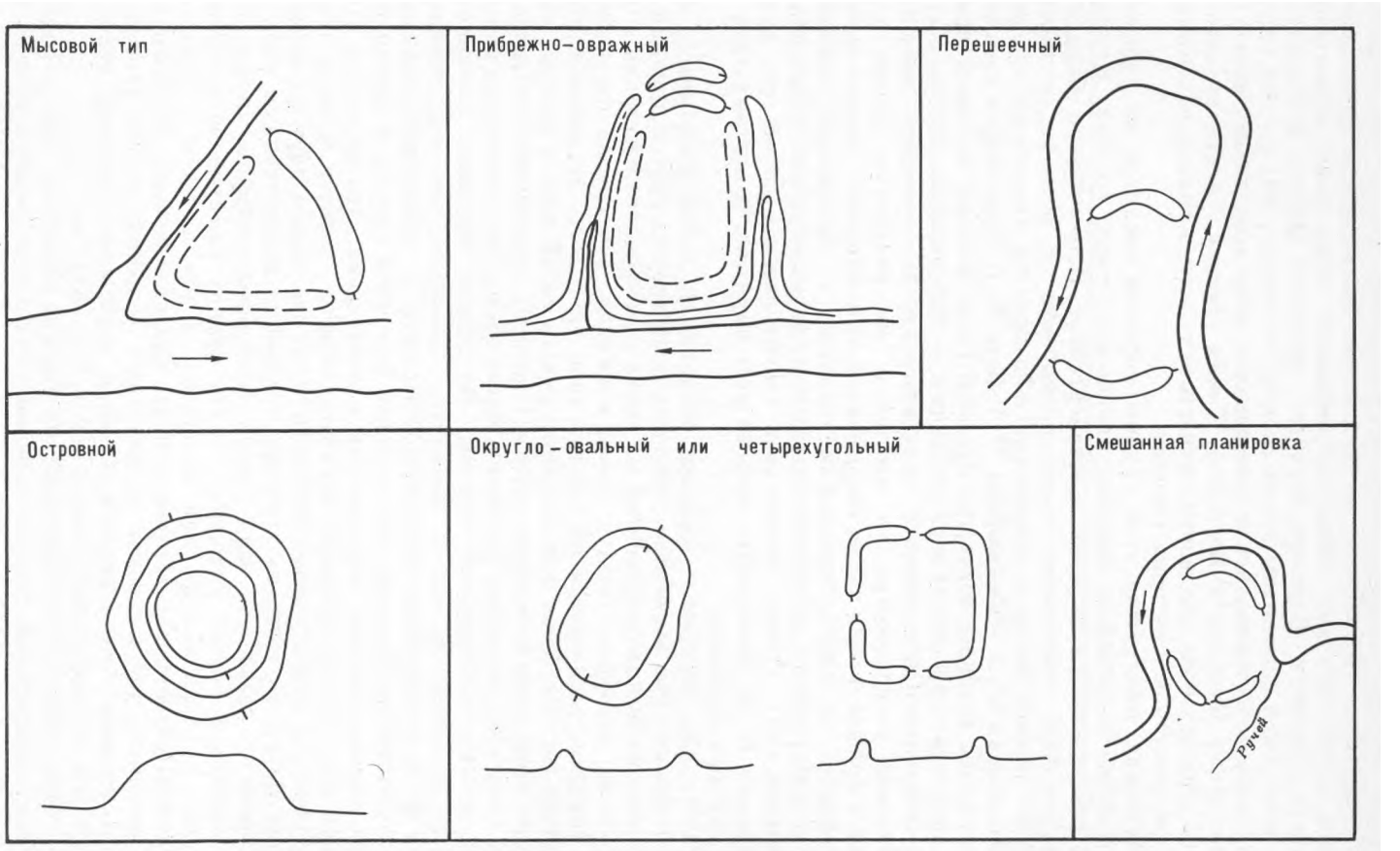


Рис. 29. Топография древнерусских городищ Подмосковья

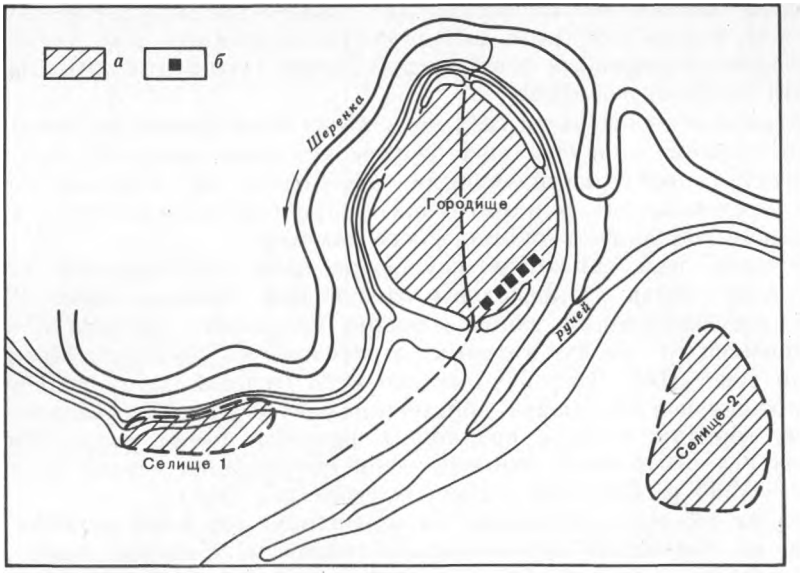


Рис. 30. Городище у д. Могутово
а — культурный слой; б – современные дома

ность уязвимой напольной части. С точки зрения градостроительства этот тип городищ наиболее экономичный, так как он максимально использует естественные укрепления. В силу указанных причин этот тип городищ был господствующим в XII—XIII вв. Нередко по периметру многих городищ этого типа дополнительно сооружались валы (Звенигород, Можайск, Перемышль). 3) Перешеечный тип: городище располагается в петле реки, на перешейке, и тогда искусственные укрепления возводятся с напольной стороны, а нередко и со стороны петли (Луковня, Успенское городище). Иногда на такого рода памятниках имеется кольцевой вал (Волоколамск). 4) Островной тип: при равнинном окружающем рельефе городище размещается на возвышающейся площадке и единственной формой его естественных укреплений является крутизна скатов холма. Этот тип планировки более свойствен городищам дьяковского типа. На территории Московской земли среди возникающих на новых местах древнерусских городищ этого типа нет. Эти памятники искусственных валов по периметру, как правило, не имеют (Боровский курган). 5) Округло-овальный или четырехугольный тип: городище не имеет никакой зависимости от окружающего рельефа и никаких естественных укреплений. Сооружается на равнинном месте и единственной формой его укрепления является искусственный вал по периметру (Дмитров [91], Балашиха, Кашира). 6-й тип составляют городища, имеющие смешанную планировку. Они сооружались в тех местах, где основных естественных укреплений было недостаточно. Пример такой планировки — Могутовское городище (Шерна-городок) (рис. 30), которое по основным своим признакам (расположение в петле реки, конфигурация валов) относится к типу перешеечных, но

поскольку высота его площадки над уровнем воды в реке составляет всего 4 м, а река неширока, выбор места объясняется тем, что с восточной стороны городища в реку впадает ручей (что роднит этот памятник с типом мысовых городищ).

Конечно, предложенная типология носит формальный характер и основана на внешних признаках археологических памятников. Но этот первичный этап типологизации, видимо, необходим, он помогает составить общее представление о памятниках в процессе дальнейшего изучения их в плане социально-экономического развития.

Согласно этой типологии изучаемые нами москворецкие городища XI в. могут быть распределены следующим образом (табл. 12). Как видим, преобладающим типом городищ являются городища с мысовой планировкой, к числу которых относится и городище Московского Кремля (рис. 31а). Второй по численности группой являются городища, расположенные в перешейке, образуемом петлей реки (3). Именно эти две группы городищ в силу специфики рельефа имеют территориальную перспективу роста, сюда относятся три крупнейших города Московской земли — Москва, Коломна и Волоколамск (рис. 316).

Что же собой представляли эти древнейшие городища региона с точки зрения их социально-экономической сущности? Решение этого вопроса затрудняется полным отсутствием свидетельств письменных источников, и единственной категорией источников остаются археологические данные.

Археологическими раскопками в той или иной мере было охвачено семь памятников XI в.: Тушков городок (Г —31), Успенское городище (Д —150), городище в Московском Кремле (Д —208), Луковня (Д—363), Боровский курган (Д—446), Коломна (Е—179) и Дьяковское городище (Д —618) [92]; на двух — Дракино (Д—586) и «Связист» (Д—115) — велись рекогносцировочные работы, а в Старой Рузе (Г—87), на городище у с. Паромоново (Б—34) и в Волоколамске (А—11) производился лишь сбор подъемного материала. Соответственно различна и степень информативности этих памятников. По вскрытой площади культурного слоя городища распределяются следующим образом: Москва — 31,999 тыс. кв. м; Луковня — 1,08 тыс. кв. м; Коломна — 0,850 тыс. кв. м; Тушков городок — 0,376 тыс. кв. м; Боровский курган — 0,164 тыс. кв. м; Успенское — 0,121 тыс. кв. м.

Однако соотношение дьяковского и славянского слоев на этих городищах различно. На некоторых из них слой славянского времени очень незначителен. Таковы городища Луковня, Боровский курган,

Таблица 12. Планировка городищ Московской земли XI в.

Мысован	Прибрежно-овражная	Перешеечная	Островная
Парамонове» (?) Тушков городок Д/о «Связист» Москва Коломна Дракино (селище)	Старая Руза Дьяково	Успенское Луковня Волоколамск	Боровский курган

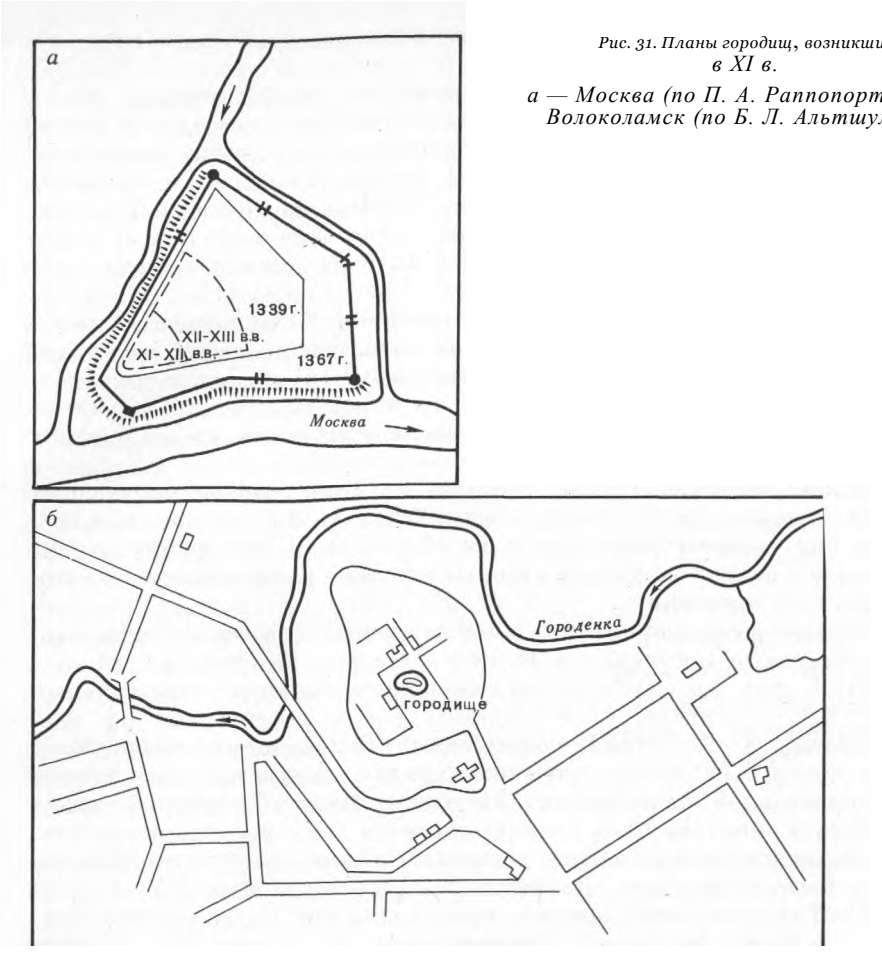


Рис. 31. Планы городищ, возникших в XI в.

а — Москва (по П. А. Раппопорту); б — Волоколамск (по Б. Л. Альтшуллеру)

Дьяково городище, Успенское. На других — наоборот: лучше выражен слой древнерусского времени (Тушков городок, Коломна, Москва).

В целом следует сказать, что слой XI в. на всех городищах очень невыразителен, основным материалом являются единичные вещевые находки и редкие фрагменты лепной и раннекруговой керамики. Даже в тех случаях, когда исследованные площади достигают значительных размеров (Москва), сам факт наличия слоя этого времени оказывается дискуссионным [193]. Во всяком случае, как это показала дискуссия о древнейшей дате Московского Кремля, речь может идти лишь о конце XI в. Основная часть древнейших вещей с этих городищ, как правило, имеет более широкую, чем XI в., дату.

Единственная постройка, которую можно связывать с XI в., выявлена при раскопках Ю. А. Краснова на Успенском городище [194]. От постройки сохранился лишь развал глинобитной печи, уровень расположения которой позволяет судить о том, что жилище было наземным. Весь вещевой комплекс: наковаленки, обломок литейной формы, чеканы, бракованная

пятилучевая привеска — дал основание исследователю связывать эту постройку с жилищем ювелира.

Среди других находок, происходящих из городищенских слоев XI в., можно выделить немногочисленные орудия труда (гвоздодер, ножи, кресала, орудия труда ювелира), украшения и предметы, связанные с одеждой (привески-бубенчики, фибулы, бусы). Встречены и предметы вооружения (сулица, наконечники стрел) [19] . Находки последней категории вещей с учетом перестройки оборонительных сооружений дают повод думать, что проникновение славян в бассейн р. Москвы не всегда было мирным.

Как уже отмечалось выше, почти все городища XI в., разместившиеся на площадках дьяковских городищ, очень невелики по своим размерам. В тех случаях, когда эти размеры определимы (памятник неразрушен и незастроен), распределение городищ по этому показателю с учетом корреляции с высотой площадки над уровнем реки выглядит следующим образом (рис. 32).

Как видим, основную группу городищ на этом графике составляют памятники, которые имеют площадь в пределах 1—3,5 тыс. кв. м и возвышаются над уровнем воды в реке на 12—44 м. В эту группу входят те дьяковские в основе городища, которые почти не расширились с приходом славянского населения.

Значительно выпадают из этого числа городищ в силу своих размеров укрепленные поселения в Волоке Дамском (20 тыс. кв. м) и в Москве (41,7 тыс. кв. м) *. Этому, очевидно, имеются определенные причины.

Как показал А. А. Зимин, современный Волоколамск, являвшийся вплоть до конца XIV в. новгородским городом, своим происхождением обязан строительной деятельности Ярослава Мудрого, который «град сотвори Волок» «на горе близ речки», перенеся его с территории с. Старого Волоцкого на современное место, по свидетельству «братанича» игумена Волоколамского монастыря Досифея Топоркова (конец XV—начало XVI в.) [196]. Той же точки зрения о происхождении Волоколамска придерживался и Н. П. Лихачев [197]. Следовательно, Волоколамск изначально следует рассматривать как новгородский княжеский город, чем и объясняется, очевидно, значительность его размеров и внушительность земляных укреплений, что резко отличало его от прочих одновременных ему городищ этого типа.

Что же касается Московского Кремля, то если дальнейшие раскопки на его территории окончательно подтвердят признаваемую сейчас двучастную планировку с площадью, равной 41,7 тыс. кв. м, то очевидно, что Москву также следует причислить к числу изначально княжеских городов, ибо столь обширная площадь древнейшего поселения никак не может быть связана с укрепленным поселком боярина Степана Кучки, личность которого сама по себе в значительной степени легендарна [198]. В таком случае сооружение поселения может быть отнесено, по-видимому, только к строительной деятельности Владимира Мономаха, который, полу-

* Цифра заимствована из диссертации Н. С. Шеляпиной (С. 125).

чив свою северо-восточную отчину в 1093 г. и окончательно утвердившись в ней после Любечского съезда 1097 г., предпринимает там усиленное строительство. С его именем, как известно, связан первый путь в Ростов «сквозе Вятиче», дотоле всегда враждебных княжеской власти. Этот поход Владимира Мономаха, посланного его отцом Всеволодом из Киева, как о том свидетельствует «Поучение Владимира Мономаха», относится согласно разысканиям А. В. Кучкина, к 1068 г.[199]

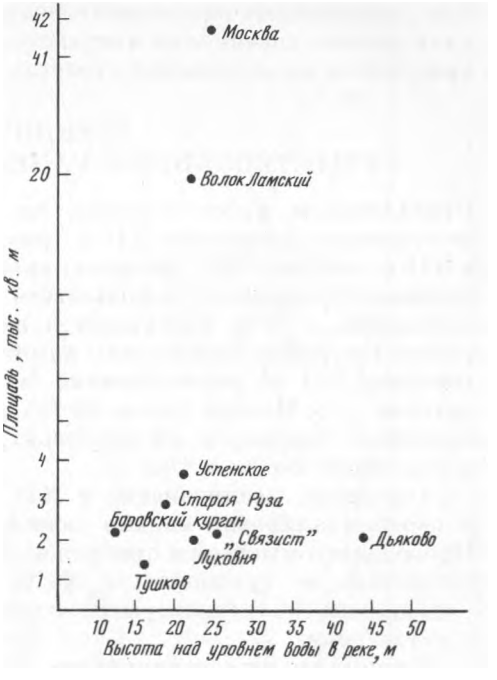


Рис. 32. Городища XI в. в зависимости от их размера и высоты над уровнем воды в реке

Правомерно поставить вопрос: не связано ли возникновение древнейшего укрепленного центра в устье р. Нсглинной с первой волной княжеского проникновения в землю вятичей, связываемой с именем Владимира Мономаха? А. Н. Насонов полагает, что именно с именем Мономаха надо связывать «начало распространения ростово-суздальской дани на вятичей», учитывая летописные сведения о том, что Владимир Всеволодович, в бытность свою черниговским князем, «в Вятичи» ходил «по две зиме на Ходоту и на сына его. . .» [200] Логично предположить, что Москва явилась одним из первых княжеских форпостов в отдаленной и всегда враждебной княжеской власти земле вятичей.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными, позволяющими судить о времени и исторической топографии третьего крупного древнего города Подмосковья — Коломны. Первое летописное упоминание о нем относится к 1177 г. и связано с походом Всеволода Большое Гнездо против рязанских князей [201]. Несмотря на проведенные в городе раскопочные работы Н. П. Милонова, многие вопросы его истории остались неясными. Не исключено, что происхождение его связано с деятельностью рязанских князей.

Таким образом, с определенной долей надежности мы можем говорить о возникновении первых городов в указанном регионе на рубеже XI —XII вв. (Волоколамск, Москва, Коломна). Об этом свидетельствуют некоторые данные письменных источников, а также внушительность размеров и укреплений этих городищ, сооружение которых было под силу только сильной княжеской власти. Каков был облик этих городов, при современном состоянии их изученности с определенностью сказать трудно.

Все остальные городища XI в., не вышедшие за пределы валов городищ дьяковского типа, очень невелики по своим размерам и на протяжении конца XIII — XVI в. прекращает свое существование, так

и не развившись в настоящие города. Это, видимо, укрепленные пункты на пути первых славянских миграционных потоков, основная волна которых приходится на следующее столетие.

ГОРОДИЩА XII в.: СУЩЕСТВОВАВШИЕ РАНЕЕ И ВОЗНИКАЮЩИЕ ВНОВЬ

Подавляющая масса городищ на территории Московской земли появляется на протяжении XII в. (рис. 27). Из общего числа существующих в XII в. городищ (55) возникает вновь 43, причем 55,8 % этого количества городищ продолжает использовать площадки дьяковских укрепленных поселений, а 19 % сооружаются на новых местах. Значительно расширяется география этой группы памятников (рис. 33). Всего лишь 10 новых городищ XII в. располагаются на берегах центральной транспортной артерии — р. Москвы (около 23 %}, остальные 33 — на многочисленных ее притоках, нередко в их верховьях, на притоках других крупных рек, в том числе Волги и Оки.

Городища, возникающие в XII в. на дьяковской основе, почти все в своей планировке сильно зависят от рельефа местности (табл. 13). Преобладают мысовой и прибрежно-овражный типы городищ. Значительно возрастает по сравнению с XI в. использование островных городищ. Совершенно не используются городища, расположенные на перешейке в петле реки.

Несколько иное соотношение типов наблюдается в группе городищ XII в., которые возникают на новых местах (табл. 14). Здесь преобладает прибрежно-овражная планировка, причем боковые овраги, ограничивающие площадку городища, бывают очень глубокими, иногда с текущими по их дну ручьями (Звенигород, Перемышль, Можайск, рис. 34). Когда овраги менее глубоки, они углубляются с напольной стороны и дополняются искусственными укреплениями (Покров и Шарково). Еще меньше зависимость от рельефа в планировке таких городищ, как у пос. Балашиха и в Дмитрове (рис. 35). Оба они располагаются на равнинном месте и естественных укреплений не имеют.

В зависимости от размеров площадок все городища XII в. (так же как и городища XI в.) распадаются на три группы (рис. 36). Две составляют летописные города, а также укрепленные волостные центры: Перемышль, Звенигород, Можайск, Дмитров, Хотунь, Вышгород на Протве, Лопастна (два упомянуты в летописи XII в., все остальные — позже). Эти памятники имеют внушительные размеры (от 7 до 62,5 тыс. кв. м) и располагаются на высоких береговых террасах, высота которых колеблется от 15 до 30 м (исключение составляет Дмитров).

Изменение преобладающего типа планировки городищ XII в. по сравнению с XI в., очевидно, имеет определенные причины, связанные прежде всего с процессом сложения границ отдельных государств-княжений. Безусловно, прибрежно-овражный тип планировки городищ имеет наиболее высокие фортификационные качества. По-видимому, в этом и кроется причина преобладания этого типа планировки в XII в.

О строительстве подобных городов-крепостей князьями в связи с вопросами формирования границ отдельных княжеств в XII в. писали

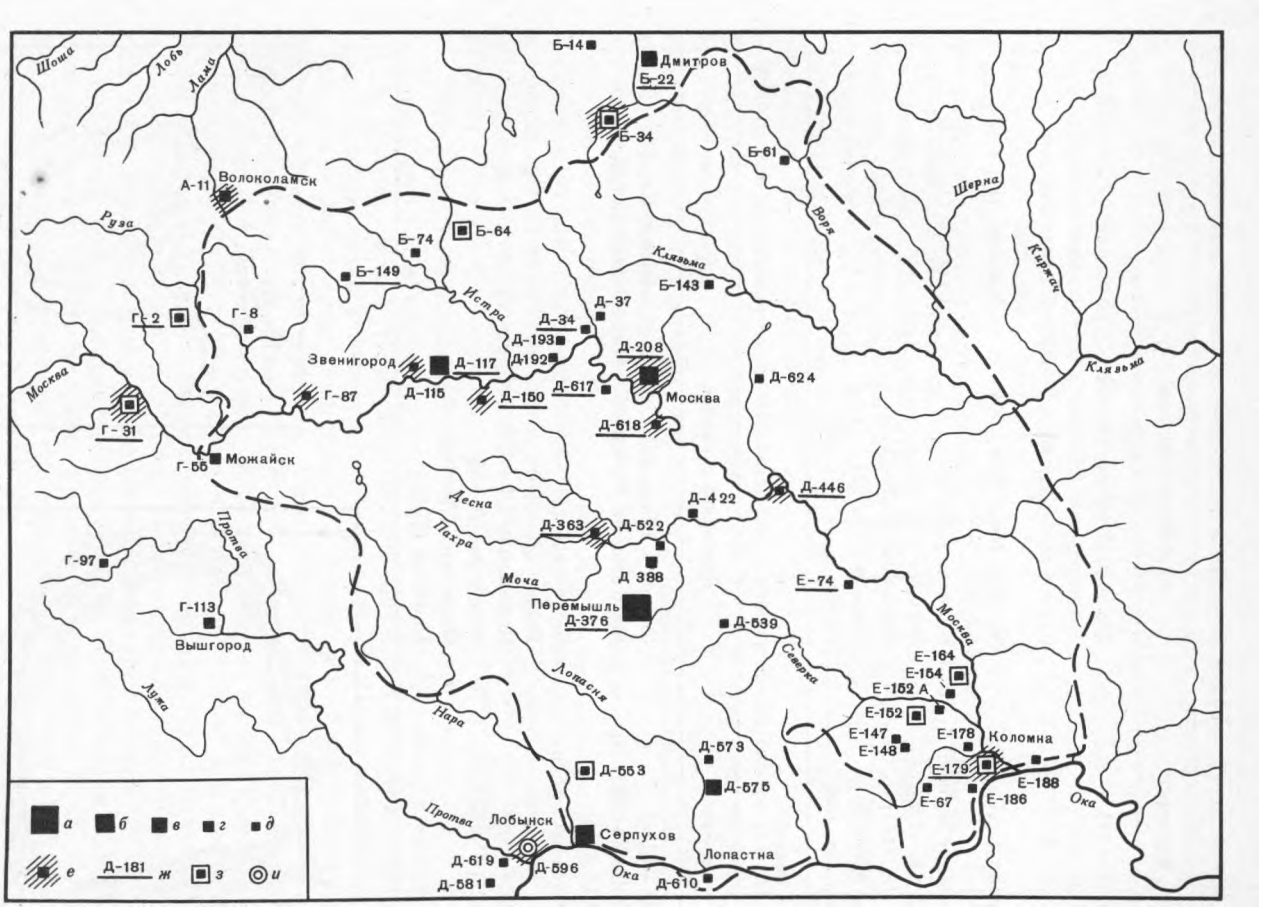


Рис. 33. Городища XII в.

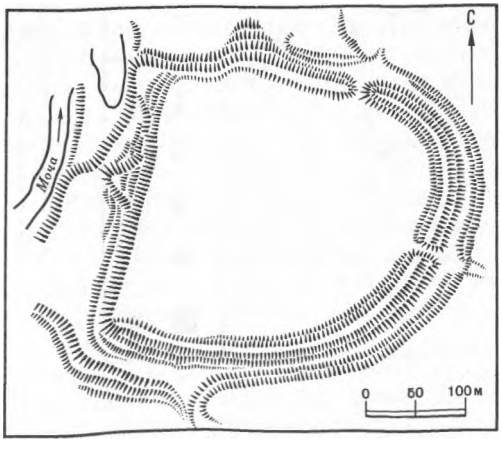
а — городища площадью более 50 тыс. кв. м; б — городища площадью 31 — 50 тыс. кв. м; в — городища площадью 21—30 тыс. кв. м; г — городища площадью 11 — 20 тыс. кв. м; д — городища площадью до 10 тыс. кв. м; е — городища, существующие с XI в.; ж — частично исследованные городища; з — городища площадь которых неизвестна; и — городища-селища, площадь которых неизвестна

Таблица 13. Планировка городищ Московской земли XII в., возникших на дьяковской основе

Мысовая	Прибрежно-овражная	Островная
Синьково (Б —14)	Ильинский погост (Б —74)	Городищи (Б—149)
Болшево (Б —143)	Архангельское (Д—192)	Гальчино (Г—97)
Неждино (Г—2)	Ст. и Новое Сьяново (Д -422)	Нижняя Городня (Д-581)
Спас-Тушино 1 (Д 54)	Тушино (спас-Тушино 2) (Д-57)	Мячково (Е—154)
Борисоглебский погост (Д—522)	Кунцево (Д—67)	Капотня (Д—623)
Юшково 2 (Е—152)	Боршево (Е- 74)	
Городена (Е —164)	Федосьино 1 (Е —147)	
Городищи (Е —178)	Гольево (Д—193)	
Карабчеево (Е 188)	Протопопове (Е—186)	

Таблиua 14. Планировка городищ Московской земли XII в., возникших на новых местах

Мысовая	Прибрежно-овражная	Округло-овальная
Царево (В —01)	Покров и Шарково (Г—8)	Дмитров (Б—22)
Грызлове 1 (Д—573)	Вышгород на Протве (Г —ИЗ)	Балашиха (Д—624)
Хотунь (Д—575)		
Спас-Городец (Д 619)	Звенигород (Д- 117)	
	Покров (Д—388)	
Хлопна (Е—67)	Перемышль (Д—376)	
Юшково 3 (Е—152А)	Растуново (Д—539)	
	Макаровка (Д —610)	
	Можайск (Г—55)	



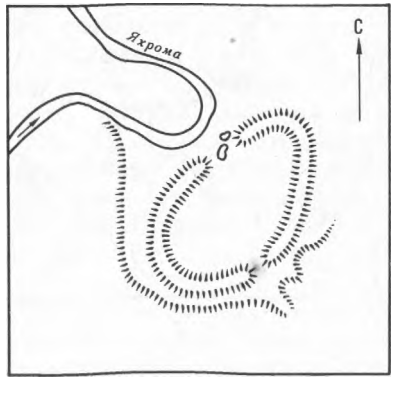


Рис. 34. План городища г. Перемышль-М ооновский (по П. А. Раппопорту)

Рис. 35 План городища г. Дмитрова (по П. А. Раппопорту)

многие исследователи (работы М. П. Погодина [202], А. Н. Насонова [203], В. А. Кучкина [204], А. К. Зайцева [205], В. В. Седова [206] и др.). В результате этих исследований можно сделать вывод, что политическое положение изучаемого региона в XII в. было очень сложным и неустойчивым ввиду того, что этот район оказался между такими крупнейшими княжествами, как Черниговское, Владимиро-Суздальское, Смоленское и Рязанское, до выделения в 70-е годы XIII в. самостоятельного Московского княжества (Михаил Хоробрит) [207].

Как справедливо заметил В. А. Кучкин, вопрос о границах приобретает особую важность с того времени, когда князья становятся государями своих владений, что приводит к неизбежным столкновениям между ними [208]. Именно в связи с этими столкновениями и проникают на страницы летописей сведения о городах изучаемого региона.

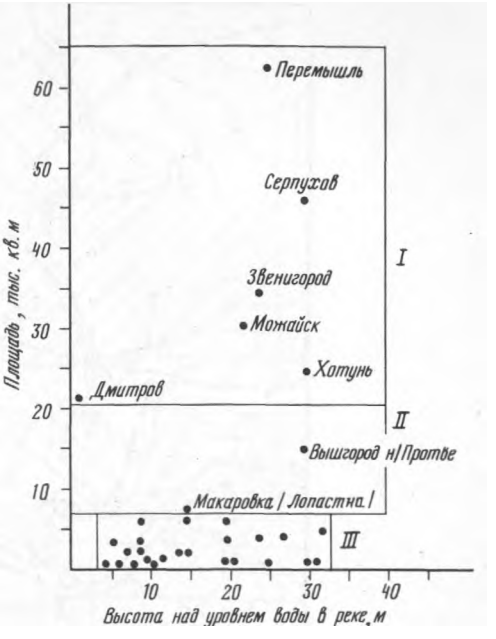


Рис. 36. Городища XII в. в зависимости от размера и высоты над уровнем воды в реке

I — города; II — волостные центры; III — прочие укрепленные поселения (общинные центры и феодальные усадьбы)

Сложение суздальско-черниговского рубежа в целом прослежено А. Н. Насоновым, а вслед за ним В. А. Кучкиным и А. К. Зайцевым (рис. 37) [209]. Как видим, границы эти несколько различны у всех троих исследователей. Проведение их базируется на сумме летописных свидетельств о черниговских волостях и пунктах, расположенных по течению р. Оки: Колтеск (на месте современного правобережного с. Колтово — 1146 г. [210], волость Лопастна (нижнее течение р. Лопасни и правобережье р. Оки с центром на месте городища у д. Макаровка) —1176 г.[211], волость Сверилеск [212]. Все эти свидетельства дали основание А. Н. Насонову провести северную границу черниговских владений по левобережью р. Оки, с учетом расположения волости Лопастны — пересекая среднее течение одноименной реки в 25—30 км к северу от р. Оки. Граница, предложенная В. А. Кучкиным, близка к той, которую провел А. Н. Насонов. Граница, проведенная А. К. Зайцевым, представляется необоснованно удаленной от р. Оки (до 50 км).

Однако установление северного рубежа черниговских владений, очевидно, не обязательно должно означать начало владений Ростово-Суздальской земли, как это полагали исследователи, начиная с А. Н. Насонова. Очевидно, что процесс окняжения свободной общинной территории был постепенным и именно эта постепенность говорит о наличии земель,

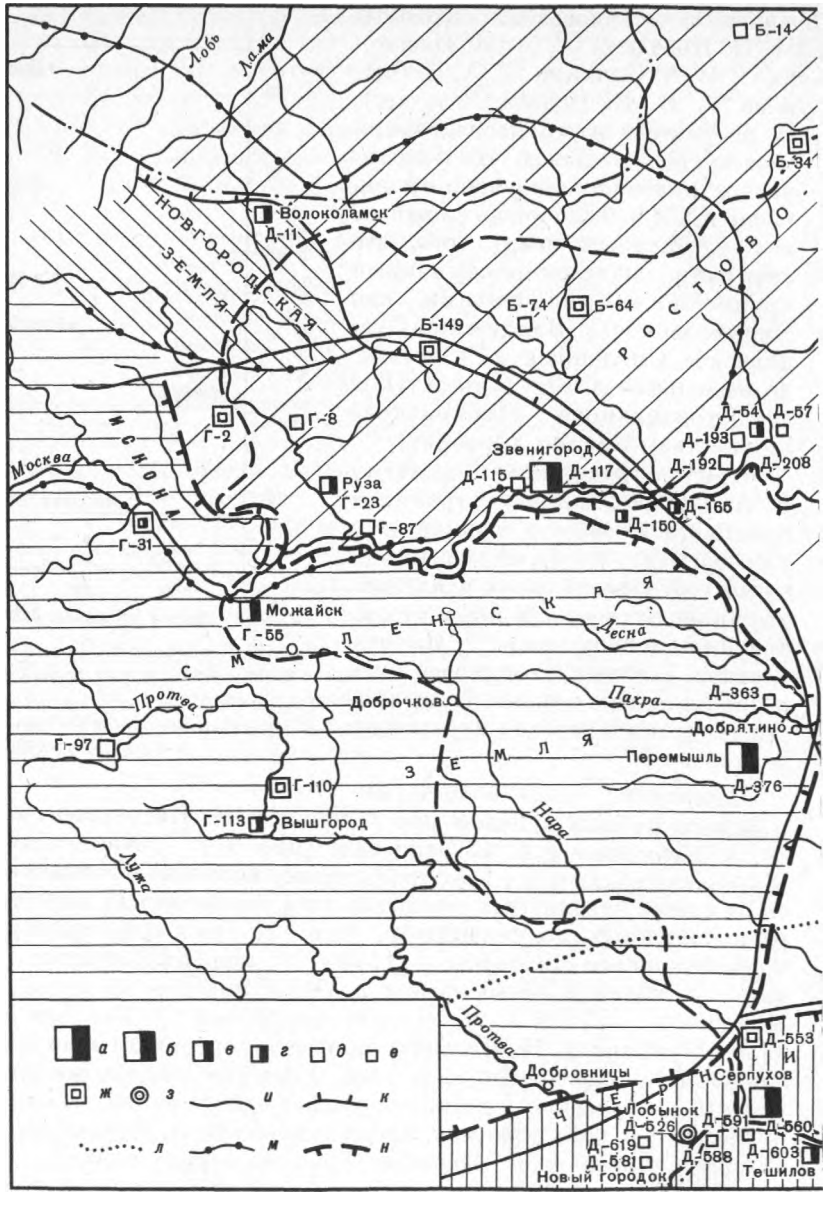
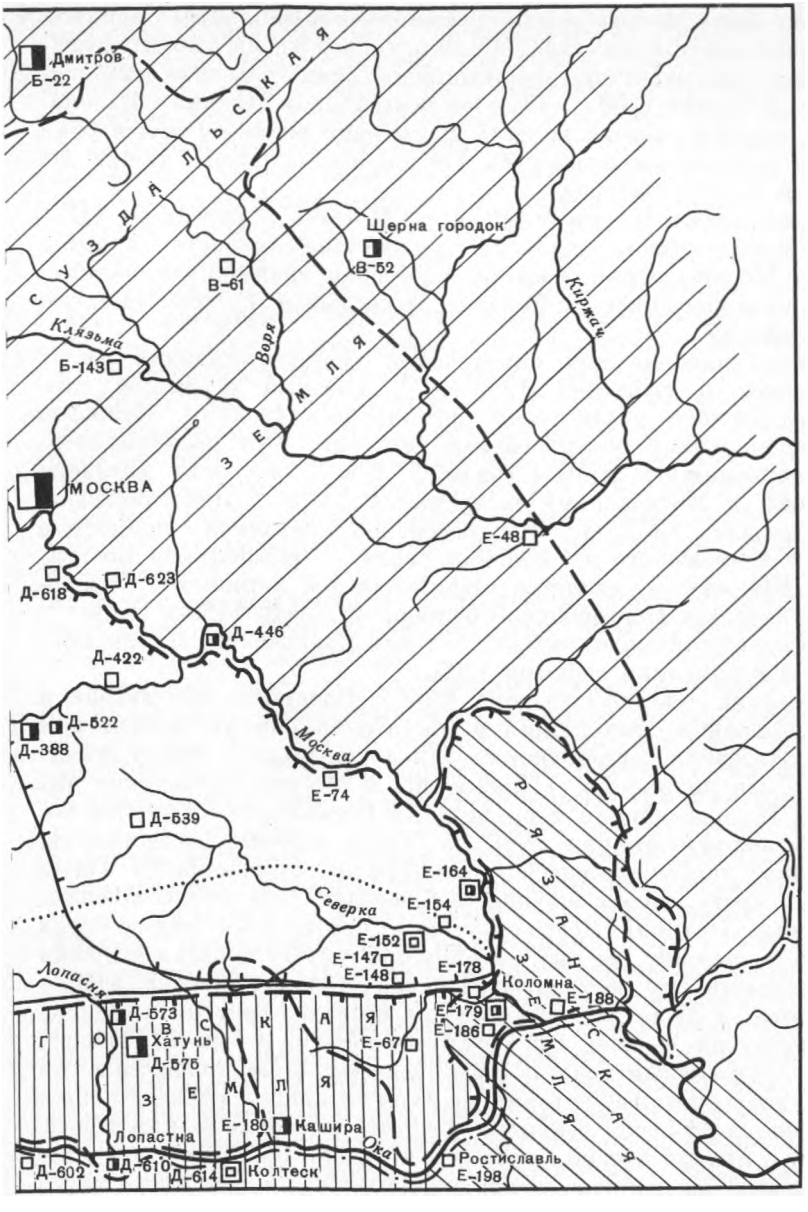


Рис. 37. Политические границы и центры бассейна р. Москвы в середине XII—начале XIII в.

а – городища площадью более 100 тыс. кв. м; б – городища площадью 51—100 тыс. кв. м; в — городища площадью 31 — 50 тыс. кв. м; г – городища площадью 21—30 тыс. кв. м; д – городища площадью 10,1—20 тыс. кв. м; е – городища площадью менее 10 тыс. кв. м; ж – площадь городища неизвестна; з — площадь селища неизвестна. Приблизительные границы княжеств середины XII в.; и — по А. Н. Насонову; к — по В. А. Кучкину; л — по А. К. Зайцеву; м – по В. В. Седову; н – дополнения автора. Штриховкой показаны территории различных княжеств



не подвластных еще княжеской власти. Во всяком случае, мы имеем определенные летописные свидетельства о том, что южный рубеж Ростово-Суздальских земель располагался гораздо севернее крайних черниговских волостей.

Летописные упоминания о Москве 1147 и 1156 гг.[213] указывают на то, что город принадлежал ростово-суздальскому князю Юрию Долго-

рукому. О том, что Москва была крайним юго-западным пунктом Владимиро-Суздальского княжества, земли которого могли воевать соседние князья, прямо указывает краткое летописное свидетельство Симеоновской летописи о событиях 1209 г.: «Тое же зимы Рюрик Михаил с Изяславом пришедше начата воевати волость Всеволоже великого князя близ Москвы» [214]. Юго-западным форпостом Ростово-Суздальского княжества считал Москву и С. Ф. Платонов [215].

Таким образом, среднее левобережье р. Москвы в середине XII — начале XIII в. было ростово-суздальским и границей княжества, видимо, было течение р. Москвы. Причем южнее г. Москвы граница эта, видимо, проходила по правобережью р. Москвы, захватывая густонаселенную южную округу города.

Немаловажное значение для определения границ княжеств имеет летописный сюжет о событиях 1209 г.[216], который с разной степенью полноты освещен различными летописными сводами. Наиболее полный рассказ содержит Воскресенская летопись. Этот поздний летописный свод, относящийся к 40-м годам XVI в.[217], восходит, согласно А. А. Шахматову, к Московскому своду конца XV в.[218] Действительно, летописный рассказ 1209 г. Воскресенской летописи полностью повторяет текст Московского летописного свода [219]. Источником последнего, по А. А. Шахматову, является Софийская 1-я летопись [22°], восходящая в свою очередь к Новгородско-Софийскому своду 1430-х годов [221]. Некоторые подтверждения новгородских истоков Московского летописного свода находим и в описании событий 1209 г.[222]

Во всяком случае, текст о событиях 1209 г. Воскресенской летописи как наиболее полный и восходящий к достаточно ранним источникам может быть использован с достаточной степенью надежности. Ввиду значимости приведем его полностью: «Приходиша к Москве Рязаньские два князя, Изяслав Володимерич и Кюр Михаил Всеволодич, слышаша бо, яко сынове Всеволожи отошли суть на Тверь противу новгородцев, а сего не ведаху, яко урядившеся с Новгородци приидоша со Твери в Володимер ко отцю своему, начата 'же воевати села около Москвы. Слышав же князь Великий Всеволод, посла противу им вборзе сына своего Георгия, пришедшу же ему на Голубино вечер, и посла сторожи пытати рати, и бысть ему весть, оже Изяслав стоит на Мерске, а Кюр Михаил на Литове, а люди своя распустиша воевати. Георгий же поиде через ночь противу на Мерску, той бе ему напереди, и быв на Волочке и оттоле уряди Сторожевый полк за реку Клязьму, а сам поиде за ними же, и в раннюю зарю сретошася сторожеве их, и погнаша Юрьевы сторожи Изяславлих и гнаша их лесом секуще я. Георгий же поиде за ним вборзе с полком своим и прииде к реце Дроздне и ту удари на Изяслава, он же побежа, а дружину его избита, а другие изымаша, а сам утече через реку, и многа дружина истопоша около его. Слышав же Кюр Михаил, оже Изяслав побежен, и беже и сам с полком своим, бяже бо тогда великий четверток и Собор Архангела Гавриила, князь же Георгий возвратися с победою ко отцю своему, в Володимер, с великою честию» [223].

Очевидно, что содержащаяся в отрывке географическая номенклатура определяет ту порубежную с Рязанскими землями территорию Владимиро-Суздальского княжества, на которой развернули военные действия

рязанские князья. Судя по упоминанию р. Дроздны (ныне Дрезны), правого притока р. Клязьмы, впадающей близ Орехово-Зуево, понятие «к Москве», «села около Москвы» было довольно широким. А. Н. Насонов ошибочно связывал с локализацией с. Голубино образование черниговско-суздальского рубежа, что, видимо, проистекало из неверной локализации им этого пункта в современном Михневском р-не Московской обл.[224] М. П. Погодин локализовал с. Голубино в 15 км к югу от Москвы, близ Ясенево, что также оказывается в отрыве от всего комплекса упоминаемых пунктов. Н. И. Надеждин и К. А. Неволин, анализируя этот летописный сюжет, исходили из неверной посылки о том, что рязанские князья двигались через Москву, о чем в летописи прямых указаний нет. И далее, следуя логике упоминаемых в отрывке событий, они полагали, что Литову надо искать западнее р. Нерской, т. е. на правой стороне р. Москвы, ибо «Изяслав относительно Георгия, шедшего из Владимира, был перед Кир Михайлом, стоявшим на Литове» [225]. Волочек же и Голубино, по их мнению, были на левом, северном берегу Клязьмы, причем Голубино ближе к Владимиру, что действительно соответствует истине.

Для того чтобы внести определенную ясность в этот вопрос, очевидно, необходимо постараться локализовать эти пункты, привлекая различные источники.

Поскольку Голубино действительно является первым пунктом остановки Георгия на пути поиска рязанских князей, то его, видимо, следует искать ближе к Владимиру.

Писцовая книга земель Троице-Сергиева монастыря 1592—1593 гг. по Переяславль-Залесскому уезду упоминает на территории Марининской волости Борисоглебского стана «пустошь, что была дер. Голубино на рчк. Шередере» [226]. Пустошй эта, как и ряд других, тянула к сельцу Халино, которое еще до недавнего времени располагалось в самом верховье р. Шередеры [227]. Видимо, поблизости от этого села следует искать и Голубино (рис. 38). Нашими обследованиями 1981 г. пустошь эта была археологически выявлена. Это селище, располагавшееся рядом с сохранившимся до наших дней микротопонимом «Голубинский лес». Здесь близ Большой Покровской дороги на Владимир, согласно сведениям летописи, Георгий узнает, что Изяслав стоит «на Мерске», а Михаил — «на Литове». Изяслав, надо думать, стоял в верховьях р. Нерской, ибо старая дорога из Коломны на Владимир еще в XVIII в. поворачивала от р. Москвы южнее Мезенки к северо-востоку и шла, очевидно, через верховья р. Нерской [228]. Что же касается «Литовы», на которой стоял Кюр Михаил, то ее, очевидно, можно отождествить с современной Летовкой, притоком р. Цны, которая находится как раз на пути следования войск Кюр Михаила. Там, по данным Г. П. Смолицкой, имеется д. Старолетово [229]. Если наши локализации верны, то рязанские князья стояли в 30 км один от другого, блокировав дороги во Владимир из Москвы и из Коломны. Георгий, узнав об этом, стал двигаться к р. Нерской через Волочек. Место этого пункта легко определяется по данным писцовых книг XVII в. (Волочек Зуев) на левобережье р. Клязьмы, между реками Вырской и Дубной [230] (рис. 38). Затем, переправившись близ Волочка на противоположный берег р. Клязьмы, Георгий преследовал «сторожи Изяславлих» вплоть до р. Дроздны, где и произошло окончательное сражение, принесшее ему победу.

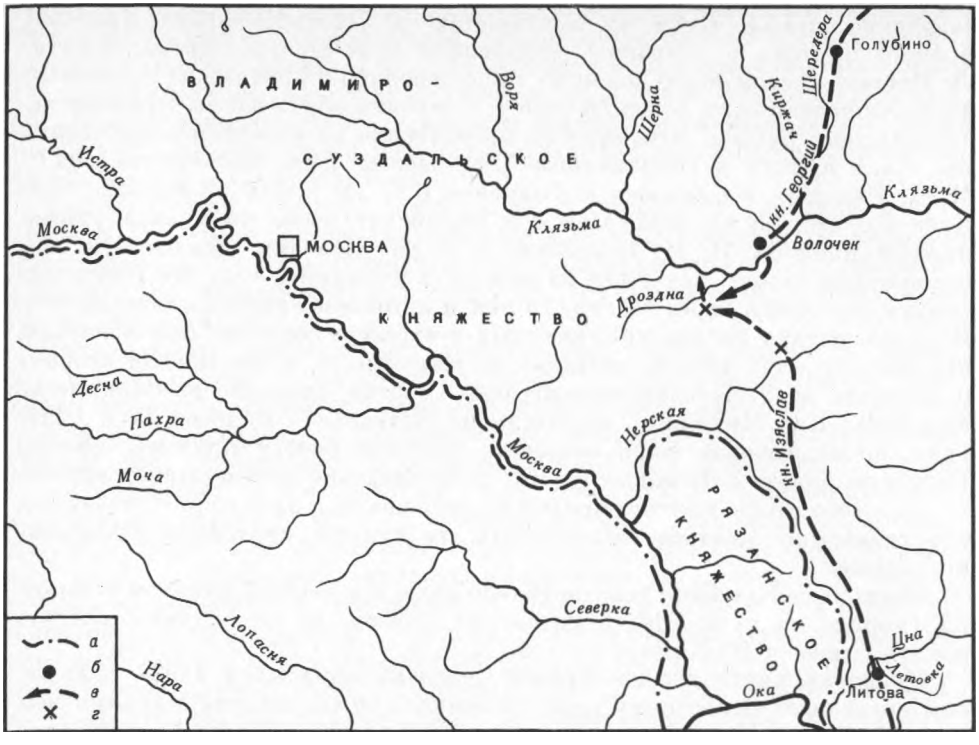


Рис. 38. Схема движения войск рязанского и владимиро-суздальских князей в 1209 г.

а — границы княжеств; б — пункты, упоминаемые в летописи; в — направление движения князей; г — места остановки княжеских войск

Таким образом, вся географическая номенклатура летописного известия 1209 г. размещается близ течения р. Клязьмы и ее притоков, в 60 — 90 км к востоку от Москвы, и с подмосковным, так же как и с михневским, с. Голубино не связана. Очевидно также, что военные столкновения происходили на территории Владимиро-Суздальского княжества, близ границ с Рязанским, и к выяснению черниговско-суздальского рубежа, как полагал А. Н. Насонов, они отношения не имеют [231].

Территория Рязанского княжества, как показал В. А. Кучкин на основе анализа летописных известий Лаврентьевской летописи 1186 и 1207 гг., простиралась и на левобережье р. Оки [232]. Согласно А. Н. Насонову, Рязань утвердилась в низовьях р. Москвы не позднее первых десятилетий XII в.[233] Есть основания полагать, что рязанские владения по левобережью р. Оки простирались вплоть до р. Нерской. На страницах летописей иногда встречаются свидетельства о том, что р. Нерская была тем рубежом, куда выходили встречать и провожать высокопоставленных гостей послы рязанских князей и епископы. Так, Лаврентьевская летопись под 1207 г. сообщает, что вел. кн. Всеволода, идущего из Коломны и пришедшего

на «усть Мерьскы», «постиже . . . епископ ... с молбою и с поклоном от всех людей, князь же великий оттоле поиде в Володимер» [234]. Когда в 1176 г. Михалко «поиде ... на Глеба к Рязаню», то послы Глеба встретили его на «Мерьской» [235]. Там же, только в верховьях реки стоял и Изяслав во время вышеописанных событий 1209 г. Очевидно, что р. Нерская в значительной части своего течения была рубежом рязанских владений.

Местоположение смоленского рубежа определяется локализацией ряда восточных пунктов Уставной грамоты Ростислава Смоленского (1136 г.). Добрятино на р. Пахре (застроенная окраина совр. г. Подольска); Доброчков (верховья р. Нары), Бобровницы (в нижнем течении р. Протвы) — вот те окраинные пункты, которые определяли этот рубеж [236]. На севере этого региона Смоленску принадлежала волость Искона, располагавшаяся в бассейне одноименной реки. Исконская «свободна» (видимо, слободка, располагавшаяся на территории одноименной волости) фигурирует в духовных грамотах московских великих князей [237]. В. Н. Дебольский локализует волость Искону конца XIV в. по правому берегу верхнего течения одноименной реки [238].

Однако А. Н. Насонов вслед за П. В. Голубовским ошибочно включил в состав Смоленской территории XII в. часть волостей, фигурирующих впервые лишь в духовной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича (около 1389 г.). Очевидно, что нет никаких оснований относить эти волости к Смоленской территории XII в. Речь идет о волостях Загарье, Берестов, Числов, расположенных в бассейне р. Москвы близ впадения в нее р. Рузы[2] . Следуя сведениям источников, мы, таким образом, имеем гораздо больше оснований провести границу Смоленского княжества XII в. по левому берегу р. Исконы, а затем, очевидно, вниз по течению р. Москвы.

Южный рубеж Смоленской земли, образующий границу с Черниговской землей, определялся местоположением погоста Беницы на р. Протве и Бобровниц в нижнем ее течении [240].

Проведенные таким образом границы крупнейших княжеств XII в. — Ростово-Суздальского, Смоленского, Черниговского и Рязанского — свидетельствуют, что по правому берегу р. Москвы от Звенигорода до устья Северки и до р. Нары на юго-западе оставалась территориальная лакуна (рис. 37). Надо полагать, что этот наиболее удаленный от всех соседних княжеств участок бассейна р. Москвы вплоть до начала XIII в. оставался неподвластным данщикам этих княжеств.

Если мы обратимся к археологической карте, то увидим, что эта территория имела наибольшую плотность памятников, а, следовательно, и населения в домонгольское время (рис. 2). Видимо, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что власть князей распространилась на эту удаленную, густонаселенную свободными общинниками территорию позже, чем на другие районы Московской земли. На этой значительной по размерам территории мы не найдем ни одного летописного города, а лишь небольшое число небольших укрепленных поселений свободных общинников.

И наоборот, все крупнейшие города Московской земли XII в. принадлежали крупным соседним княжествам: Звенигород и Москва — Ростово-

Суздальскому, Можайск, Перемышль [241] и Вышгород на Протве — Смоленскому, Лопастна, Лобынск, Серпухов и Хотунь — Черниговскому, Коломна — Рязанскому. Причем четыре городища, которые имели наиболее укрепленный прибрежно-овражный тип планировки, располагались но окраинным рубежам этих княжеств: Можайск и Перемышль — рубеж Смоленского княжества, Звенигород Ростово-Суздальского, Лопастна Черниговского.

Изучение городищ XII в. по археологическим данным, видимо, следует вести по тем основным группам, на которые они подразделяются на графике (см. рис. 36). Группа летописных городов включает семь укрепленных поселений, возникших в XII в. (Перемышль, Звенигород, Можайск, Дмитров, Хотунь, Вышгород на Протве, Лопастна), и три города (Москва, Волоколамск и Коломна), существующих с XI в. Стационарные археологические раскопки велись лишь в пяти пунктах: Перемышле (М. Г. Рабинович), Звенигороде (К. Я. Виноградов, Б. А. Рыбаков, А. В. Успенская, автор), Дмитрове и Коломне (Н. П. Милонов, 1933, 1934, 1935 — 1937), Москве (Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович, 1959, 1960 гг. и Н. С. Шеляпина, 1963—1979 гг.) (табл. 1).

Система обороны этой категории памятников (тип топографической планировки, компоненты земляной насыпи вала, наличие либо отсутствие рва) может быть представлена в следующей таблице (табл. 15). Как видим, наиболее распространенный прибрежно-овражный тип планировки предполагает наличие кольцевой оборонительной системы ограждения (кольцевой земляной вал либо деревянная стена, как это имело место в Звенигороде). Наличие мощных естественных преград при этом типе планировки далеко не всегда требовало сооружения рвов (лишь в Перемышле и Лопастне).

При мысовом типе планировки применялся как кольцевой вал, так и напольный, но наличие рва в этих случаях, видимо, было обязательным всегда. Кольцевой вал присутствует и при перешеечном типе планировки (Волоколамск) и совершенно необходим при овально-округлом типе городищ, так как это в сочетании со рвом — единственная форма укреплений этой категории памятников.

Интересны приемы сооружения валов в тех пяти случаях, где они исследовались. В тех городах, которые можно связывать с деятельностью ростово-суздальских князей (Звенигород, Москва, Дмитров), в системе ограждения использовалось дерево: либо в виде наземной стены, либо в виде внутривальных конструкций, хотя, как известно, на территории центральных районов Ростово-Суздальской земли сооружались как чисто земляные валы (Владимир, Боголюбово), так и валы со срубными конструкциями внутри (Мстиславль, Суздаль, Сарское городище) [242]. Только из земляной насыпи с использованием глины состоит вал Коломны. В Смоленском Перемышле крепление земляной насыпи вала осуществлялось за счет сооружения в основании вала валика из обожженной глины, который предохранял вал от оползания.

Недостаточная степень изученности не позволяет нам выявить наличие либо отсутствие определенной системы в застройке этих городов. Лишь в Звенигороде, где в различных местах городища было заложено несколько раскопов, удается предположительно наметить порядовую застройку вдоль основной улицы [243].

Таблица 15. Система обороны летописных городов XII в.

Город	Тип планировки	Кольцевой вал	Напольный вал	Компоненты в конструкции вала	Наличие рва
1. *Перемышль* *	Прибрежно-овражная	+		Обожженная глина	+
2. *Звенигород*	»	Дерев. стена			
3. Можайск	»	+			
4. Вышгород на Протве	»	+			
5. Лопастна	»	+			
6. Хотунь	Мысовая		+		+
7. Серпухов	»		+		+
8. *Москва*	»	+		Деревянные конструкции	+
9. *Коломна*	»	+ (?)		Глина	+
10. *Дмитров*	Округло-овальная	+		Деревянные «городни»	+
11. Волоколамск	Перешеечная	+			

* Названия, выделенные курсивом, обозначают городища с исследованными оборонительными сооружениями.

Таблица 16. Характеристика исследованных городищ XII в. (летописные города)

Города	Наличие посада	Наличие церкви	Жилые постройки		Ремесло (мастерские)					Мостовые
			усадьбы	жилые срубы с глинобитной печью	кузнечное	металлургическое	кожевенное	стеклоделие	гончарное	
Перемышль		?								
Звенигород	+	?	+	+						
Москва	+	+ ?	+	+		+	+	+	+	+
Дмитров		?	+?		+?	+				
Коломна	+?	?	?	+	+?	+?				

В XII в. при некоторых городах (Москва, Звенигород, возможно, Коломна) уже появляются посады (табл. 16) [244]. Характерной особенностью посадов городов Северо-Восточной Руси, как отмечает П. А. Раппопорт, является отсутствие оборонительных рубежей вокруг них, в отличие от городов северо-запада и юго-запада, с чем исследователь связывает различие в социальном устройстве этих городов: «Города Залесской земли даже в домонгольскую пору, по-видимому, не имели такого развитого самоуправления, как Киев или Новгород» [245].

В крупнейших городах Московского региона в XII в., очевидно, начинает складываться усадебная застройка. Следы усадеб прослежены в Звенигороде [246] и в Москве под зданием Патриарших палат (сруб № 1) [247]. Жилые постройки представляли собой наземные срубы с глинобитными

Таблица 17. Характеристика находок с исследованных городищ XII в. (летописные города)

Города	Стеклянные браслеты	«Племенные» находки			Вещи феодального быта			Орудия земледелия
		семилопастные височные кольца	решетчатые перстни	% от общего числа находок	стеклянные сосуды	энколпионы	янтарь	
Перемышль	+	1		0,5				
Звенигород	+ (56)	2	1	0,3				1 (сошник)
Москва	+ (Около 500)	5	1 (при погр.)	?	+	+	+	1 (обломок косы-горбуши)
Дмитров	+ (Около 700)						+	3 (серп, коса-горбуша, жернов)
Коломна	+	?	?					+ (жернов)

Таблица 18. Возведение оборонительных сооружений на древнерусских городищах XII в. с дьяковской основой

Городище	Перестройка валов	дьяковских	Сооружение новых валов	Сооружение рвов
Боршево (Е—74)				
Кунцево (Д—617)				
Тушков (г—31) ?			+	+
Луковая (Д—363)				+
Неждино (Г—2) > + Спланиров.			+ (и башня)	
Городищи (Б—149) | + Спланиров.			+ (деревянная стена)	+
Успенское (Д—150)			?	?
Дьяково (Д—618) ?			?	?
Боровский курган ? (Д-446)				

Таблица 19. Характеристика исследованных городищ XII в., возникших на дьяковской основе

Городища	Усадьбы	Погреба	Совмещенные постройки (жилые и производственные)	Мастерские (гончарные)
Тушков			2 (кузнечные), 1 (литейно-ювелирная)	
Городищи	1	1		
Успенское			1	1

печами, иногда с погребами, врытыми в землю на 1,2 —1,3 м. Наибольший материал для изучения построек этой поры на территории Москвы дали земляные работы при реставрации здания бывшего Патриаршего дворца и Церкви 12 апостолов в Московском Кремле. На рубеже XI и XII вв. зафиксированы и первые деревянные мостовые (Москва) [248].

Культурный слой Москвы дает наибольшее количество ремесленных мастерских (табл. 16) [249].

Наиболее частой находкой из городских слоев XII в., видимо, следует считать стеклянные браслеты (табл. 17). Н. П. Милонов отмечает, что при раскопках Дмитрова было найдено около 700 обломков браслетов[250]. В Звенигороде стеклянные браслеты составляют всего 5 % от общего числа находок.

Помимо многочисленных находок ремесла и быта интересно проследить встречаемость находок так называемого «племенного» типа. Это вятичские семилопастные височные кольца и решетчатые перстни. Там, где удается выяснить их процент по отношению к остальной массе находок (Перемышль, Звенигород), оказывается, что он очень невелик (соответственно 0,5 и 0,3 %). Поэтому нет, по-видимому, серьезных оснований говорить о том, что вятичи составляли значительный компонент населения этих городов.

Вотчинный характер ремесла характеризуют находки таких вещей, как энколпион с эмалью, обломки стеклянных сосудов (Москва).

При раскопках городов встречаются и находки сельскохозяйственных орудий (сошники, косы-горбуши, серпы), что свидетельствует об определенной доле земледелия в жизни горожан.

В целом следует сказать, что археологический материал, характеризующий жизнь сложного городского организма XII в., пока достаточно фрагментарен и вследствие этого те археологические признаки, которые определяют понятие русского феодального города в изучаемом регионе, на данном этапе могут быть неполными, а, возможно, и не всегда принципиально важными.

Более многочисленную группу городищ, возникающих в XII в., составляют небольшие безымянные городища, базирующиеся на основе укрепленных поселений дьяковского времени. Эту группу составляют 23 памятника, которые располагаются на более низких, чем летописные города, береговых террасах. Высота их площадок над уровнем воды в реке в пределах 5—30 м, а площадь самых крупных из них не превышает 5,2 тыс. кв. м (рис. 36).

Стационарным археологическим исследованиям было подвергнуто всего четыре памятника этой группы: Неждино на р. Рузе (Г—2), Кунцево (Д —617), Боршево (Е —74) и Городищенское городище на Тростенском озере (Б —149). К этому числу необходимо присоединить пять частично исследованных памятников этой группы, на которых славянское население появилось на рубеже XI—XII вв.: Боровский курган (Д —446), Дьяково (Д —618), Луковня (Д —363), Успенское городище (Д —150), Тушков городок (Г—31).

Топография мест, на которых размещались эти городища, определялась еще во времена раннего железного века, поэтому к древнерусскому времени из системы обороны этих укреплений относятся лишь валы и рвы.

В тех случаях, когда производилось их изучение (табл. 18), выясняется, что на ряде городищ продолжали использоваться укрепления эпохи раннего железа (Боршево, Кунцево, Успенское городище), в двух случаях были сооружены дополнительные укрепления (Тушков и Луковня). На двух памятниках (Неждино и Тростенское городище) возведение новых линий обороны сопровождалось ликвидацией валов дьяковского времени в связи с необходимостью расширения территории. Причем на Тростенском городище новая система укреплений состояла из деревянной стены (неширокий ровик со следами тлена в заполнении), а в Неждино был сооружен новый земляной вал несколько выше вала дьяковского времени, в центральной части которого возвышалась деревянная сторожевая башенка размером 4Х3 м, к которой, видимо, по верхней кромке земляного вала примыкал деревянный тын[251].

На Тростенском городище с внешней стороны вокруг деревянной стены был выкопан ров [252].

Проведение подобных значительных по объему земляных и строительных работ требовало определенной организации этих работ, концентрации людских ресурсов, вследствие чего возведение оборонительных систем является одним из первичных археологических признаков города. На основании этого признака выделим группу укрепленных в XII в. городищ (на табл. 18, 20 курсивом), проследив в дальнейшем, какими другими археологическими признаками они характеризуются.

По соотношению напластований дьяковской поры и древнерусского времени вся эта группа памятников делится на две неравноколичественные подгруппы: это городища, на которых дьяковский слой выражен слабее, а потому слой древнерусского времени более информативен, с сохранившимися постройками (Тушков, Тростенское/Городищи, частично Успенское) , и городища, где слой раннего железного века более мощный, постройки древнерусского времени не прослеживаются и основным источником информации о них остается вещевой материал (Боровский курган, Кунцево, Боршево, Неждино, Луковня).

Исследования небольшой первой подгруппы этих памятников показали, что в XII в. и на этих укрепленных поселениях возникает усадебная планировка (Городищи), включающая помимо основного жилого сооружения еще и хозяйственные постройки (погреба), обнесенные оградой (деревянная стена). В данном случае все это говорит о том, что памятник представляет собой феодальную усадьбу (табл. 19).

К сожалению, этот интересный памятник практически погиб для науки. В течение многих лет на нем функционировал песчаный карьер, который уничтожил его почти полностью. В. В. Сидоров начал раскопки памятника в 1968 г., когда от городища осталась лишь узкая южная кромка, при раскопках которой и были выявлены остатки усадьбы феодала. Раскопки носили поспешный охранный характер, и, видимо, вследствие этого фиксация раскопанного и качество отчетности не всегда были на должном уровне.

Ремесленное производство, насколько позволяют судить раскопки Тушкова и Успенского городища, имеет много общего. Ремесленные постройки Тушкова городка — это одновременно жилые и производственные сооружения. Этот памятник также пострадал, как и Тростенское

городище, но в меньшей степени (подмыв рекой прибрежной его части); оставшаяся половина поселения была полностью раскопана М. Г. Рабиновичем. Интерпретируя материалы исследований, автор приходит к выводу о том, что это был небольшой городок, который «своими ремесленными изделиями обслуживал лишь окрестное сельское население» и «не являлся крупным ремесленным и торговым центром». Видимо, Тушков XII — XIII вв. — небольшой укрепленный центр, имеющий ремесленные мастерские. Причем ремесленное производство носило довольно примитивный характер, о чем говорит совмещение построек с жилыми и производственными функциями [253].

На Успенском городище, также почти уничтоженном карьером, характер ремесла, видимо, был таким же. Одна из интереснейших мастерских XII в., выявленная здесь, — мастерская литейщика-ювелира, производящего «племенные» украшения; она также, видимо, служила одновременно жилым и производственным помещением [254]. Однако отличие от памятников типа Тушкова заключается в некотором своеобразии вещевого комплекса и меньшей роли ремесла, о чем подробнее речь будет ниже.

Для характеристики городищ XII в. с дьяковской подосновой из вещевых комплексов целесообразно выделить те категории вещей, которые позволяют судить о жизни поселения, об этническом составе населения (курганные славянские древности вятичей, кривичей, вещи угро-финнов), о выделении правящей феодальной верхушки, о военной роли этих укрепленных поселений и пр. (табл. 20).

Важным археологическим индикатором городского характера поселения является наличие стеклянных браслетов. Как следует из табл. 20, стеклянные браслеты встречены лишь на четырех памятниках (Тушков, Городищи, Луковня и Неждино), которые нами были выделены в связи с возведением на них новых оборонительных сооружений в XII в. (табл. 18).

Еще одной важной отличительной особенностью этих четырех городищ является наличие в их вещевом комплексе находок, связанных с бытом феодалов: стеклянных сосудов, украшений и вещей из серебра, привозного янтаря, а также украшений с эмалью. Это предметы быта феодальной усадьбы. Показательно отсутствие в культурном слое трех из этих памятников (Тушков, Городищи и Неждино) украшений, определявших «племенную» принадлежность населения: семилопастных височных колец и решетчатых перстней вятичей, браслетообразных височных колец кривичей и шумящих привесок угро-финнов. Безусловно, для XII в., когда здесь уже сложилась территория отдельных княжеств, использование этих украшений являлось в значительной мере этнографическим пережитком, свидетельствующим лишь об одном обстоятельстве — о связи памятника с местной сельской общинной округой. Только на Луковнинском городище (из этой подгруппы памятников) выявлены украшения вятичей и угро-финнов.

Другую подгруппу памятников образуют городища (табл. 20), которые роднит отсутствие стеклянных браслетов, вещей феодального быта и наличие украшений, свойственных местному сельскому населению (Успенское, Боршево, Кунцево и Боровский курган). При двух городищах этой подгруппы имеются селища (Успенское и Боршево).

Таблица 20. Характер находок с исследованных городищ XII в., возникших на дьяковской основе

Городища	Стеклянные браслеты	Курганные славянские древности						Угро-финские вещи	Вещи феодального быта				Оружие	Орудия земледелия	Приселки
		семилопастные височные кольца	решетчатые перстни	браслетообразные височные кольца	перстни, височные кольца	браслеты	бусы		стеклянные сосуды	серебро	янтарь	эмаль			
Тушков	44					3	2			1			9	3	+
Городищи	Более 30								3		4	1	2		+
Успенское		1—5-лопастные		1				1					1		+
Боршево						3		5					8		+
Кунцево			2		2								3	3	
Луковня	5	5	6		3		3	1		2		2	2		+
Неждино	10				1	2	2		1	1			уди-ла	2	+
Боровский курган		6	2		5	1	1	3					2		

Подытоживая все вышесказанное о городищах XII в. на территории Московской земли, можно отметить, что в этот период среди укрепленных поселений устойчиво выделяются типы, которые определяются как по археологическим признакам, так и по своей социально-экономической роли (табл. 20; 21). Прежде всего это значительная группа летописных городов, выделяющихся своими размерами и внушительной системой обороны, усадебной планировкой застройки. Материальная культура многих из них характеризуется находками, связанными с бытом феодалов. Это Перемышль, Звенигород, Можайск, Вышгород на Протве, Лопасня, Хотунь, Москва, Коломна, Дмитров, Волоколамск. Два из них (Москва и Волоколамск) возникают в предшествующее время, все остальные — на протяжении XII в. Редкие свидетельства письменных источников, географическое расположение этих городов близ границ крупных соседних княжеств, поделивших эту территорию в XII в., а также размещение многих из них вне основных сгустков населения (рис. 2) убеждают, что своим происхождением они обязаны строительной деятельности князей.

Остальная группа маленьких безымянных городищ, из которых изучены преимущественно те, которые возникают на основе дьяковских укрепленных поселений, распадается на несколько типов (табл. 21; 22). Тип укрепленных ремесленных центров характеризуется значительной концентрацией ремесла, причем находящегося еще на довольно низком уровне

Таблица 21. Типы укрепленных поселений XII в.
(по исследованным памятникам)

Тип поселения	Площадь, тыс. кв. м	Посады или приселки	Оборонительные сооружения	Перепланировка оборонительных сооружений	Планировка построек	Стеклянные браслеты	Вещи феодального быта	«Племенные» вещи	Оружие	Памятники
«Эмбрионы» городов										
Летописный город	21—62,5	±	Обычно кольцевой вал, усиленный с напольной стороны		Усадебная	+	+	+	+	Москва, Коломна, Дмитров, Перемышль, Звенигород
Ремесленные центры	1,2	+	Кольцевой вал	?	Отдельные срубы	+	+		+	Тушков городок
Феодальные усадьбы	0,5—1,9	+	Напольный вал	+	Усадебная	+	+	±	+	Луковня, Городищи, Неждино
Укрепленные центры сельских общинников	1,7—3,8	±	Напольный вал		Отдельные срубы			+	+	Успенское, Боровский курган, Боршево, Кунцево

Таблица 22. Типы укрепленных поселений XII в.

(по исследованным памятникам)

Тип поселения		Ремесло (мастерские)	Вещи феодального быта					«Племенные» пережитки в использовании украшений				Оружие	Стеклянные браслеты	Памятники
		совмещенные постройки (жилые и производственные)	стеклянные сосуды	височные бусинные кольца	серебро	янтарь	эмаль	семилопастные височные кольца (вятичи)	решетчатые перстни (вятичи)	браслетообразные кольца (кривичи)	шумящие привески (угро-финны)			
«Эмбрионы» городов	Ремесленные центры	2 (кузн.) 1 (литейно-ювелирная)										9	44	Тушков городок
	Феодальные усадьбы		4 (б, в)	3 (б, в)	3 (а, в)	4 (б)	3 (а, б)	5 (а)	6 (а)		1 (а)	4 (а, б)	Более 50 (а—в)	Луковня (а), Городищи (б), Неждино (в)
Укрепленные центры сельских общинников		1 (ювелирная) (а)						8 (а, б)	2 (б)	1 (а)	8 (а—в)	14 (а—г)		Успенское (а), Боровский курган (б), Боршево (в), Кунцево (г)

развития. Застройка территории производилась отдельно стоящими срубами. Для вещевого комплекса этих памятников характерно наличие стеклянных браслетов и в то же время отсутствие вещей, свидетельствующих о связи населения с местной округой. Единственный исследованный памятник этого типа (Тушков городок) имел, очевидно, с сельской округой в значительной мере одностороннюю связь: его население, снабжая окрестных жителей ремесленной продукцией, само не было местным по своему происхождению. Не исключено, что этот маленький ремесленный городок был основан княжеской властью на крайних северо-восточных рубежах Смоленского княжества XII в. как своеобразный плацдарм для проникновения этой власти в гущу общинного местного населения «мирным» путем [255] — через обеспечение его ремесленной продукцией [256]. В этой связи интересно отметить, что среди бедного инвентаря жилищ-мастерских этого памятника встречаются вещи с серебряной инкрустацией, богато орнаментированные удила. Возможно, что эти вещи, а также предметы вооружения свидетельствуют о присутствии на городище небольшого дружинного княжеского гарнизона.

Вторую группу укрепленных поселений составляют феодальные усадьбы (Луковня, Городищи, Неждино) (табл. 22). Они отличаются от остальных памятников рядом признаков, прежде всего незначительностью своих размеров [257]. Только на этой категории памятников древнерусским населением проводились значительные земляные работы, связанные с перепланировкой укреплений предшествующей поры. Для планировки построек этих городищ характерна усадебная застройка. Вещевой комплекс их характеризуется наличием стеклянных браслетов [258], а также вещей, связанных с бытом феодалов.

И, наконец, третью группу укрепленных поселений составляют памятники, представляющие собой укрепленные центры сельских общинников (Успенское, Боровский курган, Боршево, Кунцево), характеризующиеся, как правило, слабым развитием ремесла. Для них характерна застройка территории отдельными срубами. В вещевом комплексе этих городищ выявлено значительное число «племенных» украшений, подтверждающих их прямую связь с местной сельской округой. В тех случаях, когда при этих городищах имеются селища, они, видимо, представляли собой центры сельской общины и к поселениям городского типа отношения не имели, как об этом свидетельствуют другие археологические признаки (отсутствие мастерских, стеклянных браслетов). Показательна география размещения этой категории памятников. Все они располагаются на том участке правобережья р. Москвы, который вплоть до начала XIII в. был занят свободным общинным населением и не был подвластен княжеским сборщикам (рис. 37). И, наоборот, протогородские поселения возникали на той территории Московской земли, где в XII в. шел процесс сложения государственности.

ГОРОДИЩА XIII в.: СУЩЕСТВОВАВШИЕ РАНЕЕ И ВОЗНИКАЮЩИЕ ВНОВЬ

Археологически XIII век не всегда надежно отделяется от XII в. Из числа городищ, возникновение которых исследователи относят к XIII в.: Могутово (В —52), Городище (Кашира, Г—180), Кольчугино (Д —165) и Руза (Г — 23) — с определенностью можно говорить об этой дате лишь в отношении последнего, так как только здесь проводились стационарные исследования (Л. А. Голубева); датировка же трех остальных основана лишь на собранном подъемном материале. Два памятника из этой небольшой группы (Кашира и Руза — оба летописные города) возникают на основе дьяковских поселений, Кольчугино и Могутово — на новых местах.

По своей планировке эти городища относятся к четырем различным типам: Кольчугино — к мысовому типу, Руза — к прибрежно-овражному, Кашира — к типу четырехугольных городищ, Могутово — к смешанному типу планировки. Появление четырехугольного типа планировки П. А. Раппопорт связывает со второй половиной XV в., усматривая в этом связь подобных городищ с военными крепостями [259]. Сама по себе четырехугольная форма площадки городища не является, видимо, хронологическим признаком. На территории Подмосковья имеются древние городища с такой формой площадок (Протопопове, прибрежно-овражный тип). Принципиальная разница между этими памятниками заключается в степени использования окружающего рельефа. Протопоповское городище расположено на высоком участке прибрежного плато, ограниченном с двух сторон оврагами, в то время как городище Старой Каширы располагается на равнинном месте, практически без всякого использования рельефа местности, что и позволяет сближать его с поздними военными крепостями.

Поздней дате возникновения валов Каширского городища в данном случае, видимо, соответствуют и поздние упоминания города в письменных источниках. Первые сведения о Кашире, согласно Софийской летописи, относятся к 1480 г., когда она была сожжена по приказу вел. кн. Ивана Васильевича в связи с приближением войск Ахмата [260]. Все это говорит в пользу позднего происхождения той оборонительной системы и того внешнего облика Каширского городища, который существует в настоящее время. Письменные источники подтверждают позднюю дату укреплений Каширы. Никоновская летопись, которая для событий XVI в. может считаться достоверным источником, сообщает под 1531 г.: «Срублен бысть того же лета на Кошире град древян» [261].

Однако это обстоятельство вовсе не является свидетельством позднего происхождения города. Наличие в культурном слое городища керамики XIII в. свидетельствует о том, что Василий III предпринял строительство оборонительной крепости на месте существовавшего ранее поселения, о внешнем облике которого, к сожалению, судить, видимо, будет трудно даже в случае проведения на памятнике исследовательских работ.

Могутовское городище, открытое С. З. Черновым и верно отождествленное им на основании писцовых книг XVI в. с Шерной — городком духовных грамот московских великих князей [262], интересно своей планировкой. Оно стоит в петле реки и тем самым оказывается близким к городищам,

расположенным на перешейке. И так же, как это обычно бывает у городищ этого типа, на нем имеется два вала: напольный и со стороны петли реки. Однако естественные преграды этого поселения недостаточно значительны: высота его всего 4 м, а река неширока, поэтому место выбрано так, что с юго-восточной стороны имеется еще одна водная преграда в виде ручья, впадающего в основную реку.

Археологические раскопки на памятниках этой небольшой группы велись только на городище г. Рузы (Л. А. Голубева) [263]. Несмотря на небольшую площадь вскрытого культурного слоя — всего 162 кв. м, получены интересные материалы, позволившие исследовательнице сделать выводы о стратиграфии городища, характере жилых и производственных построек и о времени возведения оборонительных сооружений. Судя по отсутствию в нижних горизонтах культурного слоя стеклянных браслетов и шиферных пряслиц, а также по керамическому материалу, поселение возникло в XIII в., в то время как мощный земляной вал был сооружен лишь в XIV в. (слой XIII в. уходил под основание вала XIV в.). При изучении разреза вала никаких признаков оборонительных сооружений предшествующей поры выявлено не было, однако не исключено, что следы их оказались под той частью земляного вала XIV в., которая осталась не доисследованной (вал был разрезан не полностью) [264].

Также трудно с определенностью говорить о размерах поселения XIII в. Шурф, заложенный нами в центральной части городища, в 170 м к северо-западу от его мыса, выявил керамический материал домонгольского времени, так что первоначальная площадь поселения была не менее 8 тыс. кв. м.

Весь перечень археологической информации о городище г. Рузы и других памятниках XIII в. можно представить в виде таблицы (табл. 23).

Таблица 23. Характеристика городищ, возникших в XIII в.

Памятники	Площадь, тыс. кв. м	Планировка	Застройка	Ремесло (мастерские)		Оружие	Орудия земледелия	Приселки	Тип поселения
				гончарный горн	кузнечный очаг				
Руза (Г—23)*	Не менее 8	Прибрежно-овражная	Отдельные постройки с печами из глины и камня	+	+	Стремена, удила	Коса	+ ?	Общинный ремесленный центр
Могутово (В-52)	15	Смешанная перешеечно-мысовая						+	
Кашира (Е—180)	?	?						?	
Кольчугино (Д-165)	3,7	Мысовая							

* Памятник и следоват .

Из таблицы следует, что единственный частично исследованный памятник этой небольшой группы — городище г. Рузы можно отнести к тину общинных ремесленных центров, судя по отсутствию усадебной планировки и вещей феодального быта, с одной стороны, и «племенных» украшений — с другой и в то же время по наличию ремесленных мастерских. В данном случае мы имеем интересный пример того, что крупный великокняжеский волостной центр [265] располагается на месте молодого общинного поселка по соседству с более древним и более значительным общинным центром, каким являлось городище в Старой Рузе [266].

На XIII в. приходится наибольшее количество существовавших в Московской земле городищ (57) (рис. 27). Это число отражает плотность городищ, очевидно, первой половины века, ибо после 1237 г. многие городища исчезли в огне борьбы с монголо-татарами . Лишь в Москве, под зданием Патриарших палат, удалось стратиграфически выделить несколько сооружений, относящихся к XIII в. (четыре сруба), в одном из которых (сруб № 9) выявлены следы кожевенного производства [267]. Только для жилых помещений XIII в. (на материалах Москвы) характерно использование дренажных сооружений для осушения подвалов и нижних этажей построек [268].

ГОРОДА И ГОРОДИЩА В XIV в.

Конец XIII — начало XIV в. — эпоха упадка в жизни городищ Московской земли, что проявилось в значительном сокращении их числа (до 35).

Однако после превращения Москвы в столицу великого княжения (1328 г.), начинается эпоха расцвета Московского княжества, проявившегося не только в быстром территориальном росте, но и в значительных переменах внутриэкономического характера. Исходным толчком здесь явился огромный приток людских ресурсов, вызванный не только бегством от монголо-татар, но и надеждами на личное благополучие и безопасность, гарантией которых была умелая и энергичная политика московских великих кнцзей. С этого периода начинается формирование класса служилого боярства и одновременно процесс сложения их землевладения. Это своеобразная эпоха предвозрождения, выразившаяся в возобновлении каменного строительства (Москва, Коломна, Серпухов), в превращении Москвы в центр митрополии и общерусского летописания, в чеканке собственной монеты (в конце столетия). Наконец, важным итогом этого периода, венчающим все усилия народа и успехи великокняжеской политики, явилась победа на Куликовом поле.

В сложной политической ситуации XIV в. одной из первоочередных задач было обеспечение безопасности границ княжества, что связывалось прежде всего со строительством городов-крепостей. В отличие от градостроительства предшествующего времени, когда строителями городов на этой территории выступали князья соседствующих княжеств, в градостроительной деятельности XIV в. чувствуется рука московских великих князей, ибо география этих городов четко отмечает рубежи княжества этого времени: Оболенск, Лужа, Боровск, Верея — на западных границах

княжества, Вышгород на Яхроме и Радонеж [269] — на северных (рис. 39). Помимо этого обновляются оборонительные системы многих ранее возникших городов: Тушкова городка и Рузы — на западе, Дмитрова — на севере, Коломны — на юге. Как видно из географического расположения этих пунктов, единственная цель, которую преследовала градостроительная деятельность московских князей, — это интересы обороны.

Особенно много новых городов и обновлено старых было на западных и юго-западных рубежах княжества, в частности в бассейне р. Протвы, который вошел в состав Московской территории в 50—80-е годы XIV в., когда, видимо, и проводилась эта градостроительная деятельность. Очевидно, здесь немаловажную роль сыграла угроза опасности со стороны набиравшего мощь Литовского государства.

Приведенная карта не отражает всей полноты картины, поскольку в нее включены лишь те обновленные городища, на которых приводилось изучение валов. Возможно, что такие неисследованные южные города, как Хотунь, Лопасня, Кашира, также были укреплены заново.

Что же касается внутренних районов княжества, то здесь возведение новых укреплений было произведено лишь в Москве (в течение XIV в. трижды: при Иване Калите в 1339 г., при Дмитрии Донском в 1367 — 1368 гг., при Василии Дмитриевиче в 1394 г.) и в Звенигороде. И в том и в другом случае это было вызвано особыми обстоятельствами. Москва как столичный город постоянно была объектом притязаний со стороны ее врагов; строительство новых оборонительных валов в Звенигороде — результат деятельности его владетельного князя Юрия Дмитриевича, который претендовал на московский великокняжеский стол и в своей строительной деятельности пытался соперничать с Москвой. В то же время такой крупный город, как Перемышль, расположенный в глубинных районах княжества, перестроен не был.

Данные рис. 40 показывают [270], что площадь памятников колеблется от 11 до 45,7 тыс. кв. м, высота террас, на которых они располагаются, — от 18 до 40 м. В целом же эти городища по своим параметрам близки к группе летописных городов, выделенных нами на памятниках предшествующего времени. Преобладающая часть возникающих в XIV в. городищ имеет мысовый тип планировки: это Вышгород на Яхроме (Б —30), Верея (Г—106). Прибрежно-овражную планировку имели Лужа (Г—12) и Мосеево (Д—86А), перешеечную — Радонеж (В —115).

Характерной особенностью истории русских городов XIV в. является то обстоятельство, что всю эту массу укрепленных поселений (35) удается расчленить с точки зрения их социально-политического статуса почти исключительно с помощью письменных источников. Как уже отмечалось выше, ценным источником по истории городов является «Список русских городов дальних и ближних», который дает перечень этого вида укрепленных поселений на конец XIV в. Все интересующие нас города отнесены к числу Залесских. Их всего 13: Дмитров, Москва, Можайск, Звенигород, Волок Ламский, Руза, Коломна, Серпухов, Новый городок, Лужа, Верея, Боровск, Оболенск[271]. Как видим из табл. 3, этот перечень несколько меньше того количества укрепленных поселений, которые известны по летописям. Так, в «Списке» не упомянуты Вышгород на Протве, Лопастна, Перемышль и Радонеж [272]. Но упомянуты в «Списке» такие укрепленные

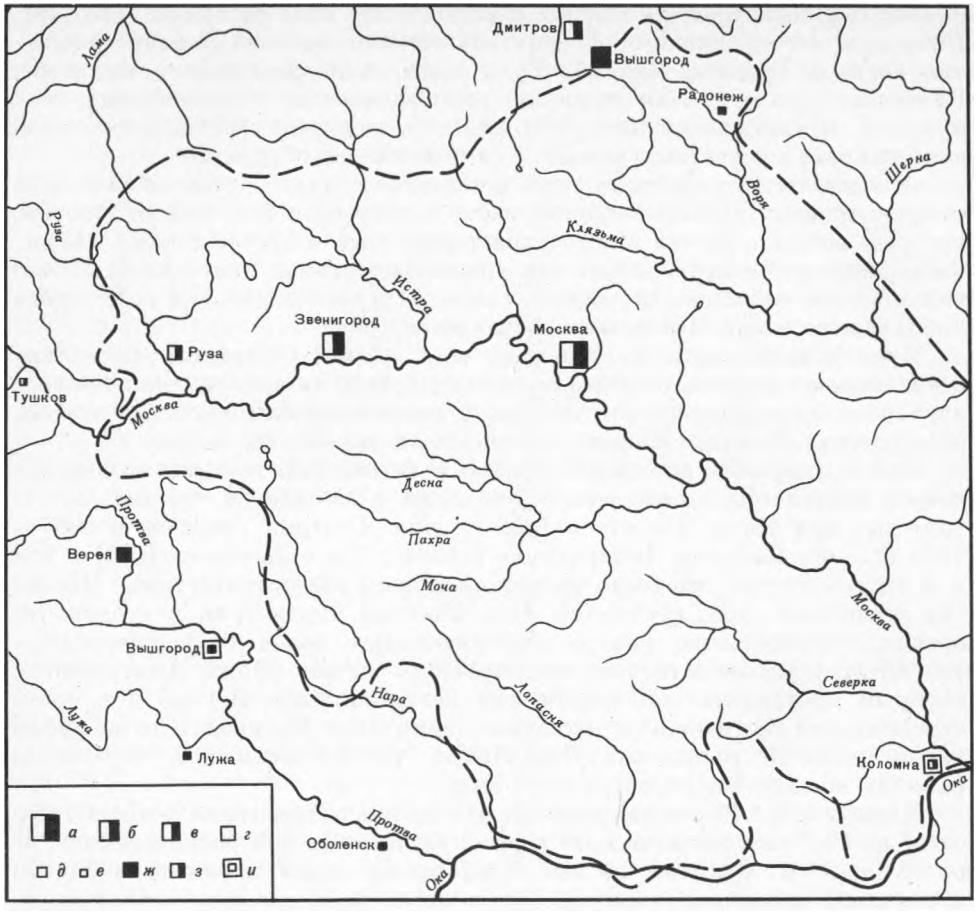


Рис. 39. Новые города XIV в. и города с обновленной системой обороны

а — городища площадью более 100 тыс. кв. м;
б — городища площадью 51—100 тыс. кв. м;
в — городища площадью 31—50 тыс. кв. м;
г — городища площадью 21—30 тыс. кв. м;
д — городища площадью 10,1—20 тыс. кв. м;
е — городища площадью менее 10 тыс. кв. м;
ж — новые города; з — города с обновленной системой обороны; и — городища, площадь которых неизвестна

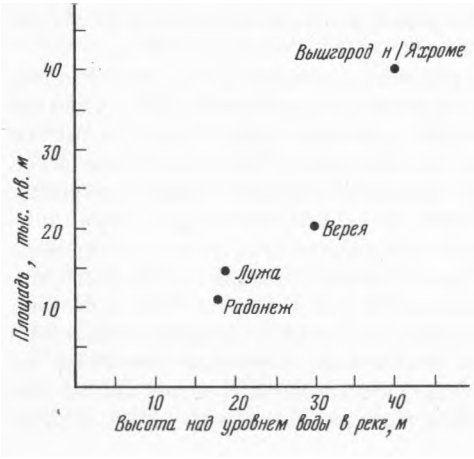


Рис. 40. Городища XIV в. в зависимости от их размера и высоты над уровнем воды в реке

поселения «городского» типа, не всегда упоминаемые летописями, как Вышгород на Яхроме, Тушков, Хотунь, Шерна-городок.

Если мы обратимся к сведениям духовных и договорных грамот, то убедимся, что за этим наблюдением кроется определенная закономерность: все вышеперечисленные неупомянутые в «Списке» укрепленные пункты являлись, видимо, не городами, а центрами волостей. Тем показателем, который разделяет эти две категории укрепленных поселений, согласно ДДГ, является наличие либо отсутствие волостей, «тянущих» к укрепленному центру. Так, все 13 упомянутых в «Списке» городов в течение XIV в. «обрастают» различным количеством волостей, в то время как к волостным центрам «тянут» только села (табл. 11). Следуя этому признаку, к волостным центрам можно отнести следующие поименованные в ДДГ укрепленные поселения: Лопастна, Могутово городище (Шерна-городок), Радонеж, Баранова Гора (Вышгород на Яхроме), Хотунь, Перемышль, Вышгород на Протве, Тушков, Кашира. В качестве возможных волостных центров можно наметить археологические комплексы, состоящие из городища и селища: близ с. Царево (В —61) для волости Воря и Городена (Е—164), поскольку из числа известных на территории этих волостей археологических памятников это единственно возможные варианты. Все эти укрепленные центры были, видимо, частновладельческими княжескими городами (вспомним еще раз классификацию В. Т. Пашуто).

Третью группу укрепленных поселений составляют феодальные усадьбы. Так, письменные источники позволяют отождествить 1 Спас-Тушинское городище (Д—54) с центром родовой вотчины бояр Квашниных [273]. Это небольшое городище площадью около 1,95 тыс. кв. м с мысовой планировкой, возвышающееся над уровнем воды в р. Москве на 20 м. На прилегающих к городищу усадьбах с. Спас также встречена керамика XIV в.

Археологические данные позволяют отнести к этому типу укрепленных поселений и городище между селами Покров и Шарково [274]. Городище также имеет небольшую (около 2 тыс. кв. м) площадь и к нему примыкает селище того же времени [275].

Предположительно к этому же типу поселений примыкает городище у Борисоглебского погоста (Д—522) и городище 1 у д. Грызлово (Д—573). Оба городища с очень небольшой площадью (соответственно 1 тыс. кв. м и 0,5 тыс. кв. м). Но серьезных раскопок на этих памятниках не производилось.

На протяжении XIV в. прекращают свое существование, превращаясь в могильники, бывшие общинные центры: Успенское городище (Д —150) и городище Боровский курган (Д—446). Наконец, небольшую группу укрепленных поселений составляют памятники, социальный статус которых не может быть выявлен ввиду их слабой изученности (Кольчугино, Покров на р. Пахре, д/о «Связист»),

Все вышеизложенное обобщает таблица (табл. 24). Определенный интерес представляет география различных типов поселений XIV в. Те территориальные границы княжеств, которые сложились в этом регионе в середине XII в. и продолжали, видимо, сохраняться вплоть до начала XIII в. (рис. 41), определенным образом сказались на размещении отдельных типов укрепленных поселений вплоть до XIV в. Так, выделенная

Таблица 24. Типология укрепленных поселений XIV в.

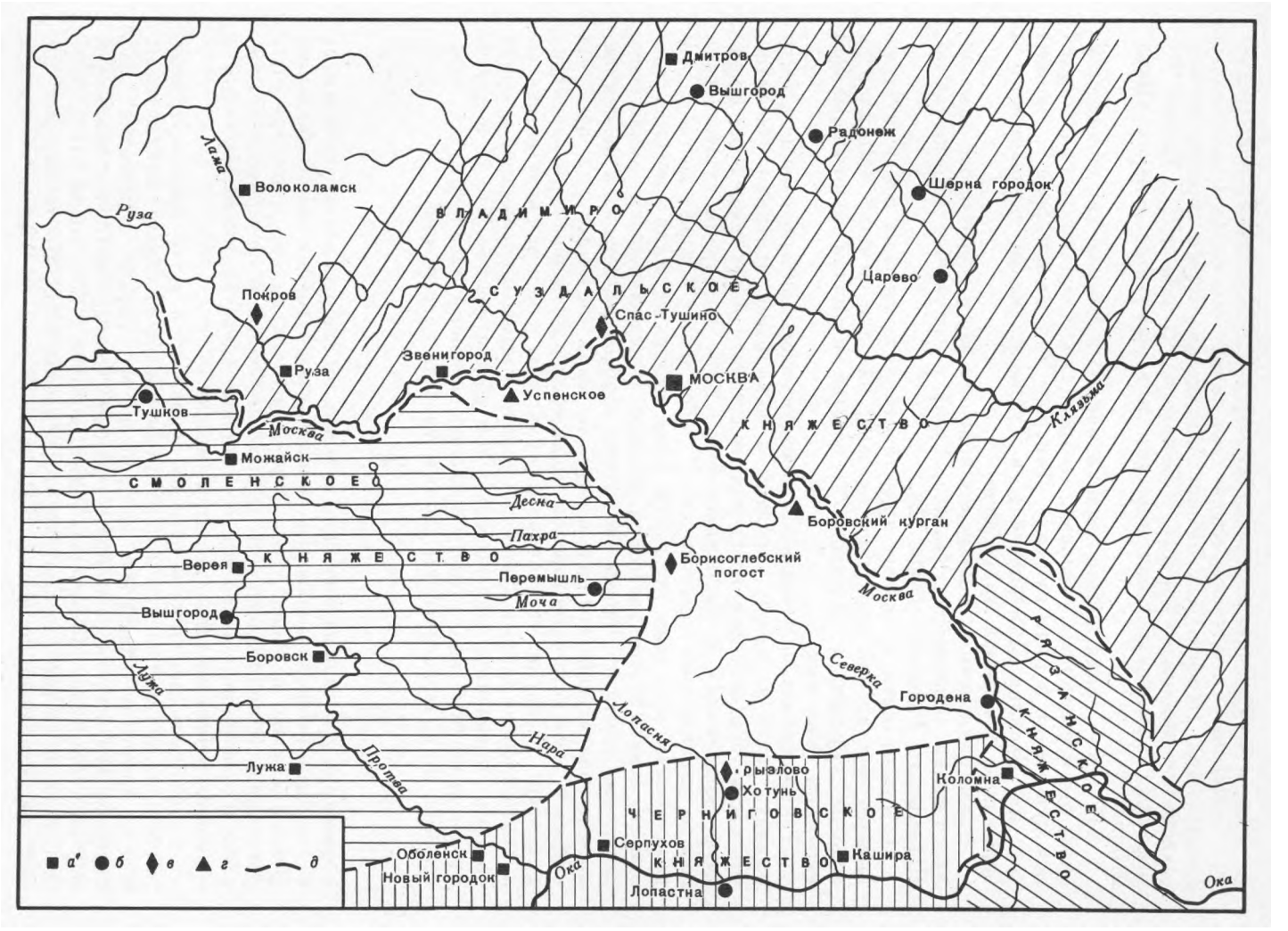
Города	Частновладельческие княжеские города	Феодальные усадьбы	Отживающие общинные центры	Характер поселений неясен
Боровск (Г—120)	Баранова Гора (Вышгород на Яхроме) (Б—30)	Борисоглебский погост (?) (Д-522)	Боровский курган (Д—446)	Кольчугино (Д-165)
Верея (Г-106)	Вышгород на Протве (Г-113)	Грызлово (?) (Д-573)	Успенское (Д-150)	Покров (Д-388)
Волоколамск (А —11)	Городена (?) (Е —164)	Покров и Шарково (1'—8)		Д/о «Связист» (Д-115)
Дмитров (Б -22)	Кашира (Е—180)	Спас-Тушино (Д-54)		
Звенигород (Д-117)	Лопастна (Д—610)			
Коломна (Е—179)	Могутово (Шерна-городок) (В —52)			
Лужа (Г-121)	Перемышль (Д—376)			
Можайск (Г—55)	Радонеж (В—115)			
Москва (Д—208)	Тушков (Г—31)			
Новый Городок (Д-619)	Хотунь (Д—575)			
Оболенск (Д—620)	Царево (?) (В —61)			
Руза (Г—23)	Мосеево (Кремична) (Д-86А)?			
Серпухов (Д—560)				

нами для предшествующего времени территория, свободная от княжеской власти (между Звенигородом, устьем Северки и Нарой), на протяжении XIV в. продолжала, видимо, отставать в развитии процессов феодализации, что выразилось в отсутствии здесь крупных феодальных городов; в то же время здесь дольше существовали отживающие общинные центры.

Привлечение археологических данных для изучения различных типов укрепленных поселений XIV в. носит в значительной мере иллюстративный характер в силу того, что эти данные сами по себе не позволяют наметить надежных критериев для разграничения таких, например, значительных типов укрепленных поселений, выделяемых по письменным источникам, как города и волостные центры. Наличие посадов характерно для большинства укрепленных центров, однако иногда они отсутствуют, как при городах (Верея), так и при волостных центрах (Перемышль). Следует отметить, что исследование тех памятников, материалы которых использованы для составления табл. 25, носило фрагментарный характер, поэтому характеристика укрепленных поселений на основании этих ограниченных данных страдает неполнотой.

Рис. 41. Границы княжеств середины XII— начала XIII в. и различные типы укрепленных поселений XIV в.

а – города; б волостные центры; в – феодальные усадьбы; г — отживающие племенные центры; д — границы княжеств середины XII — начала XIII в. Штриховкой показана территория различных княжеств


Дмитров
Вышгород
Радонеж
Шерна городок
Царево
Лама
Волоколамск
Руза
ВЛАДИМИРО
СУЗДАЛЬСКОЕ
Покров
Спас-Тушино
Звенигород
Руза
МОСКВА
Успенское
Тушков
Москва
КНЯЖЕСТВО
Клязьма
Можайск
СМОЛЕНСКОЕ
Десна
Боровский курган
Пахра
Верея
КНЯЖЕСТВО
Борисоглебский погост
Перемышль
Моча
Москва
Вышгород
Боровск
Лужа
Северка
Городена
Лопасня
Нара
Протва
Лужа
Рязанское княжество
Рызлово
Хотунь
Коломна
ЧЕРНИГОВСКОЕ
Серпухов
КНЯЖЕСТВО
Кашира
Оболенск
Новый городок
Ока
Лопастна
Ока
а
б
в
г
д

В некоторых городах прослежены следы усадебной планировки (Коломна [276], Москва[277]), а также следы сооружения мостовых и дренажных конструкций (Москва) [278]. Важной частью некоторых городов XIV в. становится каменная церковь (Звенигород, Коломна [279], Москва [280]). Впрочем, каменные часовни известны и в волостных центрах (Перемышль) [28'].

XIV век — время начала чеканки монеты в Москве, как общемосковской, так и различных удельных центров, свидетельством чего являются находки монет в ряде пунктов: Дмитрове[282] и Звенигороде[283] (монеты вел. кн. Василия Дмитриевича), в Тушкове (князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича) [284].

Среди ремесленных мастерских наиболее часто встречаемые — металлургические (Звенигород, Москва, Руза) и гончарные (Москва, Руза, Перемышль, Радонеж) (табл. 25).

С пребыванием в городах представителей княжеских семей, а также высшей феодальной верхушки связаны находки печатей (Москва) [285], золотых украшений (Тушков) [286], богатой поливной золотоордынской керамики (Коломна) [2 1].

Таким образом, на основании археологических данных почти не удается выявить различие между городами и волостными центрами. Очевидно, что часть городов управлялась великим князем через посредство института «кормлений» и чиновников-бояр. В то же время существовали города, управляемые наместниками [288], сбор дани с которых шел в пользу великокняжеского дома; эти города размещались на землях князя, составляя его домен. К этой категории, видимо, относилась значительная часть волостных центров. Первая же группа городов размещалась на землях, которые полной собственностью князя не были, он владел ими, пока был князем [289]. Обе категории городов имели общую планировочную структуру и уровень развития материальной культуры, о чем и свидетельствуют археологические данные. Различие же между ними, отразившееся в разной системе управления, заключалось в том обстоятельстве, что те и другие имели различные контингенты платежеспособного населения, что, естественно, но археологическим данным уловить невозможно.

*

Резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы еще раз подчеркнуть мысль о том, что решение проблемы древнерусского города как социального феномена может наиболее успешно продвигаться, видимо, лишь при учете региональной принадлежности города, особенностей историко-политического и экономического развития отдельных областей, поскольку город — наиболее тонкий индикатор в этом смысле.

Своеобразие изучаемого региона заключается в его промежуточном, «нейтральном» положении между крупнейшими соседними княжествами, что не могло не отразиться на процессе зарождения и развития здесь городов. Мы видели, что протогородские центры и города возникают на той территории Московской земли, которая с 30-х годов XII в. была включена в состав соседних государств-княжений. На территории же, которая оставалась до начала XIII в. свободной от княжеских границ,

Таблица 25. Характеристика исследованных укрепленных поселений XIV в.

Памятники	Наличие посада	Усадебная планировка	Мостовые	Дренаж	Княжеский дворец	Церковь	Монеты удельного периода	Ремесло		Вещи феодалов	
								металлургическое	гончарное	бытовые	печати
Города:											
Верея											
Дмитров	+						+ Вел. кн. Василий Дмитриевич				
Звенигород	+				+? Юрий Дмитриевич	+	То же	+			
Коломна	+?	+?								Золотоордынская поливная керамика	
Москва	+	+	+	+	+	+		+	+		+
Руза	?							+	+		
Волостные центры:											
Перемыт ль						+ (часовни)			+		
Радонеж	+								+		
Тушков	+						+ Серпуховский и Боровский кн. Влад. Андр.			Золотой «крин», часть серебряной книжной застежки	

имеющей наибольшую плотность населения, в домонгольское время существовали лишь небольшие укрепленные поселения — городища-убежища сельских общинников, которые к протогородским центрам причислить нельзя.

Изучение географии городов Московской земли при учете междукняжеских границ позволяет признать строителями этих городов князей соседствующих княжеств. Своеобразие политической истории изучаемого региона, столь удаленного от претендующих на него княжеских центров, наложило определенный отпечаток на характер взаимоотношений княжеской власти с местным общинным населением. Показательны в этом

смысле три обстоятельства: 1) основная концентрация местного общинного населения на небольшой территории правобережья р. Москвы, свободной от границ княжений домонгольской поры (рис. 2; 37); 2) возникновение городов вне этой территории, в районах с более низкой плотностью населения; 3) наличие предметов вооружения абсолютно на всех городищах — и в крупных городах и в небольших центрах.

Все эти наблюдения свидетельствуют в пользу того, что проникновение княжеской власти в этом регионе было сильно осложнено сопротивлением местного общинного населения, что определенным образом сказалось и на развитии городов. Основное своеобразие их заключается в том, что они, за редким исключением, с самого начала (с конца XI в.) возникали вне связи с местной экономической средой, а строительство их диктовалось интересами стратегии тех князей, которые их создавали.

В этой связи нельзя не вспомнить высказывание М. К. Любавского, который писал: «... значительная часть селений . . . обязана своим происхождением организующей, устрояющей деятельности князей, бояр, духовенства. Таковы прежде всего некоторые города, на памяти истории создавшиеся князьями и носящие их имя: Володимерь, Ярославль, Ярополч, Юрьев Повольский, Дмитров, Ростиславль на Оке и др.»[290] Причем «устрояющая» деятельность князей проявлялась, видимо, и в определенной переселенческой политике ремесленного люда, о чем находим косвенное подтверждение у В. Н. Татищева [291]. Участие княжеской власти безусловно являлось одним из «городообразующих» факторов, стимулирующих превращение протогородских центров в полноценные феодальные города.

В тех случаях, когда княжеская территория складывалась на основе «местных земель» (Владимиро-Суздальское, Черниговское и другие княжества), княжеская власть более интенсивно внедрялась в гущу общинного населения, основывая города либо прямо на месте старых племенных поселков (Муром, Суздаль), либо по соседству с ними (Ростов — рядом с Сарским городищем, Переяславль — рядом с Клещинным, Ярополч Залесский — рядом с неукрепленным общинным поселком).

Возвращаясь к той типологии древнерусских городов, которая была предложена В. Т. Пашуто, все города Московского региона по своему происхождению следует относить к опорным пунктам княжеской колонизации [292]. Однако в процессе своего исторического развития статус их безусловно менялся. Так, после образования Московского великого княжества часть этих городов превратилась в волостные центры (Перемышль, Лопастна). Меняется на протяжении XI—XIV вв. и процентное соотношение городов в общей массе укрепленных поселений. В XI в. их 25 %, в XII и XIII вв. - по 24 %, в XIV в. - 40 %.

Крайне незначительно число частновладельческих боярских городков, особенно в домонгольский период (Нездино, Городищи, Луковня) [293]. Думается, что причина этого кроется в значительном отставании процессов феодализации этого глухого района, долго сохранявшего племенные обычаи. Показательно в связи с этим, что две боярские усадьбы XII — XIII вв. локализуются на удаленной западной окраине региона (бассейна р. Рузы).

Каково же должно быть определение понятия феодального города? Ф. Энгельс удачно подметил особенность города как института новой

формации: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» [294]. Аналогично высказывание и К. Маркса в «Немецкой идеологии»: «Наибольшее разделение материального и духовного труда — это отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству. . .» .

Советская историческая наука предложила несколько вариантов формулировки понятия феодального города. Наиболее распространенной является та, которая дана М. Н. Тихомировым, трактующая города как центры ремесла и торговли на основе феодальной формации. Б. Д. Греков полагал, что «город есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия» [296]. Согласно формулировке А. М. Сахарова, город определяется «как особое социально-экономическое явление феодального общества, как центр ремесла, торговли, товарного производства и товарного обращения, отличающийся по своей социально-экономической характеристике от других видов поселений и укреплений» [297]. Б. А. Рыбаков выделяет наиболее характерные составные элементы понятия «город»: «В результате многолетних работ раскрылся подлинный облик древнерусских городов. Типичным следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей» [298]. А. В. Куза предложил совсем иную формулировку понятия города: «Древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширных территорий концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась значительная масса прибавочного продукта» [2"]. Этот перечень, очевидно, можно было бы продолжить.

Как мы пытались показать, города Московского региона имеют определенную специфику, в силу чего на их материале нельзя дать универсальной формулировки понятия средневекового города. К тому же степень их археологической изученности крайне недостаточна, а именно археологические источники являются наиболее надежными при рассмотрении ранней истории городов, поэтому вслед за В. В. Карловым можно лишь заключить: «Значение средневекового города не представляется одинаковым в разных исторических условиях. Все это затрудняет формулировку обобщающего определения феодального города и приводит к мысли о необходимости дальнейшей разработки проблемы типологии феодальных городов» [30°].

[1] Подробный историографический обзор по истории городов Руси см.: *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959; *Хорошкевич А. Л.* Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в.//Города феодальной России. М., 1966. С. 34—50; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. М., 1976. С. 32—69; *Ширина Д. А.* Русский средневековый город в дореволюционной историографии (середина XIX в.— 1917 г.) // Исторические записки. 1982. Т. 108. С. 317—352; *Рапов О. М.* Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1983. Вып. 7. С. 57-69.

[,a] Подробнее об этом см.: *Юшко А. А.* О пределах Московского княжества Ивана Калиты // СЛ. 1985. № 5. С. 116-129.

[2] *Хорошкевич А. Л.* Основные итоги. . . С. 38.

[3] Цит. но: *Ширина Д. А.* Русский средневековый город. . . С. 232—233.

[4] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 127.

[5] *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1. С. 3.

[6] *Карлов В. В.* О факторах. . . С. 35.

[7] *Тихомиров М. В.* Древнерусские города. М., 1956. С. 64.

[8] См., например: *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // ВЛУ. Серия «История, язык и лит-ра». 1970. № 20. С. 7 — 15.

[9] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 408—412, 418—420.

[10] *Пашуто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 93—98.

" Там же; ПСРЛ. Т. XXV. С. 99.

[12] *Пашуто В. Т.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос// Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 110.

[13] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X —XIII вв. М., 1975. С. 101, 102.

[14] ПСРЛ. Т. XXV. С. 99.

[15] *Никольская Т. Н.* О летописных городах в Земле вятичей // КСИИМК. 1972. Вып. 129. С. 3—13; *Она же.* К исторической географии Земли вятичей // СА. 1972. № 4. С. 158—170.

[16] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 258—284.

[17] ПСРЛ. Т. II. С. 338.

[18] Города феодальной России. М., 1966; Город и государство в древних обществах. Л., 1982.

[19] *Карлов В. В.* О факторах. . . С. 38.

[20] *Врайчевский М. Ю.* К происхождению древнерусских городов (города Среднего Поднеировья, Поднестровья и Побужья в VIII —IX вв. н. э. по полевым данным последних лет // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 33.

[21] *Тараканова С. А.* О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. 1950. Вып. 35; *Она же.* К вопросу о происхождении города в Псковской земле // КСИИМК. 1951. Вып. 41.

[22] *Воронин Н. Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города// КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 9.

[23] *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 23.

[24] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 104.

[25] *Раппопорт П. А.* О типологии древнерусских поселений//КСИА. 1967. Вып. 110. С. 3.

[26] *Довженок В. И.* Сощальна типолопя давньоруських городищ// Археолопя. 1974. № 2.

[27] *Рабинович М. Г.* К типологии восточнославянских городов (средневековая Москва и города Московского княжества) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 230—244.

[28] *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов в X—XIII вв. // Русский город. М., 1983. С. 4 — 36.

[29] *Седов В. В.* Начало городов на Руси//Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 51-54.

[30] *Рабинович М. Г.* К типологии. . . С. 242.

[31] *Голубева Л. А.* Раскопки в Верейском кремле // МИА. 1949. JY» 12. С. 134—143; *Она же.* Раскопки в г. Рузе //Труды ГИМ. 1953. Вып. 22. С. 141 —162.

[32] *Седов В. В.* Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 143—149; *Алексеев Л. В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины//СА. 1979. № 4. С. 95-111.

[33] *Тимощук Б. А.* Общинный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины) // Автореф. докт. дисс. М., 1983.

[34] *Розенфельдт Р. Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) //Русский город. М., 1976. С. 5 — 16. Рец.: *Куза А. В.* Русский город // СА. 1978. № 4. С. 288—292.

[33] *Розенфельдт Р. Л.* Древнейшие города. . . С. 8, 12.

[36] *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI —IX вв. М,, 1982. С. 176.

[37] *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории изучения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М,, 1981. С. 120-157.

[38] Библиографический обзор литературы по истории Москвы содержится в работе: *Миллер П. Н.* Библиография по истории Москвы и губернии // Московский краевед. 1927. Вып. 1.

[39] *Хавский П. В.* Указатель источников истории и географии Москвы с древним ее уездом. М., 1839; *Он же.* Семисотлетие Москвы (1147—1847) или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков. М., 1847.

[40] *Беляев И. Д.* Город Москва с его уездом // Москвитянин. 1844. Кн. 1. С. 298—310.

[41] *Снегирев И. М.* Памятники московской древности. М., 1842—1845; *Он же.* Московские урочища древние и новые. М., 1852; *Он же.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1865.

[42] *Забелин И. Е.* История и древности Москвы. Опыты изучения русских древностей. М., 1873. Ч. 11; *Он же.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. II; *Он же.* Изыскание о древнейшем, первоначальном поселении Москвы // Труды VIII Археол. съезда. 1897. Т. III; *Он же.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1.

[43] Источниковедческий анализ И. Е. Забелина летописных легенд о начале Москвы не утратил своего значения и поныне.

[44] *Анучин Д. Н.* Доисторическое прошлое Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. М,, 1909. Т. 1. С. 26-65.

[45] *Князьков С. А.* Москва — город и Москва — народ в XIV и XV вв. // Москва в прошлом и настоящем. М., 1909. Т. 1. С. 75—142.

[46] *Платонов С. А.* О начале Москвы // Статьи по русской истории. СПб., 1903.

[47] *Скворцов Н. А.* Археология и топография Москвы // Курс лекций, читанный в Московском археол. ин-те. М., 1913.

[48] *Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 1893.

[49] *Бартенев С. 11.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912—1916. Ч. 1—2.

[50] История Москвы. Т. 1. М., 1952.

[51] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М., 1947; *Он же.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М,, 1957.

[52] *Тихомиров М. Н.* Город Дмитров от основания города до половины XIX в. Дмитров, 1925; *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI—XV вв.//Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 97 — 116.

[53] Все Подмосковье. Географический словарь. М., 1967. С. 343—377.

[54] *Погодин М. П.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. //ЖМВД. 1848. Июль. Т. XXIII. Кн. 7. С. 70-146; 1848. Сентябрь. Кн. 9. С. 429—472; *Он же.* Исследования, замечания и лекции. М., 1850. Т. II.

[55] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М,, 1951. С. 6.

[56] *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в.//Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 54—64; *Он же.* Ростово-Суздальская земля в XII—первой трети XIII в. (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2. С. 63—94; *Он же.* Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. 1970. № 83. С. 96—125.

[57] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М,, 1984.

[58] Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

[59] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 65.

[60] *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. ... С. 259.

[91] *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли XII—XIV вв. // Автореф. канд. дис. М., 1974.

[62] *Юшко А. А.* О пределах Московского княжества. . .

[63] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты князей XIV—XV вв. как историко-географический источник // ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. II. Кн. 5. С. 137 — 171.

[64] ДДГ. С. 34, 37.

[65] ПСРЛ. Т. XXV. С. 219.

[66] ДДГ. С. 33.

[67] ПСРЛ. Т. XV. С. 164.

[98] ДДГ. С. 26, 34, 63, 360.

[69] ДДГ. С. 29.

[70] В отношении локализации Лужи в литературе имеется несколько точек зрения. В. Н. Дебольский, опровергая мнение архимандрита Леонида и М. Попроцкого о том, что Лужа — это старое название Малоярославца, указывал, что духовная Владимира Андреевича «различает Малоярославец (отдан кн. Ярославу) и Лужу (отдана княгине)» (*Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты. . . С. 12). Возражения М. Н. Тихомирова против доводов В. Н. Дебольского построены на недоразумении, заключающемся в неполном прочтении источника. Помимо «слобод Лужовских и волостей», отданных княгине, о которых говорит исследователь, в духовной действительно чуть выше говорится о «Луже со всеми слободами, и с волостми, и с околицами, и с солы», которые также даются княгине (ДДГ. С. 47; *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Русское летописание. М., 1979. С. 126). При этом исследователь справедливо замечает, что название Лужи как города исчезает в документах середины XV в., в то время как Малоярославец начинает упоминаться с конца того же века, что и дало основание М. Н. Тихомирову отождествить Лужу с современным Малоярославцем как городом, лежащим на р. Луже, что, видимо, соответствует истине. В. Н. Дебольский неправ в другом — в отождествлении Ярославля духовной Владимира Андреевича с современным Малоярославцем. М. Н. Тихомиров в свое время высказывал сомнение в правомерности такого отождествления, мотивируя его удаленностью Малоярославца от Хотуни, в то время как Ярославль показан в источнике рядом с Хотунью в составе удела кн. Ярослава (*Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних») //ИЗ. 1952. Т. 40. С. 250). П. А. Раппопорт счел этот довод неубедительным, поскольку, как он пишет, «некоторые пункты, упоминаемые в духовной, расположены совершенно отдельно от тех волостей, к которым они относились» (*Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ // КСИА. 1958. Вып. 71. С. 14. Прим. 3). В действительности, за редким исключением, целостность уделов сохранялась, когда речь шла о волостях, и лишь иногда подмосковные села владельца удела оказывались в некотором отрыве от основной территории. Что же касается удела кн. Ярослава, в составе которого был Ярославль, то локализации, проведенные В. Н. Дебольским, показывают, что весь он располагался в бассейне р. Лопасни и в междуречье Пахры, верховьев Северки, Нары (*Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты... С. 9). Кроме того, формулировка «Ярославль с Хотунью» определенно подразумевает территориальную близость обоих пунктов (аналогично — «Суходол с Истею с Истервою, Скирменово с Белми» и пр. — ДДГ. С. 33). Следовательно, место Ярославля — где-то вблизи Хотуни, возможно, на месте городища у д. Грызлово (Д—573). Что же касается Лужи, то ее место, как показывает перечень лужовских волостей в уделе княгини (ДДГ. С. 47; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты. . . С. 13), действительно в бассейне одноименной реки.

[71] Новый городок в устье Протвы достался из числа «Рязанских мест» еще Ивану Ивановичу (1358 г.) (ДДГ. С. 15).

[72] ДДГ. С. 29.

[75] *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 282—284.

[74] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты. . . С. 162.

[75] Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Указатель. СПб., 1895. С. 260.

[,6] Два оставшихся безымянными городища на правобережьи Оки — уд. Подмоклово (Д—588) и у д . Лукьяново (Д—591) — отождествлены с этими пунктами быть не могут в силу того, что на них нет слоев XIV в.

[71] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Русское летописание. М., 1979. С. 95.

[78] ДДГ. С. 285.

[79] ДДГ. С. 15, 29, 33.

[80] *Ходаковский З. Я.* Донесение о первых успехах путешествия по России//Русский исторический сборник. М., 1844. Т. 7.

[81] *Рабинович М. Г.* П. Н. Миллер и археология Москвы // МИА. 1949. № 12. Т. II. С. 303.

[82] Московский край в его прошлом. Вып. 1. М., 1928; Вып. 2. Московская область. М,, 1929; Вып. 5. Старая Москва. М., 1929.

[83] *Миллер П. Н.* Московский мусор // Московский краевед. 1928. Вып. 3.

[84] По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича. М., 1936.

[85] Результаты этих наблюдений были обобщены в статье: *Горюнова Е. И.* Итоги работ археологического надзора на строительстве 2-й очереди Московского метрополитена // МИА. 1947. № 7. С. 44—54.

[86] *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. 1949. № 12. Т. II. С. 5, 42, 43.

[87] Общая схема археологических работ в Москве, проведенных в период 1946 — 1960 гг. См.: *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля (МИА. 1971. № 167). С. 10.

[88] *Рабинович М. Г.* Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв.//МИА. 1947. № 7. С. 55—76; *Он же.* Раскопки 1946—1947 гг. в Москве. . .; *Он же.* Основные итоги археологического изучения Москвы // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 59—68; *Он же.* Материалы по истории великого посада Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 75—84; *Он же.* Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 г.) // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 78—82; *Он же.* К истории укреплений Московского Кремля // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 326—339; *Он же.* Об этническом составе первоначального населения Москвы // СЭ. 1962. № 2. С. 59—71; *Он же.* О древней Москве. М., 1964. *Латышева Г. П., Рабинович М. Г.* Москва в далеком прошлом. М., 1966; *Рабинович М. Г.* О возрасте и первоначальной территории Москвы // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 21—32; *Он же.* Культурный слой... ; *Он же.* История Москвы. Краткий очерк. М., 1974; *Он же.* Облик Москвы в XIII—XIV вв. //ВИ. 1977. № 11. С. 130-143.

[89] *Дубинин А. Ф.* Работы Московской экспедиции // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 69—77; *Он же.* Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 119—130; *Он же.* К истории Московского посада //КСИИМК. 1957. Вып. 68; *Он же.* Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 90—103; *Он же.* Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г. // КСИИМК. 1960. Вып. 79. С. 64—79; *Дубинин А. Ф., Соболева Д. А.* Археологические работы в Зарядье. Москва (1957—1961 гг.) // КСИИМК. 1963. Вып. 96. С. 55—63; *Беленькая Д. А., Дубинин А. Ф.* Работы на территории Китай-города (Москва) в 1964—1965 гг. // КСИИМК. 1967. Вып. НО. С. 110-113.

[90] *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы в Московском Кремле // СА. 1963. № 1. С. 253-272.

[91] *Шеляпина Н. С.* Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия) // Автореф. канд. дис. М., 1974.

[92] МИА. 1947. № 7; 1949. № 12; 1955. № 44; 1971. № 167.

[93] *Рабинович М. Г.* О древней Москве. . . С. 22—25; *Он же.* Культурный слой. . . С. 9—110.

[94] *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу о начале Москвы // СА. 1957. № 4. С. 97; *Равдина Т. В.* Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // СА. 1963. № 1. С. 98—109.

[95] *Равдина Т. В.* Еще раз. . . С. 109.

[96] *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу. . . С. 97.

[97] *Рабинович М. Г.* Великий посад. . . С. 82.

[98] *Векслер А. Г.* К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля // СА. 1963. № 1. С. 110-115.

[99] *Воронин И. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы. . . С. 266.

[100] *Шеляпина Н. С.* Археологическое изучение. . .

[101] *Сизов В. И.* Дьяково городище близ Москвы // Труды IX АС. 1897. Т. II. С. 256—267; *Он же.* Дьяково городище под Москвой и его отношение к московским и смоленским курганам//Труды VIII АС. 1897. Т. IV. С. 194—196.

[102] *Виноградов К. Я.* Отчет о работах в Орловской и Московской губерниях в 1927 г. // Архив ЛОИА. Ф. 2. Д. 172; *Он же.* Работы в Московской области в 1929 г. //Там же. Д. 199.

[103] *Милонов Н. П.* Отчет о раскопках на Дмитровском городище // Архив ЛОИА. Ф. 2. Д. 112 (1933 г.); *Он же.* Отчет о раскопках на Дмитровском городище // Там же. Д. 160 (1934 г.); *Он же.* Отчет об археологических раскопках в г. Коломне и на Городище в 1935 г. // Там же. Д. 101; *Он же.* Отчет об археологических раскопках Ростиславльского городища в 1937 г. и раскопках Коломенского кремля и памятников в окрестностях г. Коломны в 1935—1936 гг. //Там же. Д. 219.

[104] *Милонов Н. П.* Дмитровское городище (Кремль г. Дмитрова) // СА. 1937. № 4. С. 147- 167; *Он же.* Археологические разведки в г. Радонеже // Историко-археол. сб. М., 1948. С. 65—74; *Он же.* Историко-археологический очерк Коломны // Там же. С. 74—92.

[105] *Милонов Н. П.* Археологические разведки. . . С. 73.

[106] Там же. С. 66. Правда, несколько ниже на этой странице говорится о том, что «раскопкам были подвергнуты сплошь все незанятые площадки на территории древнего посада».

[107] *Никитин А. В.* К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934 гг.) // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 268—291.

[108] *Милонов Н. П.* Историко-археологический очерк. . . С. 79. Следует заметить, что вопрос

о хронологии и преемственности древнерусской и позднедьяковской культур освещен у Н. П. Милонова по-разному в публикации и в тексте отчета. В отличие от приведенной точки зрения в публикации, в отчете Н. П. Милонов ставит вопрос о непрерывности поселения здесь и выделяет слои VIII—IX вв. *(Милонов Н. П.* Отчет 1937 г.).

[109] *Рыбаков В. А.* Раскопки в Звенигороде в 1943 — 1945 гг. // МИЛ. 1949. № 12. С. 125—133; *Он же.* Археологический отчет о раскопках в Звенигороде // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 24.

[110] *Успенская М. В.* Отчет о разведках и раскопках в Звенигородском районе Московской обл. летом 1955 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 1186.

[111] *Юшко А. А.* Раскопки в Звенигороде Московском // АО 1974 г. М., 1975. С. 91; *Она же.* Раскопки в Звенигороде Московском // АО 1975 г. М., 1976. С. 101; *Юшко А. А., Краснов Н. А., Чернов С. З.* Раскопки в Подмосковье // АО 1976 г. М., 1977. С. 81; *Юшко А. А.* Монетные находки из раскопок Звенигорода Московского // СА. 1981. № 1. С. 307—311; *Она же.* Отчет о работе Звенигородского отряда Московской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 5258, 5258А; *Она же.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1975 г. //Там же. Д. 6052, 6052А; *Она же.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1976 г. // Там же. Д. 6200, 6200А.

[112] *Голубева Л. А.* Раскопки в Верейском Кремле. С. 134 — 143; *Она же.* Раскопки в г. Рузе. С. 141 — 162; *Она же.* Отчет о раскопках и разведках в г. Верее и Верейском р-не Московской обл. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 88; *Она же.* Отчет о Верейской экспедиции ГИМ 1947 г.//Там же. Д. 161.

[113] *Рабинович М. Г.* Крепость и город Тушков // СА. 1959. № XXIX—XXX. С. 263—286; *Он же.* Золотое украшение из Тушкова городка // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 45—50; *Он же.* Древние бронзовые украшения из Тушкова городка // Славяне и Русь. М., 1968. С. 133-135.

[114] *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси // ИГАИМК. 1935. Вып. 138.

[115] *Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 327-476.

[116] *Арциховский А. В.* Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. 1934. № 11 —12. С. 50.

[117] *Романов Б. А.* Изыскания ... С. 405.

[118] *Рабинович М. Г.* Крепость ... С. 268, 281.

[119] Там же. С. 277.

[120] *Рабинович М. Г.* К истории русской фортификации (укрепления Перемышля Московского) // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 209—214; *Он же.* Отчет о раскопках городища Перемышль Московской обл. в 1955 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 1092.

[121] ДДР. с. 7, 9.

[122] *Рабинович М. Г.* К истории. . . С. 210, 213. В отчете же автор высказывает мнение, что в конце XIV—начале XV в. укрепления все же были созданы заново.

[123] *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1774. Кн. 3. С. 482. Прим. 458.

[124] *Рабинович М. Г.* Отчет 1955 г.

[125] *Раппопорт П. А.* Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИА. 1956. Вып. 62. С. 118—128; *Он же.* Укрепления раннемосковских городищ / КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 12—17; *Он же.* Военное зодчество Северной Руси // МИА. 1961. № 105.

[126] *Раппопорт П. А.* Обследование. . . С. 125.

[127] *Колышницын В. В., Молчанов А. А.* Исследования в Волоколамском Кремле // АО 1973 г. М,, 1974. С. 57.

[128] *Молчанов А. А.* Работы в Можайском кремле // АО 1981 г. М., 1983. С. 73.

[129] *Успенская А. В.* Успенское городище // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 117—122; *Она же.* Отчет о работах в Звенигородском районе в 1954 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 991.

[130] *Краснов Ю. А.* Раскопки на Успенском городище в 1961 — 1962 гг.//КСИА. 1964. Вып. 102. С. 98—103; *Он же.* Отчет о раскопках Успенского городища в 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 2255; *Он же.* Отчет о раскопках Успенского городища в 1962 г. // Там же. Д. 2578.

[131] *Краснов Ю. А.* Раскопки. . . С. 103.

[132] *Успенская А. В.* Успенское городище. . . С. 122.

[133] *Векслер А. Г.* Отчет об археологических работах в Раменском р-не в 1960 г. //Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 2182, 2182А.

[134] *Дубинин А. Ф.* Отчет Московской экспедиции за 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 2328.

[135] *Векслер А. Г., Машек Н. Н., Фотеев Г. В.* Раскопки Кунцевского городища в г. Москве // АО 1971 г. М., 1972; *Векслер А. Г.* Археологические работы в Москве//АО 1972 г. М., 1972. С. 83; *Он же.* Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО 1973 г. М. 1974. С. 43.

136 *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в Москве в 1964 г. //Архив АН СССР. Р. 1. Д. 2982, 2982А.

[137] *Векслер А. Г.* Исследование городищ в Москве и Подмосковье// АО 1968 г. М., 1969. С. 55, 56; *Он же.* Работы в Москве и Подмосковье // АО 1969 г. М., 1970; *Он же.* Раскопки городищ в Москве и Подмосковье // АО 1970 г. М., 1971; *Он же.* Исследование городищ в Москве и Подмосковье //АО 1973 г. М., 1974. С. 43; *Векслер А. Г., Данилова О. М., Розенфельдт О. Р.* Раскопки Луковнинского городища в Подмосковье//АО 1975 г. М., 1976. С. 57; *Векслер А. Г., Данилова О. М., Дукельский В. Ю., Розенфельдт О. Р.* Раскопки городища Луковня в Подмосковье//АО 1976 г. М., 1977. С. 43.

[138] *Векслер А. Г., Данилова О. М., Розенфельдт О. Р.* Раскопки Луковнинского городища. . . С. 57.

[139] *Сидоров В. В., Балинский И. М.* Тростенская экспедиция//АО 1972 г. М., 1973; С. 89; *Они же.* Раскопки на Тростенском озере и Масловом болоте // АО 1973 г. М,, 1974. С. 77; *Они же.* Работы Московского отряда Окской экспедиции//АО 1975 г. М., 1976. С. 87; *Сидоров В. В.* Отчет о разведках в Московской области в 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 3723, 3723А; *Он же.* Отчет о полевой работе Московского областного краеведческого музея в 1969 г.//Там же. Д. 4003, 4003А; *Он же.* Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1972 г. // Там же. Д. 4888; *Он же.* Отчет об исследовании памятников Подмосковья Тростенской экспедицией в 1973—1974 гг. //Там же. Д. 5431, 5431А.

[140] *Крис Х. И., Черпай И. Л.* Раскопки городища Боршева Московская // АО 1974 г. М., 1975. С. 65; *Крис Х. И., Фоломеев Б. И., Черпай И. Л.* Работы 2-го отряда Московской экспедиции // АО 1975 г. М., 1976. С. 70; *Крис Х. И., Чернай И. Л., Фоломеев Б. А., Глазка М. П.* Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО 1976 г. М., 1977. С. 56; *Крис Х. И.,у Чернай И. Л.* Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО 1977 г. М., 1978. С. 68; *Крис Х. И.* Отчет об обследовании археологических памятников, расположенных в лесопарковом защитном поясе г. Москвы, проведенном в 1972 г.// Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 4808; *Она же.* Отчет об охранных археологических раскопках Боршевы Московской в 1973 г. // Там же. Д. 5093; *Она же.* Отчет об охранных раскопках городища Боршева Московская в 1974 г. // Там же. Д. 5459, 5459А; *Она же.* Отчет об охранных раскопках городища Боршева Московская в 1975 г. // Там же. Д. 5632, 5632А; *Она же.* Отчет об охранных археологических раскопках городища Боршева Московская в 1976 г. // Там же. Д. 6183, 6183А.

[141] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 165.

[142] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI —XV вв. Л., 1940. С. 124.

[143] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 66.

[144] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[145] ПСРЛ. Т. XVIII.

[146] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1.

[147] *Шахматов А. А.* Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. СПб., 1910. С. 67.

[>48] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи. . . С. 36.

[149] ПСРЛ. Т. XXV.

[150] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи. . . С. 167.

[151] ПСРЛ. Т. I. Вып. 1-3; Т. II; Т. IV; Т. V.

[152] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

[>53] ПСРЛ. Т. I. С. 302; Т. И. С. 29.

[154] ПСРЛ. Т. II. С. 29; Т. XV. С. 225; Т. I. С. 158, 159, 162; Т. II. С. 116, 118.

[155] ПСРЛ. Т. I. С. 163, 302; Т. II. С. 87-88, 102; Т. III. С. 17; Т. V. С. 167.

[156] ПСРЛ. Т. I. С. 162, 164, 169, 171; Т. II. С. 122.

[157] ПСРЛ. Т. XXV. С. 58. Отсутствие этого сообщения в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях дало повод М. Н. Тихомирову усомниться в достоверности этой записи *(Тихомиров М. Н.* Город Дмитров. . . С. 2); Т. V. С. 161; Т. II. С. 124.

[>58] ПСРЛ. Т. II. С. 601, 602.

[159] ПСРЛ. Т. VII. С. 173, 180. Мнение о первом летописном упоминании г. Можайска под 1177 г. разделяется далеко не всеми историками, некоторые из них считают, что первое упоминание относится к 1231 г., полагая, что под этим годом речь идет не о Мосальске, а о Можайске (ПСРЛ. Т. I. Ч. 3. С. 512) — см., например: *Карлов В. В.* Можайск //

Города Подмосковья. Кн. 3. М., 1981. С. 535. Пользуюсь случаем выразить благодарность Б. М. Тюльпанову за эти сведения.

160 ПСРЛ. Т. IV. С. 89, 93, 108. Сведения о Звенигороде XIV в. совершенно выпущены в Московском летописном своде, что, видимо, следует объяснять отношением московской великокняжеской власти к личности крамольного звенигородского князя Юрия Дмитриевича.

161 ПСРЛ. Т. XXV. С. 189, 201, 218; Т. I. С. 233; Т. IV. С. 93.

162 ПСРЛ. Т. XV. С. 63; Т. XVIII. С. 68.

163 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 110.

164 Подробная историография, посвященная «Списку», приведена в статье Е. II. Наумова *(Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973. М,, 1974. С. 150—163).

165 *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // ИЗ. 1952. Т. 40. С. 215—255; *Он же.* «Список русских городов дальних и ближних» // Русское летописание. М., 1979. С. 83—136. При дальнейшем пользовании «Списком» мы обращались к публикации его М. Н. Тихомировым в издании 1979 г.

166 *Наумов Е. П.* К истории. . . Пользуюсь случаем выразить благодарность Л. В. Алексееву за указание на эту работу, а также за другие пожелания и замечания.

167 *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40—48. Попытка автора доказать смоленское происхождение «Списка» не кажется убедительной прежде всего потому, что среди смоленских городов, перечисленных в «Списке», обнаруживается значительное число пропусков (Ростиславль / Рославль, Вержавск, Пацин и др.). Кроме того, необъяснимым для смолянина является факт помещения Козельска и Оболенска как среди городов смоленских, так и среди литовских.

168 *Тихомиров М. Н.* «Список». . . С. 96.

169 ПСРЛ. Т. VIII. С. 147; Т. V. С. 266; Т. VI. С. 149, 173.

170 *Пашуто В. Т.* О некоторых путях. . . С. 95.

171 Первое летописное свидетельство о Хотуни относится к 1462 г. (ПСРЛ. Т. VI. С. 185).

172 В перечень включены лишь те пункты, которые на основании летописных упоминаний либо археологических данных можно связывать с городскими центрами. В силу этого из перечня оказалась исключенной Брашева, летописных упоминаний о которой не содержится, волостной же центр XIV в. размещался не на территории дьяковского городища, где в это время был уже могильник, а па территории прилегающих селищ.

173 ДДГ. С. 8, 14.

174 ДДГ. С. 15, 17, 33. Следует отметить, что в указателе к ДДГ показан лишь один Вышгород — на Яхроме (Дмитровский). В действительности все имеющиеся в указателе сведения относятся к Вышгороду на Протве, что легко устанавливается из перечня окружающих его волостей.

175 Лопастна показана волостью под 1147 г. в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. II. С. 602).

176 «Верея с волостьми» показана в 1445 г. (ДДГ. С. 125).

177 Кашира показана городом под 1332 г. (ПСРЛ. Т. XIII (I). С. 58).

178 По данным, заимствованным у М. Рабиновича, сведения о постройке Перемышля в 1152 г. Юрием Долгоруким приводятся в одной несохранившейся до наших дней летописи, которая была известна в XVIII в. В. Н. Татищеву (*Рабинович М. Г.* К истории русской фортификации //Культура Древней Руси. М., 1966. С. 209).

179 «Руза с волостьми» показана в духовной Юрия Дмитриевича (1433 г.) (ДДГ. С. 73).

180 ДДГ. с. 46.

181 ДДГ. С. 33-36; 45-50.

182 ДДГ. С. 29, 52.

183 *Голубева Л. А.* Отчет о Верейской экспедиции ГИМ 1947 г. Д. 259, 260.

>84 *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части. . .

185 В одном случае на площадке дьяковского городища с домонгольским слоем (Тушино, Д—57) располагались два вятичских кургана.

186 Значительная часть грунтовых могильников XIV—XV вв. имела в древности надгробия в виде валунных камней, часть которых со временем бывает плохо заметна на поверхности, если территория могильника зарастает.

187 Могильные плиты XVI в. были выявлены А. К. Станюковичем к северо-востоку от Луковнинского городища (устное сообщение). На Нежданском комплексе погост с поздними могилами располагался к западу от городища, за селищем *(Дубинин А. Ф.* Отчет 1961 г.).

188 Наличие на Тушковом городке подосновы дьяковского времени фиксируется М. Г. Рабиновичем, проводившим там раскопки, лишь в отчете, в публикации это заключение отсутствует.

189 *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.» //Труды ГИМ. Очерки по истории русской деревни X XIII вв. 1956. Вып. 32. С. 151 — 185.

190 *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.; Л., 1961. С. 9—12.

191 П. А. Раппопорт связывает подобные городища со строительной деятельностью князей, поскольку крупные города Северо-Восточной Руси, такие, как Дмитров, Переяславль, Юрьев-Польский, построенные Юрием Долгоруким, относятся именно к этому типу городищ. Однако безымянное маленькое Валашихинское городище вряд ли можно связывать с княжеской строительной деятельностью.

192 На карте (рис. 28) эти памятники подчеркнуты.

193 *Равдина Т. В.* Еще раз о датировке. . .; *Векслер А. Г.* К вопросу о древнейшей дате. . .

194 *Краснов Н. А.* Раскопки на Успенском городище. . . С. 103.

195 Боровский курган, пл. VI *(Векслер А. Г.* Отчет 1961 г.).

196 *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI—XV вв. С. 99—100.

197 *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 28.

198 Подробный источниковедческий анализ сказаний о начале Москвы проделан М. Н. Тихомировым *(Тихомиров М. Н.* Сказание о начале Москвы // ИЗ. 1950. Вып. 32. С. 233—241). «Повесть об убиении Даниила Московского» относится исследователем ко времени не позже 1610 г. и происхождение ее связывается с кругами, близкими Василию Шуйскому. «Повесть о зачале Москвы» являлась одним из источников «Повести об убиении Даниила Московского» и, следовательно, возникла в XVI в. Столь поздняя датировка, а также эклектизм источника, показанный М. Н. Тихомировым, подрывает доверие к достоверности событий, отстоящих от него почти на 300 лет. Что же касается топонимов типа «Кучково», то они достаточно распространены не только в ближайших к Москве окрестностях, но и в других местах, в частности на территории Владимиро-Суздальского княжества.

199 *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII в. (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2. С. 66.

200 *Насонов А. Н.* Русская земля. . . С. 65, 183.

20^ ПСРЛ. Т. I. С. 162.

202 *Погодин М. П.* Розыскания о городах и пределах. . . Кн. 9. С. 429—472.

203 *Насонов А. Н.* Русская земля. . .

204 *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля. . .

205 *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. . .

206 *Седов В. В.* Смоленское княжество. . .

207 *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля. . . С. 79.

208 Там же. С. 77.

209 *Насонов А. Н.* Русская земля. . . С. 183—185; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля. . . С. 77—79; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. . . С. 102.

210 ПСРЛ. Т. II. С. 28.

211 ПСРЛ. Т. II. С. 118; *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах. . . С. 282—284. В. А. Кучкин не согласен с локализацией древнего волостного центра Лопастны на правом берегу р. Оки и вслед за рядом исследователей помещает его по течению р. Лопаени, т. е. на левом берегу Оки, при этом совершенно произвольно трактует словосочетание «почен Лопастна» договорной грамоты 1381 г. как понятие «начиная с Лопастна (Лонастни)», т. е. от р. Лопаени *(Кучкин В. А.* Формирование. . . С. 77).

212 ПСРЛ. Т. II. С. 118. Центр этой волости многими исследователями *(Насонов А. Н.* Русская земля. . . С. 66,230; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля. . . С. 78; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. . . С. 80 — карта-вклейка) отождествлялся с современным селом Северским, расположенным на р. Северке близ ее впадения в р. Москву. Этому соответствуют и археологические данные: на месте современного села выявлено обширное селище, датируемое XII —XX вв. с культурным слоем около 1 м *(Юшко А. А.* Отчет о работе в Московской, Смоленской областях в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 50777, 5077А). Однако данные лингвистики не позволяют согласиться с такой локализацией. Больше оснований имеется связывать слои селища XIV в. с великокняжеским селом «на Северсьце в Похрянском уезде» — из духовной грамоты Ивана Калиты (около 1336 г.). (ДДГ. С. 7, 9).

[213] ПСРЛ. Т. II. С. 29; Т. XV. Вып. 2. С. 225.
[214] ПСРЛ. Т. XVIII. С. 46. Л. 57.
[215] *Платонов С. Ф.* О начале Москвы // Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 103.
[216] А. Н. Насонов ошибочно относит это сообщение к 1207 г. (*Насонов А. Н.* Русская земля. . . С. 184).
[217] *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 376, 379.
[218] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 133.
[219] ПСРЛ. Т. XXV. С. 107-108.
[220] *Шахматов А. А.* Обозрение. . . С. 133.
[221] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Сентябрь. С. 107, 108.
[222] Так, известный по материалам XVII в. населенный пункт Волочек на левобережье р. Клязьмы в Московском своде назван, согласно новгородской орфографии, «Волочцем» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 107).
[223] ПСРЛ. Т. VII. С. 116.
[224] *Насонов А. Н.* «Русская земля». . . С. 184.
[225] *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции. М., 1850. Т. IV. С. 285, 286. Прим.
[226] Там же. С. 286. Прим.
[227] ПКМГ. С. 848.
[228] ЦГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 220/2511.
[229] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия. . . С. 123. Пользуюсь случаем выразить благодарность Б. М. Тюльпанову за эти сведения.
[230] Архив АН СССР. Ф. 620 (С. Б. Веселовского). Московский и Серпуховский уезды XVI—XVII вв. по писцовым книгам. Карта.
[231] В. А. Кучкин связывает летописный сюжет 1209 г. с установлением владимиро-рязанского рубежа. Причем к рассмотрению вопроса им привлекались сведения Летописца Переяславля Суздальского, согласно которым кн. Юрий встретил рязанцев «у Особого». Пункт этот локализуется В. А. Кучкиным близ р. Осенки — правого притока р. Северки, вследствие чего владимирские владения простирались, согласно В. А. Кучкину, до р. Северки (*Кучкин В. А.* Формирование. . . С. 98). Однако проверка этих сведений летописца Переяславля Суздальского не подтвердила это мнение.
[232] *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля. . . С. 91, 92.
[233] *Насонов А. Н.* Русская земля. . . С. 205.
[234] ПСРЛ. Т. I. С. 183.
[235] ПСРЛ. Т. XXV. С. 86.
[236] *Насонов А. Н.* Русская земля. . . С. 160 — карта-вклейка; *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Slowianie w dzejach Europy. Poznan, 1974. С. 96 — карта-вклейка. Данные локализации, а также локализация Бениц, предложенные в свое время Г1. В. Голубовским и принятые позже А. Н. Насоновым и Л. В. Алексеевым, оспариваются В. А. Кучкиным. Так, исследователь полагает, что с. Добрятино на р. Пахре возникло не в XII в., а в XIV в., поскольку в одной из грамот 1348 г. вместо с. Добрятино упомянута Добрятинская борть. «Очевидно, — пишет он далее, — поросшие густыми лесами берега р. Пахры начали осваиваться не в XII, а в XIV в.» (*Кучкин В. А.* Формирование. . . С. 83). Данные археологии опровергают этот тезис. Берега р. Пахры принадлежат к одному из густонаселенных районов в домонгольское время. Известна курганная группа и близ с. Добрятино (см. указатель). Отсутствие же упоминания с. Добрятино в других источниках XII в., кроме Уставной Ростислава, вовсе не означает, что его не было в действительности. То же самое можно сказать и в отношении Бениц. Упоминание пункта в XV в. не является основанием для датировки времени его возникновения. Согласно археологическим данным поселение близ с. Баницы датируется домонгольским временем (*Кучкин В. А.* Формирование. . . С. 83; *Усиенская А. В.* Древнерусское поселение Бениць // Ежегодник ГИМ. 1962. М., 1964. С. 216-232).
[237] «Исконская слободка» второй духовной грамоты в. кн. Дмитрия Ивановича (ДДГ. С. 35).
[238] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты. . . Карта-вклейка на с. 171.
[239] ДДГ. С. 34, 35.
[240] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского. . . С. 96. Карта-вклейка.
[241] Из сведений В. II. Татищева, почерпнутых, видимо, из сгоревшей в пожаре 1812 г.

Троицкой летописи, об основании Перемышля в 1152 г. не обязательно вытекает заключение о том, что строителем его был Юрий Долгорукий, как это полагал В. Н. Татищев, а вслед за ним П. А. Раппопорт и М. Г. Рабинович *(Рабинович М. Г.* К истории русской фортификации. . . С. 209, 210).

242 *Раппопорт П. А.* Очерки по истории. . . С. 100—109.

243 *Юшко А. А.* Раскопки в Звенигороде Московском//АО 1975 г. М., 1976. С. 101.

244 Вопрос об образовании Московского посада достаточно сложен. Древнейший посад размещался, очевидно, в пределах современного Кремля. Однако Большой посад на территории Зарядья также имеет отдельные участки, застройки, восходящие к домонгольскому времени *(Беленькая Д. А.* История заселения Китай-города (Москва). Конец XII —начало XVI в.//Автореф. канд. дисс. М., 1972). Учитывая те немногие находки, восходящие к XI в., которые происходят с территории Зарядья, М. Г. Рабинович считает возможным относить заселение отдельных участков Зарядья к рубежу XI—XII вв. *(Рабинович М. Г.* Культурный слой. . . С. 86).

245 *Раппопорт П. А.* Очерки по истории. . . С. 207.

246 *Юшко А. А.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1975 г.

247 *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения. . . С. 134.

248 Там же. С. 142.

249 Значительное количество сооружений производственного характера (кузница, сыродутный горн и пр.) обнаружено В. Н. Милоновым при раскопках в Дмитрове *(Милонов В. Н.* Дмитровское городище...). Но, как показал А. В. Никитин, низкий методологический уровень раскопок В. Н. Милонова не позволяет согласиться с его интерпретацией раскопанных объектов *(Никитин А. В.* К характеристике материалов. . .).

250 *Милонов В. Н.* Дмитровское городище. . . С. 158.

251 *Дубинин А. Ф.* Отчет 1961 г.

252 *Сидоров В. В.* Отчет о нолевой работе Московского областного краеведческого музея в 1969 г.; *Он же.* Отчет о нолевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1972 г.

253 *Рабинович М. Г.* Крепость и город Тушков. . . С. 268, 277.

254 *Краснов Ю. А.* Раскопки на Успенском городище. . . С. 103.

255 Видимо, не только мирным, поскольку предметов вооружения здесь больше, чем на других памятниках.

256 Косвенные данные о княжеской переселенческой политике ремесленного люда находим у В. Н. Татищева *(Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 242).

257 Малые размеры феодальных замков отмечены В. В. Седовым и для территории Смоленщины *(Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 124).

258 Наличие стеклянных браслетов В. В. Седов считает одним из характерных признаков феодальных замков *(Седов В. В.* Сельские поселения. . . С. 123).

259 *Раппопорт П. А.* Военное зодчество. . . С. 208.

260 ПСРЛ. Т. VI. С. 230. В духовных грамотах московских великих князей Кашира фигурирует, начиная с духовной Ивана Ивановича (около 1358 г.) (ДДГ. С. 15), но здесь речь идет о волости, которая, очевидно, называлась по одноименной реке, поэтому нет достаточных оснований связывать это упоминание с городом. Впервые город Кашира упомянут в духовной в кн. Ивана Васильевича (1504 г.) (ДДГ. С. 354).

261 ПСРЛ. Т. XIII. С. 58.

262 *Юшко А. А., Чернов С. З.* Из исторической географии Московской земли (по материалам полевых работ 1976 г.) // СА. 1980. № 2. С. 123, 124; ДДГ. С. 34, 354, 434.

263 *Голубева Л. А.* Раскопки в Рузе // Труды ГИМ. 1953. Вып. XXII. С. 143—162.

264 Там же. С. 151, 162.

265 Руза упомянута в духовных завещаниях почти всех московских великих князей, начиная с Ивана Калиты (ДДГ. С. 7, 9, 15, 17, 24, 33 и т. д.). См. табл. 11.

266 *Голубева Л. А.* Раскопки в Рузе. . . С. 144.

267 *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения. . . С. 131 —134.

268 Там же. С. 134.

269 Радонеж в отличие от остальных городов являлся великокняжеским укрепленным волостным центром, который осуществлял, видимо, и оборонительные функции.

270 Выпадает из этой группы городище, отождествленное П. А. Раппопортом с летописным Оболенском и расположенное на территории с. Оболенского Высокиничского р-на Калужской области *(Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ. . . С. 14). Площадь этого городища около 4 тыс. кв. м при высоте террасы 8—9 м, что больше соответствует городищам с дьяковской подосновой, не изменившим в древнерусское

время своей конфигурации. Оболенск упомянут в летописи в 1368 г. как порубежный пункт на пути следования войск Олгерда Гедиминовича (ПСРЛ. Т. XXV. С. 185); кроме того, город являлся родовой вотчиной князей Оболенских, что заставляет усомниться в верной локализации его П. А. Раппопортом на месте маленького городища в самом селе. Если согласиться с этим отождествлением, то тогда это единственный летописный город Московской земли, имеющий подобные параметры. Однако в примечаниях П. А. Раппопорт сообщает, что в окрестностях с. Оболенского имеется еще два городища (*Раппопорт П. А.* Укрепления. . . С. 14. Прим. 5). Видимо, вопрос о локализации летописного Оболенска требует доработки, вследствие чего предлагаемый П. А. Раппопортом памятник не включен в число изучаемых нами городищ. Не включено также и городище г. Боровска, поскольку археологические обследования его не производились.

271 *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов. . .» С. 96. Табл. 3.

272 Там же. В «Списке» нет также упоминания о Лобынске, но есть город Лобутск. Не исключено, что это одно и то же, поскольку в летописях встречаются иногда переходные формы в написании этого города: Любынск (ПСРЛ. Т. XXV. С. 39).

273 *Веселовский С. В.* Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969. С. 268-271.

274 *Розенфелъдт Р. Л.* Разведки в Московской области // КСИИМК. 1960. Вын. 79. С. 62; *Он же.* Отчет о работе отряда Московской археологической экспедиции в 1956 г.// Архив ИА АН СССР. Р. I. Д. 1338, 1338А. В отчете и в публикации материалов об этом памятнике содержатся противоречивые данные: согласно отчету, он датируется XII — XIII вв., согласно публикации — XV—XVII вв. Поскольку стационарные работы на городище не проводились, а осуществлялись только шурфовка и сбор подъемного материала и учитывая сходство керамического материала XIV и XV вв., думается, возникновение этой феодальной усадьбы следует относить к XIV, а не к XV в. Кроме того, исторически для XV в. сооружение укрепленных феодальных замков в бассейне Рузы, являвшемся глубинным районом Великого княжества Московского, едва ли объяснимо.

275 *Розенфелъдт Р. Л.* Разведки. . . С. 62.

276 *Милонов Н. П.* Историко-археологический очерк.. . С. 91, 92.

277 *Рабинович М. Г.* Культурный слой. . . С. 98.

278 Там же.

279 *Милонов Н. П.* Историко-археологический очерк. . . С. 91, 86.

280 ПСРЛ. Т. XXV. С. 168.

281 *Рабинович М. Г.* Отчет о раскопках городища Перемышль Московской области в 1955 г.

282 *Милонов Н. П.* Дмитровское городище. . . С. 166.

283 *Юшко А. А.* Монетные находки. . .

284 *Рабинович М. Г.* Крепость и город Тушков. . . С. 281.

285 *Рабинович М. Г.* О возрасте и первоначальной территории Москвы. . . С. 28.

286 *Рабинович М. Г.* Золотое украшение из Тушкова городка//КСИИМК. 1957. Вып. 68.

287 *Милонов Н. П.* Историко-археологический очерк. . . С. 82.

288 Имеется летописное известие 1354 г. о том, что великокняжеская Лопастна управлялась наместником (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 98, 99).

289 Об этом подробнее: *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. Изд. 2. М., 1888. С. 46; *Черепнин Л. В.* О характере и форме древнерусского государства X-начала XIII в. // ИЗ. 1972. Кн. 89. С. 366.

290 *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 13.

291 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. IV. С. 242.

292 *Пашуто В. Т. О* некоторых путях. . . С. 96.

293 Для XIV в. число укрепленных «боярщин» также невелико, однако XIV век — время бурного формирования московского служилого боярства и землевладения этого класса. Но центрами этого землевладения были уже, как правило, не укрепленные поселки, а обширные селища, не имевшие укреплений, их на территории Московского княжества XIV в. насчитывается несколько десятков.

294 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 164.

295 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 49.

296 *Греков В. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 94.

297 *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси. . . С. 17.

298 История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 12 томах. 1967. Т. 1. С. 536.

299 *Вуза А. В.* Социально-историческая типология. . . С. 13.

300 *Карлов В. В.* О факторах. . . С. 69.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XI-XIV ВВ.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

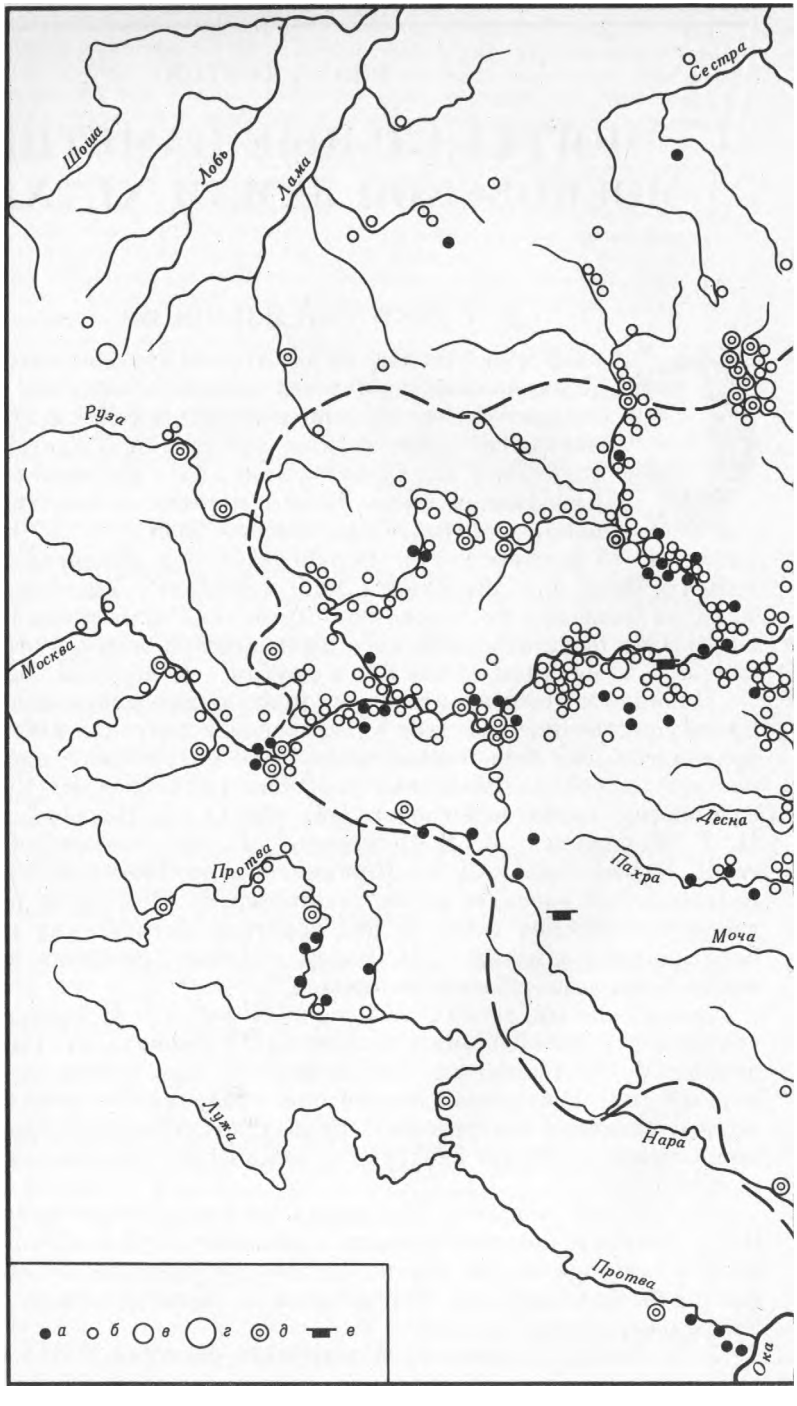
Самой многочисленной категорией археологических памятников Подмосковья, количество которых более чем в три раза превышает число городищ и селищ, вместе взятых (более 900), являются погребальные памятники — курганные группы и грунтовые могильники (рис. 42). Именно с этой категории памятников были начаты первые археологические исследования в Подмосковье, когда в 1838 г. А. Д. Чертков произвел раскопки 15 курганов в д. Верхогрязье под Звенигородом, материалы которых были опубликованы в 1839 и 1849 гг.[1] Уровень науки того времени не позволил исследователю правильно осмыслить найденные древности. Они были отнесены им к дославянской эпохе, а этнически в одном случае — к мерянам (1839 г.), в другом — к варягам (1849 г.).

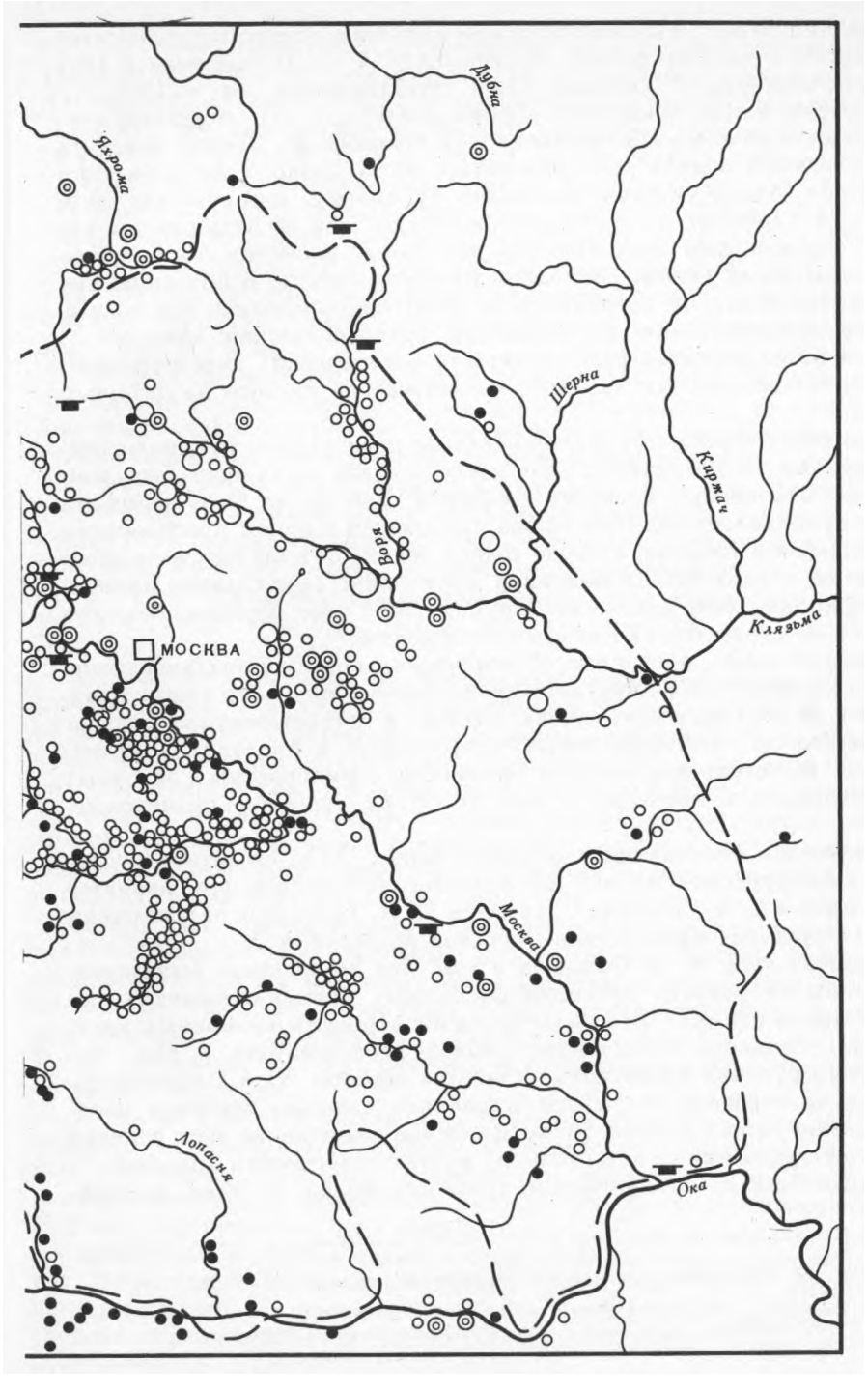
Начиная с этого времени и на протяжении почти всего XIX столетия преимущественное развитие в Подмосковье получила именно «курганная» археология. Это был период, когда шло интенсивное накопление фактического материала. Массовые раскопки подмосковных курганов связаны с именами таких исследователей, как С. Д. Нечаев[2], А. А. Гатцук[3], Н. Г. Керцелли[4], А. И. Кельсиев[5], Н. И. Лыжин[e], В. Ф. Миллер[7], А. Я. Кожевников [8], Д. О. Шеппинг [9] и др. Методический уровень этих раскопок был довольно низок: например, Н. И. Лыжин раскопал 26 курганов у с. Косино всего за два коротких октябрьских дня 1886 г. Как справедливо подметил О. Н. Бадер, подобные раскопки в лучшем случае могут быть лишь сбором материала [10].

Значительный размах раскопочных работ в Подмосковье вызвал необходимость в обобщении накопленного материала. По просьбе А. П. Богданова М. А. Саблиным уже в 1879 г. был составлен и опубликован первый список курганов Московской губернии ". Он включал далеко не полные сведения о курганных группах; отсутствовало описание их местоположения, зачастую сведения о количестве курганов в группах были неверными.

Следующая попытка обобщения результатов раскопок принадлежит И. Д. Беляеву, который пришел к заключению о том, что Подмосковный край в доисторическую эпоху был заселен финнами и славянами, причем финны были исконными обитателями, а славяне — пришельцами и колонизаторами края [12].

А. А. Гатцук, комментируя материалы раскопок Потаповских курганов, также полагал, что носителями культуры, оставившими эти курганы, были финны [13].


Шоша
Лобь
Лама
Сестра
Руза
Москва
Десна
Пахра
Протва
Моча
Нара
Луж а
Протва
Ока
а б в г д е


Дубна
Яхрома
Шерна
Киржач
Воря
Клязьма
МОСКВА
Москва
Лопасня
Ока

Определенную веху в археологическом изучении курганных древностей Подмосковья составляют работы, проведенные А. П. Богдановым в 1865 и 1866 гг., материалы которых были опубликованы им в 1867 г.[14] Будучи антропологом Московского университета, А. П. Богданов произвел краниологические исследования 211 погребений. Однако ценность добытых сведений значительно снижалась из-за низкого методического уровня работ. Здесь уместно вспомнить ту оценку, которую дал этим работам А. А. Спицын: «. . .к сожалению, труды этой экспедиции для нас не имеют надлежащего значения, так как самые раскопки были произведены неопытными руками, описания их очень кратки, и при определении материала вовсе не сделано было попытки определить его состав, т. е. разгруппировать его по характеру археологических находок» [15]. Следствием этого является расплывчатость исторических характеристик. Население, оставившее эти курганы, исследователь именует «курганным племенем».

Гораздо более серьезному изучению были подвергнуты краниологические материалы, в результате чего исследователь вынужден был констатировать, что первые поселенцы Средней России не были финнами по своему происхождению. Этот вывод оказывался в явном противоречии с утвердившейся в то время в науке точкой зрения. Чтобы избежать этого противоречия, исследователь выдвинул две версии: либо славяне пришли на смену финнам, либо этнические группировки («по обрядам, обычаям и языкам») не соответствуют антропологическим.

Как увидим ниже, дискуссия об этнических компонентах населения, оставившего подмосковные курганы, продолжается вплоть до наших дней.

В 1895 г. В. И. Сизов опубликовал статью, в которой впервые подверг анализу основную категорию вещей, встречаемых в курганах, — височные кольца. В результате анализа орнамента семилопастных височных колец исследователь приходит к выводу об их арабском происхождении [16].

Исследованием, венчающим усилия ученых XIX столетия в деле изучения древнерусских племен по археологическим данным, является известная работа А. А. Спицына [17], которую П. Н. Третьяков назвал одним из наиболее крупных произведений русской археологии [18].

Основная заслуга А. А. Спицына в том, что им впервые была предпринята попытка увязать накопленные к тому времени значительные курганные древности XI—XII вв. с данными «Повести временных лет». Наибольшую ценность представляет вывод исследователя о том, что «в собственно русских древностях (главным образом XI в.) намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древнерусских племен. Географическое размещение этих районов соответствует указаниям летописи о местах расселения племен» [19]. А. А. Спицын считал, что курганные древности полян, древлян, радими-

Рис. 42. Погребальные памятники Московской земли XI—XIV вв.

а – одиночные курганы; б — курганные группы, содержащие 2—50 насыпей; в – курганные группы, содержащие 51 — 100 насыпей; г — курганные группы, содержащие более 100 насыпей; д — число курганов в группе неизвестно; е – грунтовые могильники XIV в.

чей, вятичей, кривичей и других племен, занимая определенную, указанную Нестором территорию, различаются между собой набором женских украшений. Таким образом, украшения, т. е. набор определенных элементов костюма, ученый считал этнодифференцирующим показателем.

Почти все дальнейшее изучение славянских курганных древностей шло в русле выводов А. А. Спицына, о чем свидетельствуют уже сами названия археологических исследований: «Курганы вятичей» А. В. Арциховского (М., 1932); «Радзімічы» Б. А. Рыбакова (Працы БАН, Минск, 1932); «Поляне и северяне» Б. А. Рыбакова (СЭ. VI — VII. 1947); «Кривичи» В. В. Седова (СА. 1960. № 1); «Дреговичи» В. В. Седова (СА. 1963. № 3); «Территория древлян по археологическим данным» И. П. Русановой (СА. 1960. № 1); «Курганы полян X—XII вв.» ее же (САП. Вып. Е1—24) и др.

Наибольший интерес для нас представляет работа А. В. Арциховского, вобравшая в себя все курганные древности бассейна р. Оки, хранившиеся в Государственном историческом музее. Исследователем выработана четкая типология основных находок погребальных комплексов — браслетов, бус, височных колец, гривен и перстней. На основе этой типологии разработана относительная и абсолютная хронология курганных древностей, прослежена территория земли вятичей по письменным и археологическим данным, причем в своих историко-этнических построениях А. В. Арциховский исходил из положения о том, что вятичи — носители семилопастных височных колец, на основании чего и определялись границы их расселения.

Однако эти, казалось бы, четкие логические построения А. С. Спицына, а вслед за ним А. В. Арциховского были подвергнуты сомнению со стороны Н. П. Третьякова, обратившего внимание на то обстоятельство, что процент «кривичских» курганов XII в. на вятичской территории очень велик. Подобное смешение «племенных» признаков, как доказывает Н. П. Третьяков, означает различие хронологическое: кривичские погребения старше вятичских. Исследователь приходит к заключению, что поскольку «вятичские украшения появляются лишь в XII в., в период, когда древнее племя находилось уже на стадии разложения, то вятичи Повести временных лет не могут быть отождествлены с носителями семилопастных височных колец». Исследователь полагает, что распространение тех или иных форм украшений определяет «не старые племенные границы, а границы новых складывающихся феодальных образований» [20]. Материалы памятников XI—XIV вв., считает П. Н. Третьяков, не могут служить источником для изучения известных по летописи племен.

В том же номере журнала была помещена ответная статья А. В. Арциховского[21]. Доказывая синхронность «вятичских» украшений и летописных упоминаний о вятичах, исследователь напоминает, что из 27 упоминаний о вятичах в древнейших летописных сводах (Лаврентьевской и Ипатьевской летописях) 15 приходится на XII в., т. е. на время, когда семилопастные височные кольца имели очень широкое хождение. Отстаивая локализацию вятичских женских украшений, А. В. Арциховский показывает, что все приводимые П. Н. Третьяковым четыре курганные группы со смешанным кривичско-вятичским инвентарем расположены на порубежных с кривичами территориях.

Дискуссия 1937 г. завершилась статьей П. Н. Третьякова, опубликованной лишь 12 лет спустя [22]. Исследователь, сопоставляя территорию, занимаемую курганами вятичей XII—XIV вв., с летописной территорией вятичей, заключает, что первая почти в три раза больше второй. Причисление же к вятичам рязанцев, как это имело место в некоторых поздних списках летописей, неправомочно ввиду отсутствия этих свидетельств в ранних летописных сводах.

В послевоенные годы шел интенсивный процесс изучения курганных древностей Подмосковья [23], выразившийся как в накоплении раскопочного материала, так и в попытках теоретического осмысления накопленного.

В 1947 г., в связи с 800-летним юбилеем г. Москвы, выходит специальный том «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященный проблемам московской археологии. А. В. Арциховский в статье, подводящей итоги археологического изучения Москвы и Подмосковья, развивает положения, выдвинутые в работе «Курганы вятичей», и подчеркивает ту мысль, что Москва находилась всего в 40 км к югу от древней племенной границы вятичей и кривичей [24].

В работе предпринята попытка решить вопрос о времени вятичской колонизации края. На материалах раскопок большого Беседского кургана, вскрытого исследователем в 1946 г., А. В. Арциховский считает возможным относить появление вятичей в Подмосковье к середине I тысячелетия н. э.[25] Эти выводы противоречат историческим данным о вятичах, да и археологических данных для аналогий явно недостаточно [26]. Позже эти выводы А. В. Арциховского были подвергнуты резкой критике со стороны Е. И. Горюновой.

В этом же томе были опубликованы две сводки археологических памятников Москвы и Подмосковья, которые не утратили своей ценности при составлении археологической карты региона и до наших дней [27].

В 1956 г. Г. Ф. Соловьевой была предпринята попытка выделения локальных групп на территории радимичей и вятичей, произведенная по данным погребального обряда, точнее на основе одного его элемента — положения умершего в кургане[28]. Однако, как убедительно показала позже Н. Г. Недошивина, этот признак погребального обряда является не этническим, а хронологическим, а поскольку почти в каждой курганной группе соседствуют погребения в ямах, на горизонте и в насыпи, он не может служить надежным критерием для выделения каких-либо локальных групп.

Курганным древностям Подмосковья, на основании которых решался вопрос о славянской колонизации во второй половине XI—XIII в., посвящена глава в работе Е. И. Горюновой[29]. Интересным представляется наблюдение исследовательницы о том, что после массового переселения в район междуречья Волги и Оки славянского населения «этнические черты как самого пришлого славянского населения, так и растворяющихся в его потоке аборигенных элементов стираются быстро». Скрупулезный анализ погребального инвентаря в полной мере подтвердил это положение Е. И. Горюновой. Вслед за А. В. Арциховским исследовательница полагает, что границей, разделяющей вятичей и кривичей в Подмосковье, является течение р. Клязьмы [30].

Е. И. Горюнова подробно останавливается на вопросах датировки

большого Беседского кургана и приходит к заключению о том, что единственным основанием для сближения его с памятниками типа Шаньково и Почепок является наличие кольцевой канавки, что, видимо, не может служить достаточным основанием для датировки кургана серединой I тысячелетия н. э. Вследствие этого нижней датой вятичских древностей в Подмосковье, по Е. И. Горюновой, является XII в. В северной же части Московской области древнейшие курганные инвентаря восходят к середине XI в. [31]

В 60-е годы развертываются дискуссии по вопросам этнической принадлежности населения, оставившего курганы. В 1961 г. В. В. Седов выдвинул тезис о том, что курганы с восточной ориентировкой, встречающиеся на широкой территории от Верхнего Поднепровья до верховьев р. Москвы, оставлены славянизированными балтами, родственными латгалам .

Это положение В. В. Седова было подвергнуто критике. Г. Ф. Соловьева, например, обратила внимание на то обстоятельство, что латгальские грунтовые могильники с восточной ориентировкой (преимущественно мужские) исчезают к тому времени (начало II тысячелетия), когда появляются славянские курганы с аналогичной ориентировкой. Восточную ориентировку некоторых погребений в славянских курганных могильниках на территории радимичей Г. Ф. Соловьева рассматривает как одну из особенностей погребального обряда радимичей [33].

Позже к Г. Ф. Соловьевой присоединилась Ф. Д. Гуревич, отметившая, что погребения с восточной ориентировкой широко распространены в славянском мире, вследствие чего их следует связывать с периодом язычества, когда и зародилась подобная пестрота ориентировки умерших .

Против балтской принадлежности погребений с восточной ориентировкой высказалась и Н. Г. Недошивина, обратившая внимание на то обстоятельство, что в ямных христианских захоронениях остается лишь западная ориентировка погребенных, что является еще одним подтверждением языческого характера погребений с восточной ориентировкой [35]. Т. Н. Никольская отметила, что курганов с восточной ориентировкой известно очень немного в сравнении с общим числом погребений [36].

Еще меньшее число погребений с меридиональным положением умерших. Эту категорию погребений В. В. Седов связывает, вслед за Л. Нидерле, с финно-угорским миром, подтверждая этот вывод анализом вещевого материала из этих погребений [37].

Еще в 1947 г. Б. А. Рыбаков, занимаясь курганами левобережья Днепра, подметил, что там имеются два типа погребений: в ямах и на горизонте, что соответствует племенным группировкам полян и северян [38]. С развитием тезиса о том, что обряд погребения является этническим признаком, выступил Е. И. Тимофеев[39].

Вслед за Б. А. Рыбаковым Г. Ф. Соловьева предприняла попытку выделения локальных групп у радимичей и витичей на основе того же элемента погребального обряда [4] .

Н. Г. Недошивина, картографировав типы погребальных обрядов у вятичей, в противоположность Г. Ф. Соловьевой пришла к убедительному

выводу о том, что выделять какие-либо локальные группы на основании положения погребенного в насыпи кургана неправомочно, поскольку в большинстве курганных групп два типа погребального обряда (в насыпи и на горизонте) сосуществуют. За этим различием погребального обряда кроется лишь различие хронологическое [41].

Значительный интерес со стороны исследователей был проявлен к вещевым комплексам. В 1967 г. в одном из выпусков «Трудов ГИМ» были помещены статьи, материалы которых охватывали почти все основные категории вещей, встречающиеся в курганах. В предисловии к этому сборнику Б. А. Рыбаков справедливо писал о том, что «курганные инвентари по своей массовости являются таким же важным источником по истории русской деревни X—XIII вв., как писцовые книги XV—XVII вв. для деревни своего времени» [42].

В 60-е годы подверглись пересмотру те датировки, которые были в свое время предложены А. В. Арциховским для трех стадий вятичских курганов: в результате выяснилось, что первая стадия должна быть датирована рубежом XI—XII вв., а третья стадия — XIII в., т. е. в XIV в. вятичские комплексы не заходят, основная их масса приходится на XII—XIII вв.[43]

Выделению более древних вятичских погребений посвящена статья В. В. Седова [44]. Работа эта примечательна еще и тем, что здесь впервые графически изображена граница вятичского ареала (по А. А. Спицыну) [45], с небольшими изменениями воспроизведена позже Т. В. Равдиной и Т. Н. Никольской [46]. В пределах этого ареала (в его юго-западной части) В. В. Седов выделяет курганы с трупосожжениями, которые им атрибутируются как ранневятичские. Однако, как признает сам исследователь, подобные курганы (без погребальных камер и с ними) широко распространены в других восточнославянских областях, да и не только у славян. Если учесть, что приводимые В. В. Седовым трупосожжения почти безынвентарны, никаких племенных вещей при них нет, становится дискуссионной возможность отнесения их к вятичам на основании археологического материала. Единственным основанием такого атрибутирования является летописное свидетельство об их размещении, сам же по себе археологический материал здесь не показателен.

В 1974—1975 гг. было завершено два исследования, посвященных изучению всего комплекса вятичских древностей, как погребальному обряду, так и вещевым находкам.

В работе «Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв.» Н. Г. Недошивина использовала материалы 1802 курганов, в 717 из которых встречены погребения на материке и в 632 — погребения в ямах. Исследовательница приходит к интересным выводам, главный из которых состоит в том, что погребальный обряд не дает никаких данных, позволивших бы выделить вятичский ареал среди других племен. Наоборот, он свидетельствует об удивительном единстве населения и его идеологии на обширной территории. Вследствие этого единственным критерием для выделения племени вятичей «остаются женские украшения, и прежде всего височные кольца, отражающие древнее этническое единство изучаемой области». Интересно наблюдение Н. Г. Недошивиной о том, что первоначально вятичи занимали меньшую территорию (верховья рек Оки и Угры) и лишь

позже, в XII—XIII вв., они продвинулись в низовья рек Москвы и Оки [4'].

Анализу вещевого материала вятичей была посвящена диссертация Т. В. Равдиной [48]. Ею использован материал 3059 погребальных комплексов (530 курганных групп). Т. В. Равдина изучила все категории вещей, основная часть которых была типологизирована А. В. Арциховским, разработала типологию и хронологию семилопастных височных колец [49], в результате чего пришла к заключению о том, что такие считавшиеся ранее характерными для вятичей вещи, как решетчатые перстни, сердоликовые бинирамидальные бусы (в сочетании с шарообразными из горного хрусталя), широко распространены на славянской территории и считать их племенным признаком вятичей нельзя. Единственным этнически определяющим признаком могут служить только височные кольца. Т. В. Равдина разбила их на три хронологических периода: 1) вторая половина XI—начало XII в.; 2) XII в. и 3) конец XII—первая половина XIII в.[50]

Как видим, обе работы подводят читателя к заключению о том, что ни особенности погребального обряда, ни вещевые комплексы не дают данных для выделения племенных признаков вятичей. Очевидно, следует произвести более тщательное изучение наборов височных колец, чтобы убедиться в правомочности существования вятичского ареала.

В вышедшей в 1981 г. работе Т. Н. Никольской «Земля вятичей» изучению курганных древностей посвящена специальная глава, в которой дано описание как погребального обряда, так и инвентаря курганов [51]. Исследовательница безоговорочно принимает предложенный А. А. Спицыным и А. В. Арциховским ареал вятичской территории, в пределах которой и ведется изучение курганных древностей.

ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВЯТИЧАХ И КРИВИЧАХ

Летописные «племена» уже давно привлекали внимание исследователей (Е. В. Барсов, М. К. Любавский и др.) [52]. Анализу летописных известий о вятичах посвящена глава в работе А. В. Арциховского[53]. Вопроса о соотношении летописной и археологической территории вятичей касался П. Н. Третьяков, отметивший, что последняя в три раза больше летописной [54].

Подробный анализ летописных известий о вятичах XII в. содержится в статье А. К. Зайцева [55]. В результате анализа исследователь приходит к интересному выводу о том, что в летописных известиях XII в. термин «вятичи» применялся как название северо-восточной части Черниговской земли, как географическое название определенной территории. Эта область не совпадает с этническими границами вятичей. Летописные данные XII в. нельзя использовать в качестве прямых свидетельств при определении границ «племени вятичей».

Постараемся проследить совокупность летописных свидетельств о вятичах и кривичах . Весь этот комплекс свидетельств распадается на две количественно-хронологические группы: наибольшее количество упоминаний приходится на X и XII вв. Крайне мало упоминаний о тех

и других в XI в. Причину этого, видимо, следует искать в особенностях политического развития Древнерусского государства, ибо вся совокупность упоминаний о кривичах и вятичах связана, как правило, с деятельностью отдельных князей (военными походами и другими мероприятиями). Для X в. — это Олег и Игорь, в походах которых на греков они участвуют в 907 и в 944 гг., Святослав, возложивший на них дань (вместо хазар), Владимир, победивший их дважды (981 и 982 гг.) [57].

Упоминания XI в. о вятичах включены в поучение Мономаха, о чем уже шла речь во 2-й главе. Комплекс упоминаний XII в. проанализирован А. К. Зайцевым [58]. Из этого анализа следует, что область вятичей становится вовлеченной в усобицу между черниговскими Давидовичами и Ольговичами, причем вятичи называются волостью Изяслава Давидовича, в которой сидят их посадники [59].

Очевидно, понятие «вятичи» для летописания XII в. стало не племенным, а административно-территориальным, поскольку отдельные их области князья стремились включить в состав своих княжеских объединений. Именно этим обстоятельством следует объяснить частоту упоминаний о них на протяжении XII в. Но эти упоминания могут служить источником скорее для политической истории, чем для выяснения племенных границ вятичей.

XI век, когда количество летописных упоминаний о вятичах минимальное, — это период распада Древней Руси, характеризующийся борьбой между Киевом и Новгородом, «мятежами великими» в Суздале (1024 г.), Киеве (1068 г.), на Белоозере (1071 г.).) Период этот завершился Любечским съездом 1097 г., когда был провозглашен окончательно принцип феодальной раздробленности. Отсюда невнимание летописца к удаленной от крупных княжеских центров лесной «Земле вятичей».

ТОПОГРАФИЯ КУРГАННЫХ ГРУПП И ИХ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ

Как следует из историографического обзора, изучению проблем, связанных с курганными древностями, посвящена весьма значительная литература. Подробно изучен погребальный обряд и вещевые комплексы. Поэтому, чтобы не повторяться, постараемся остановиться на таких проблемах, которых не касались исследователи.

Как уже упоминалось выше, курганных групп на территории Подмосковья известно достаточно много (901), причем для более чем 200 из них имеются планы (рис. 42).

Показательна их микротопография. 109 групп из тех, на которые есть планы, располагаются на приречных террасах, находящихся иногда в значительном удалении от русла реки (150—200 м). 14 курганных групп расположены на мысах, образованных ручьями или оврагами, выходящими в пойму основной реки (7,7 %); примерно такое же количество размещается в верховьях или средней части оврагов, выходящих к рекам.

Крайне незначительно число курганов, расположенных между двумя оврагами, выходящими в пойму реки, и на перешейке, образованном

петлей реки. В целом же можно отметить, что топография курганных групп близка топографии селищ.

Все вышеперечисленные группы курганов так или иначе связаны с рекой. Однако имеются курганные группы (37, или 20,4 %), расположенные на равнинных участках, с реками никак не связанных. Все эти данные свидетельствуют, что подавляющая часть курганных групп (около 80 %) тяготеет к рекам и ручьям. Показательно, что эти курганные группы являются также и наиболее многочисленными. Так, среднее число курганов в курганных группах [60], располагающихся на мысах — 29, в то время как среднее число курганов в группах, размещающихся при оврагах, — 8, в группах, удаленных от рек (равнинного типа), — 7. Одиночные курганы среди всех этих типов курганных групп размещены равномерно.

Переходя к количественной характеристике курганных групп, необходимо отметить, что подавляющая часть крупных курганных групп, насчитывающих 50 и более насыпей, размещается в северных районах Московской земли — в бассейне Клязьмы, Учи и Истры. На нижнем течении р. Москвы и на левобережье р. Оки располагается основная часть курганных групп, насчитывающих до 10 насыпей, а также одиночные курганы. Карта размещения курганных групп красноречиво свидетельствует о том, что южная и восточная части Московской земли неизмеримо беднее курганными группами, чем центральная и северная. В этой связи нельзя не вспомнить заключение С. Б. Веселовского, который, не будучи знаком с археологией Подмосковья и основываясь на анализе природных условий и политической ситуации, писал, что «обстоятельства политического свойства замедлили здесь (на юге. — ***А. Ю.)*** процесс заселения» [61]. Эти обстоятельства заключались в наличии постоянной военной опасности из-за Оки: сначала в лице Чернигова и Рязани, позже — монголо-татар. Зато именно в южных пределах Московской земли встречено наибольшее число одиночных курганов (рис. 43). Более того, почти все имеющиеся здесь курганы — одиночные. К сожалению, для большинства одиночных курганов, размещающихся по Оке, мы не располагаем сведениями об их высоте. Некоторые одиночные курганы имеют весьма значительную высоту — с. Уборы (высота 2,5 м), Еганово (высота 5 м), Городена (высота 4 м). Одиночные курганы обычных размеров в тех случаях, когда раскопки их производились, давали погребения, сходные с теми, которые выявлены в обычных курганных группах (Тушинский курган, раскопанный Р. Л. Розенфельдтом в 1967 г.).

Интересно взаиморасположение курганных групп и соответствующих им селищ. Для случаев, где имеются соответствующие планы, выявлена закономерность, выражающаяся в том, что селища, как правило, располагаются ближе к воде, на сниженных береговых террасах, в то время как соответствующие им курганные группы размещены на более высоких участках береговых террас и больше удалены от воды (Серафимо-Знаменский скит, Ивановское, Каблуково 2). Впрочем, иногда курганные группы и соответствующие им селища находятся на равном удалении от реки, составляя как бы единую линию (Громково, Каблуково 1).

Трудно с определенностью сказать, были ли какие-либо закономер-

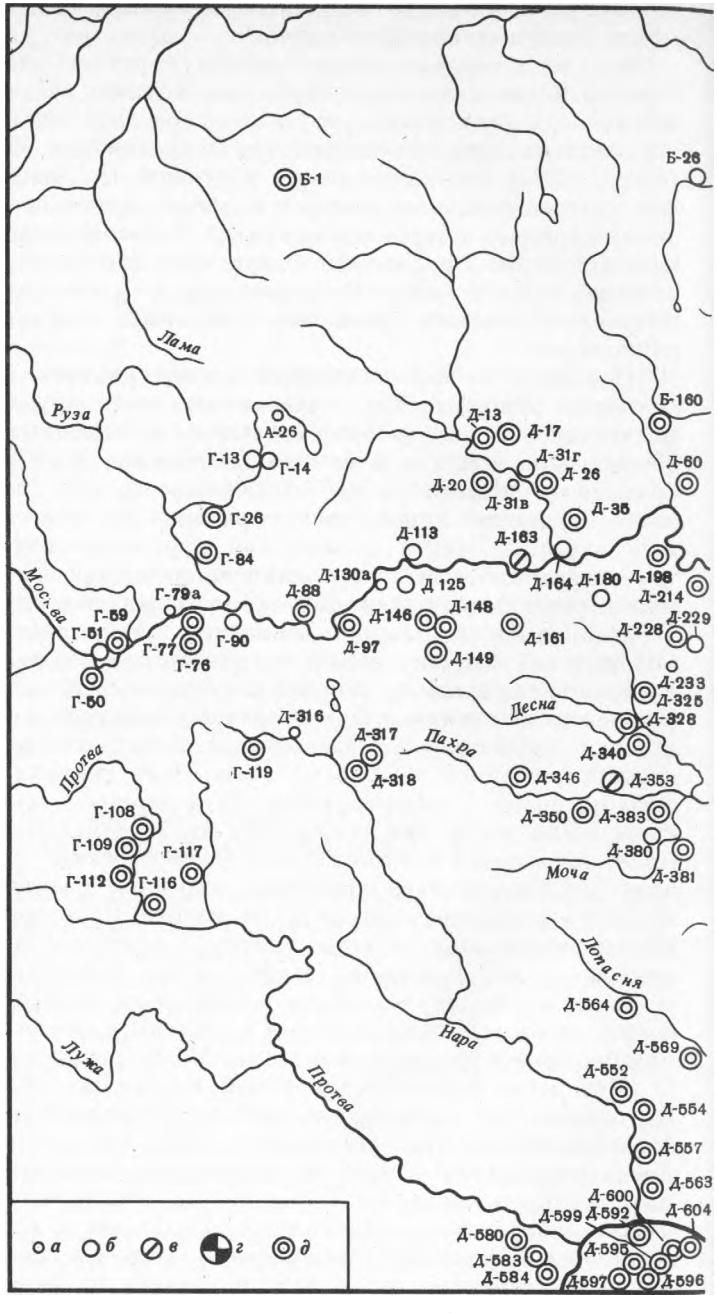
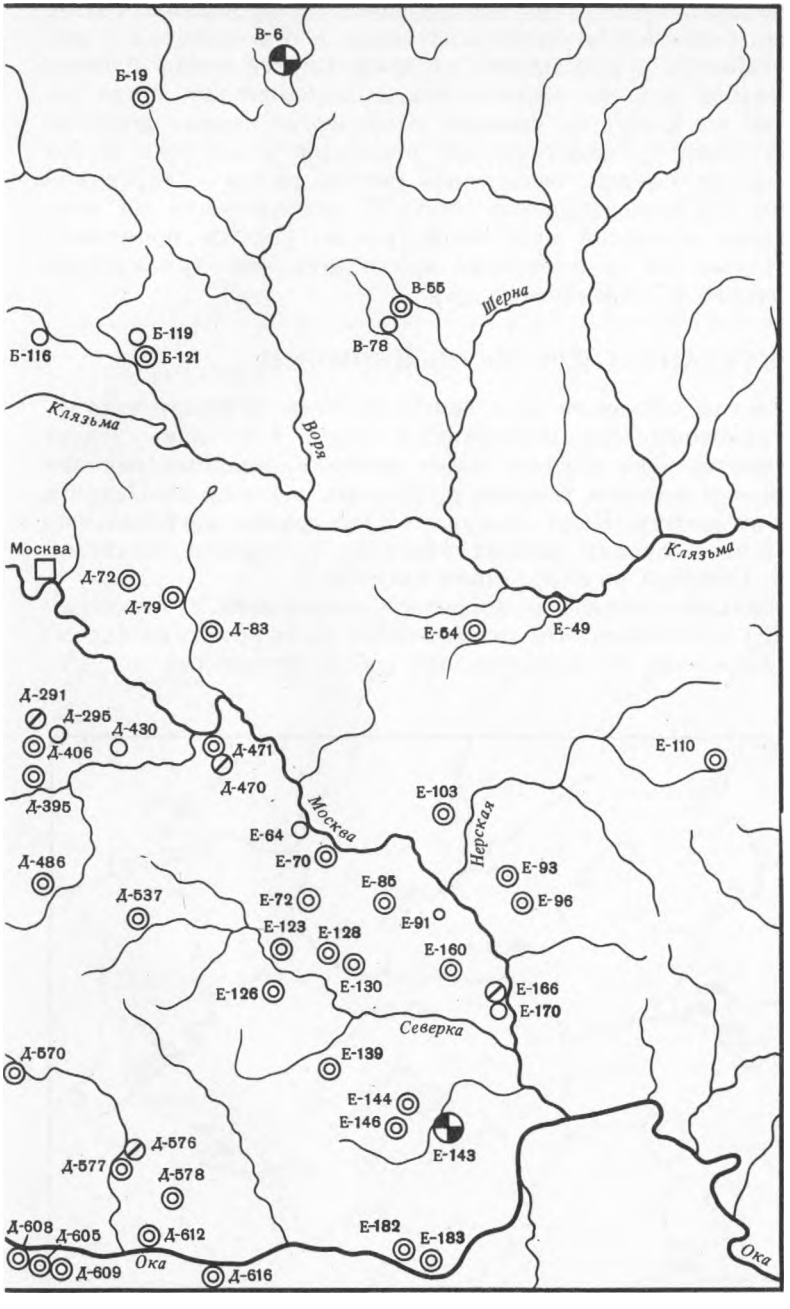


Рис. 43. Размещение одиночных курганов на территории Московской земли

а — курганы высотой до 1 м; б — курганы высотой 1,1—2 м; в — курганы высотой 2,1—5 м; г – курганы высотой более 5 м; д – курганы, высота которых неизвестна


В-6
Б-19
В-55
Шерна
В-78
Б-116
Б-119
Б-121
Клязьма
Воря
Москва
Д-72
Д-79
Д-83
Клязьма
Е-54
Е-49
Д-291
Д-295
Д-430
Д-406
Д-471
Д-470
Д-395
Е-110
Е-103
Москва
Нерская
Е-64
Е-70
Д-486
Е-93
Е-96
Е-85
Д-537
Е-72
Е-91
Е-123
Е-128
Е-160
Е-126
Е-130
Е-166
Е-170
Северка
Д-570
Е-139
Е-144
Е-146
Е-143
Д-576
Д-577
Д-578
Д-608
Д-605
Д-612
Е-182
Е-183
Ока
Д-609
Ока
Д-616

ности в расположении селищ и соответствующих им курганных групп. Попытки выяснить соответствие курганных групп и относящихся к ним селищ никаких стабильных результатов не дали. Скорее всего, древний обычай в значительной степени соответствовал современному, когда нередко на одно и то же кладбище свозили умерших из разных деревень (но иногда одной деревне соответствовало отдельное кладбище). В тех редких случаях, когда селище находилось совсем рядом с курганной группой и можно с определенностью сказать, что умершие на этом поселении погребены в данной курганной группе, удается подметить, что на каждую 1 тыс. кв. м поселения приходится два—три кургана (комплексы Каблуково 3, Стрелково и др.).

КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ

На территории Московской земли известно 12 случаев (в девяти курганных группах) трупосожжения погребенных (рис. 44). Как следует из карты, большинство этих случаев имеет место в западных районах Московской земли — в верхнем течении р. Москвы, а также на Пахре и в некоторых других местах. Надо думать, что эта группа погребальных памятников тяготеет к ареалу ранних курганов с тоупосожжениями, выделенных В. В. Седовым на территории вятичей[62].

Анализ погребального обряда и инвентаря погребений с трупосожжениями (табл. 26) показывает, что подавляющая часть кремаций (кроме Горышкино[63] и Стрелково[64]) представляет собой безурновые погребе-

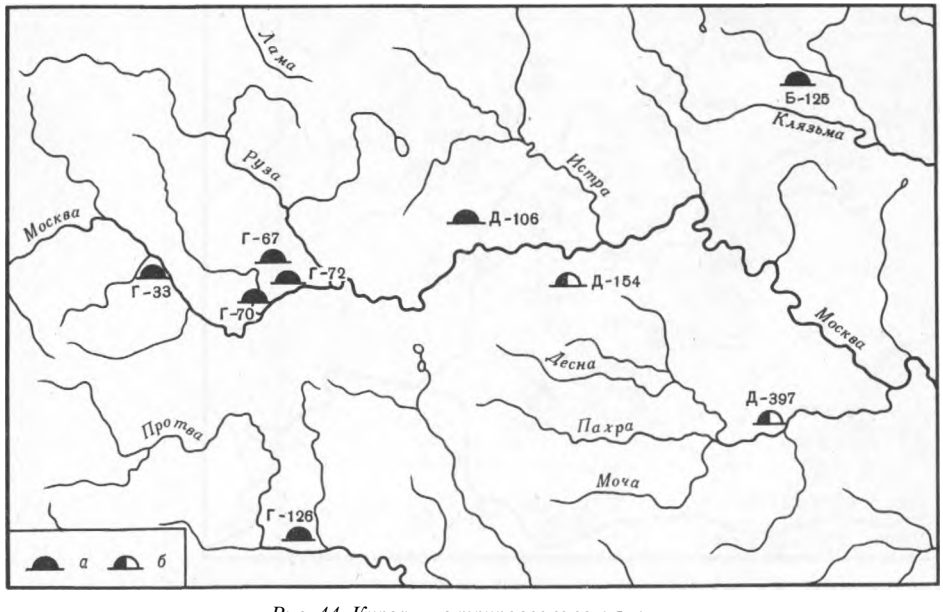


Рис. 44. Курганы с трупосожжениями
а — безурновые трупосожжения; б – трупосожжения в деревянных камерах

Таблица 26. Характеристика погребального обряда и инвентаря погребений с трупосожжениями

Памятники	Трупосожжение в камере	Безурновые	Одиночные трупосожжения	Совместно с трупоположением	Сожжение на месте	Сожжение на стороне	Погребение в насыпи	Погребение на горизонте	Погребение в могильной яме	Находки	Находки в сопутствующих погребениях по обряду трупоii вложения
1. Красный стан 2		+	+		+			+			
2. Тушков городок		+	+		+			+		Пережженная гончарная керамика X–середины XI в.	
3. Стрелково	+	+		+		+	+			Пережженная пряжка	Семилопастные ранние, бубенчик с щелевид. прорезью, бусы
4. Горышкино 1	+	+	+			+		+		Оплавившаяся бусина	
5. Горышкино 2	+	+		+		+				Пережж обломок лепного сосуда	
6. Кузнецовка		+	+		+				+		
7. Беницы		+	+		+					Лепная керамика Хв.	

Таблица 26 (***окончание)***

Памятники	Трупосожжение в камере	Безурновые	Одиночные трупосожжения	Совместно с трупоположением	Сожжение на месте	Сожжение на стороне	Погребение в насыпи	Погребение на горизонте	Погребение в могильной яме	Находки	Находки в сопутствующих погребениях по обряду трупоположения
8. Новинки 1		+			+			+		Неясные медные вещи	
9. Новинки 2		+			+			+			
10. Кораллово 1		+			+					Остатки семилопастного височного кольца	
11. Кораллово 2		+			+						
12. Фоминское		+	+		+			+			
13. Ворон цово		+	+		+						

ния, не имеющие деревянных камер. Это погребения: Красный Стан 2 [65], Тушков городок [66], Кузнецовка [67], Беницы [6], Новинки [69], Кораллово [70], Фоминское[71]. За исключением крайне небольшого числа случаев, трупосожжения совершались на месте на уровне горизонта. Лишь однажды оно было в насыпи (Стрелково) и в одном случае пережженные кости были обнаружены в могильной яме (Кузнецовка).

Известны случаи, когда трупосожжения встречаются под одной курганной насыпью с трупоположениями (Стрелково, Горышкино), что дало основание Н. Г. Недошивиной говорить о преемственности этих двух обрядов [12].

Вещевой инвентарь погребений с трупосожжениями крайне скуден: это, как правило, пережженые вещи (пряжка, бусины, керамика). Вследствие этого датировка кремаций затруднительна. Лишь в двух случаях исследователи на основании керамики сочли возможным датировать погребения. Речь идет о кургане у Тушкова городка (М. Г. Рабинович) — X — середина XI в. и в Веницком кургане (А. В. Успенская) — X в. Известны случаи встречаемости при кремациях остатков семилопастных височных колец (Кораллово). Семилопастные встречаются и при сопутствующих кремациям погребениях с трупоположениями (Стрелково). В этих случаях, видимо, вслед за некоторыми исследователями (Г. Ф. Соловьева [73], С. А. Изюмова [74]) необходимо ставить вопрос о пережитках обряда трупосожжения, сохранившихся вплоть до XII в.

В целом же обряд трупосожжения не характерен для древнего Подмосковья, единичные случаи погребений, совершенных по этому обряду, представляются явлением случайным и пережиточным.

- КУРГАНЫ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЯМИ

Основной и самой многочисленной категорией погребальных памятников являются курганные группы, содержащие погребения, совершенные по обряду ингумации умерших. Их, как отмечалось выше, известно более 900.

Погребальный обряд, а также вещевые комплексы этих курганов подробным образом изучены Н. Г. Недошивиной [75] и Т. В. Равдиной [76]. Напомним, что обе исследовательницы пришли к негативным выводам в отношении возможности выделения племени вятичей на основании таких археологических данных, как погребальный обряд и вещевые комплексы (считавшиеся ранее сугубо вятичскими). Единственной этнически определяющей категорией вещей, по заключению Т. В. Равдиной, являются височные кольца. Очевидно, что нашей задачей становится анализ набора височных колец в раскопанных погребениях, причем наиболее полную информацию должны давать, видимо, те курганные группы, которые раскопаны полностью или почти полностью. Их на территории Московской земли насчитывается 21 (табл. 27; рис. 45). Из таблицы следует, что погребения с семилопастными височными кольцами содержатся почти во всех раскопанных курганных группах (за исключением двух). В подавляющем большинстве групп содержатся погребения лишь с семилопастными височными кольцами и только в четырех случаях (Беседы, Биостанция МГУ, Григорово и Шишимрово) они сочетаются с погребениями, имеющими браслетообразные височные кольца, причем в трех из четырех случаев это единичные погребения. Остальные типы височных колец отсутствуют.

Однако при картографировании этих данных желательно привлечь также сведения о височных кольцах в курганных группах, раскопанных лишь частично (рис. 46). Полученная карта позволяет прояснить некоторые вопросы, являвшиеся предметом дискуссии 1937 г. Карта показывает, что семилопастные височные кольца размещаются повсеместно по течению р. Москвы и к югу от нее, составляя как бы единый монолит. Тем не менее на этой территории встречаются немногочисленные погребения с браслетообразными височными кольцами [77] (их всего семь в смешанных группах), размещаются они почти исключительно по течению р. Москвы. Видимо, на этой реке, которая являлась транзитной, оседало различное население.

В целом, если признать такой элемент костюма, как височные кольца, этнически определяющим (а другими археологическими признаками, к сожалению, мы не располагаем), то следует констатировать, что бассейн р. Москвы в своей основной части в XII—X111 вв. был занят этнически однородным населением — носителями семилопастных височных колец.

Таблица 27. Набор височных колец в курганных группах, раскопанных полностью или почти полностью

Памятник	Число курганов, в том числе раскопанных (в скобках)	Число погр. с семилопаст. и пятилопаст. височ. кольцами	Число погр. с браслетообразн. височными кольцами
1. Беседы (Д—304)	38(35)	22	1
2. Биостанция МГУ (Д—119)	10(10)	5	1
3. Богдановна (Д—439)	5(5)	1	
4. Высочково (А—6)	7(7)		
5. Григорово (Д—93)	14(14)	6	1
6. Добрятино (Д—386)	7(7)	4	
7. Балчуга (Д—165А)	9(9)	3	
8. Клопово (Д —137)	11(9)	1	
9. Копки (Д—ЮЗА)	11(11)	6	
10. Колоколово (Е—84)	10(7)	4	
11. Митино (Д—52)	6(6)	2	
12. Митяево (Г –105)	11(10)	2	
13. Новлинское (Д—449)	22(22)	8	
14. Стрелкове (Д—397)	24(20)	6	
15. Суворово (Е —163)	12(12)	2	
16. Тупичино (Д—477)	4(3)	1	
17. Авдотьино (Ушмары) (Д—517)	7(5)	3	
18. Черемушки (Д—239)	16(16)	6	
19. Чернево (Д—49)	15(15)	7	
20. Шишимрово (Г—71)	30(30)	3	14
21. Яуза (Д-61)	4(4)		

На основании приведенной карты (включающей и более поздние материалы раскопок, не вошедшие в работу А. В. Арциховского), можно несколько уточнить границу между носителями семилопастных и браслетообразных височных колец. Западная граница проходит близ групп памятников по верхнему течению р. Москвы (Г—71, 72 — Шишимрово [78], Г —74 — Савино[79]), в которых погребения смешаны. Расположенные поблизости Воронцовские курганы (Г —70) являются чисто кривичскими [80]. На средней Истре в вятичский ареал должна быть включена группа памятников, содержащих погребения только с семилопастными височными кольцами (Г—6 — Дьяково [81], Г — 9 — Покров [82], Г—24 — Волынщина [83], Г—28 — Вишенка [84]). В Захряпинской курганной группе имеются смешанные височные кольца (Г—7) [85].

Бассейн р. Истры А. В. Арциховский на основании раскопок К. Я. Виноградова считал кривичским [86]. Однако на левых притоках этой реки и на самой Истре имеются погребения и с семилопастными височными кольцами: Поворино (Б—8) [87], Лопатово (Б —50) [88]. Смешанные височные кольца встречены в курганных группах между с. Рождествено и Зеленково[89], у д. Шейка[90]. Таким образом, на р. Истре в ее нижнем течении встречены преимущественно погребения с браслетообразными височными кольцами, а в верхнем — с семилопастными.

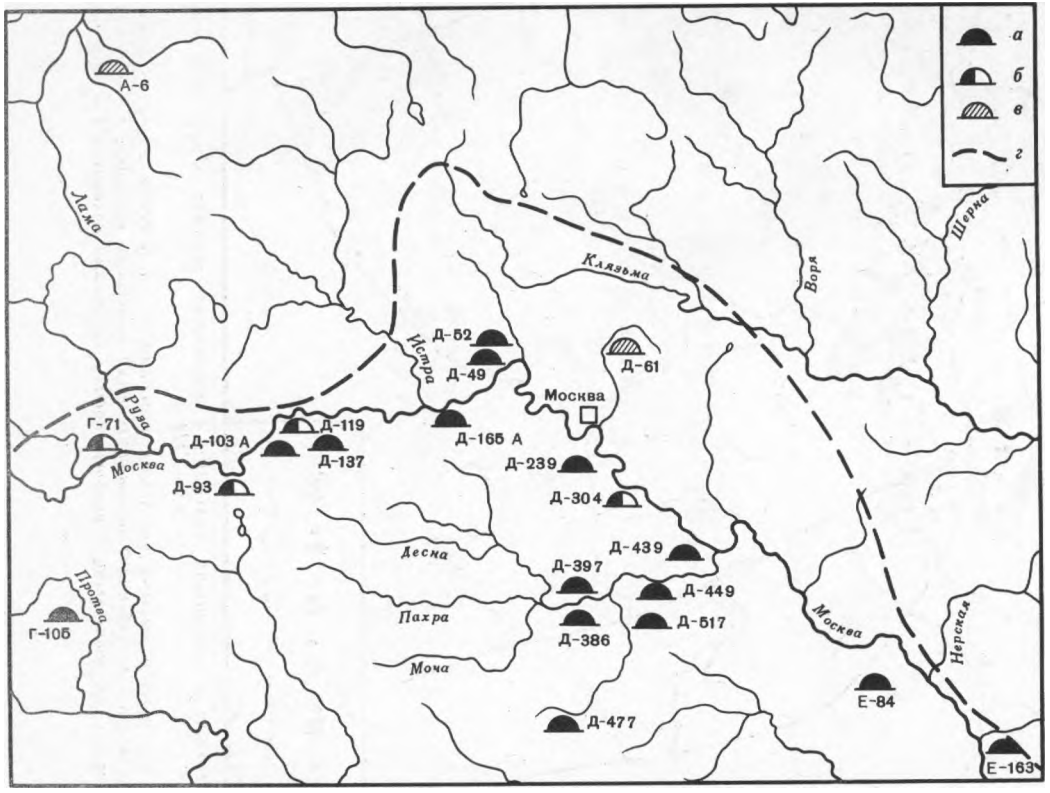


Рис. 45. Курганные группы Московской земли, раскопанные полностью или почти полностью

а — курганные группы, содержащие погребения только с семилопастными височными кольцами; б — курганные группы, содержащие погребения с семилопастными и браслетообразными височными кольцами: в — курганные группы, не содержащие погребений с семилопастными и браслетообразными височными кольцами: г — граница вятичского ареала по А. В. Арциховскому и Т. В. Ра единой

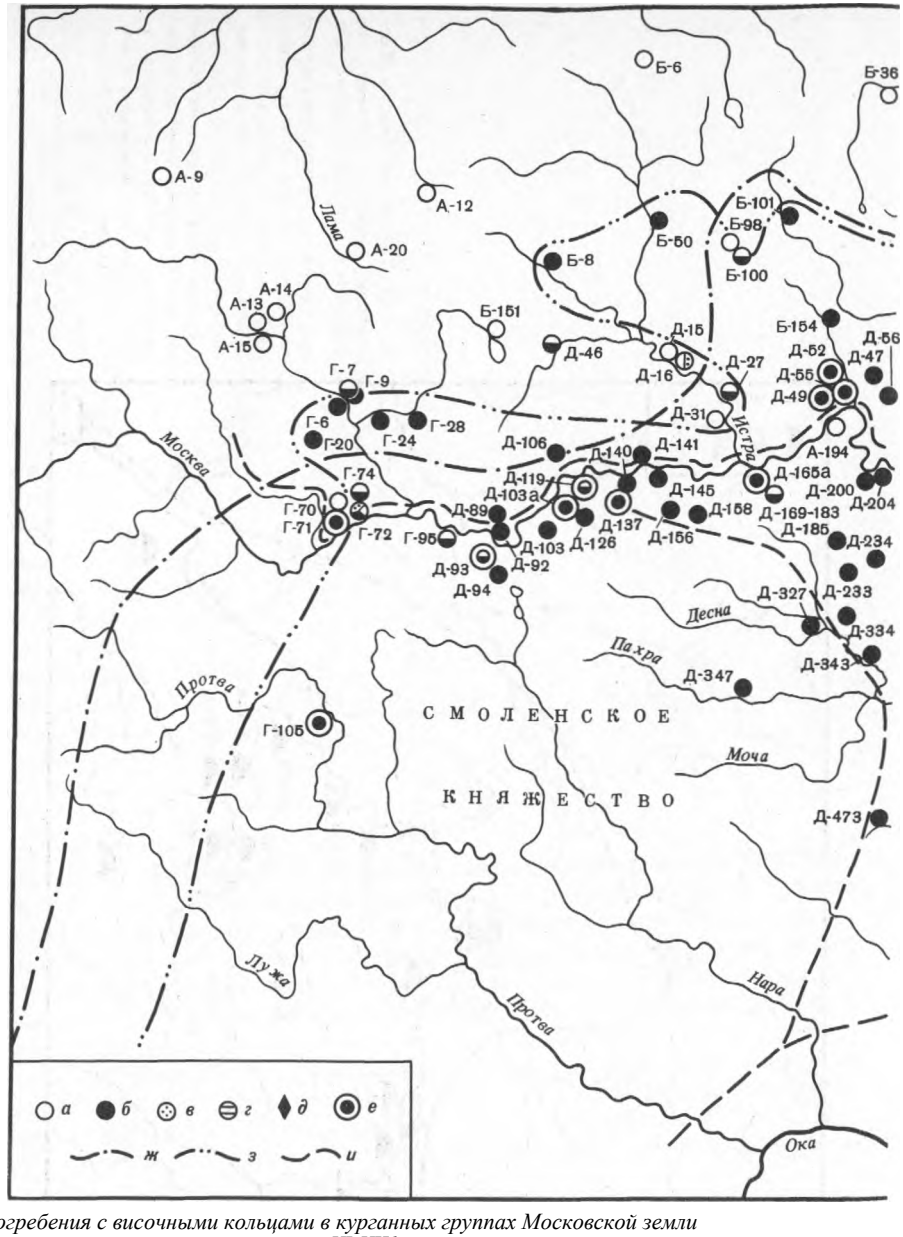
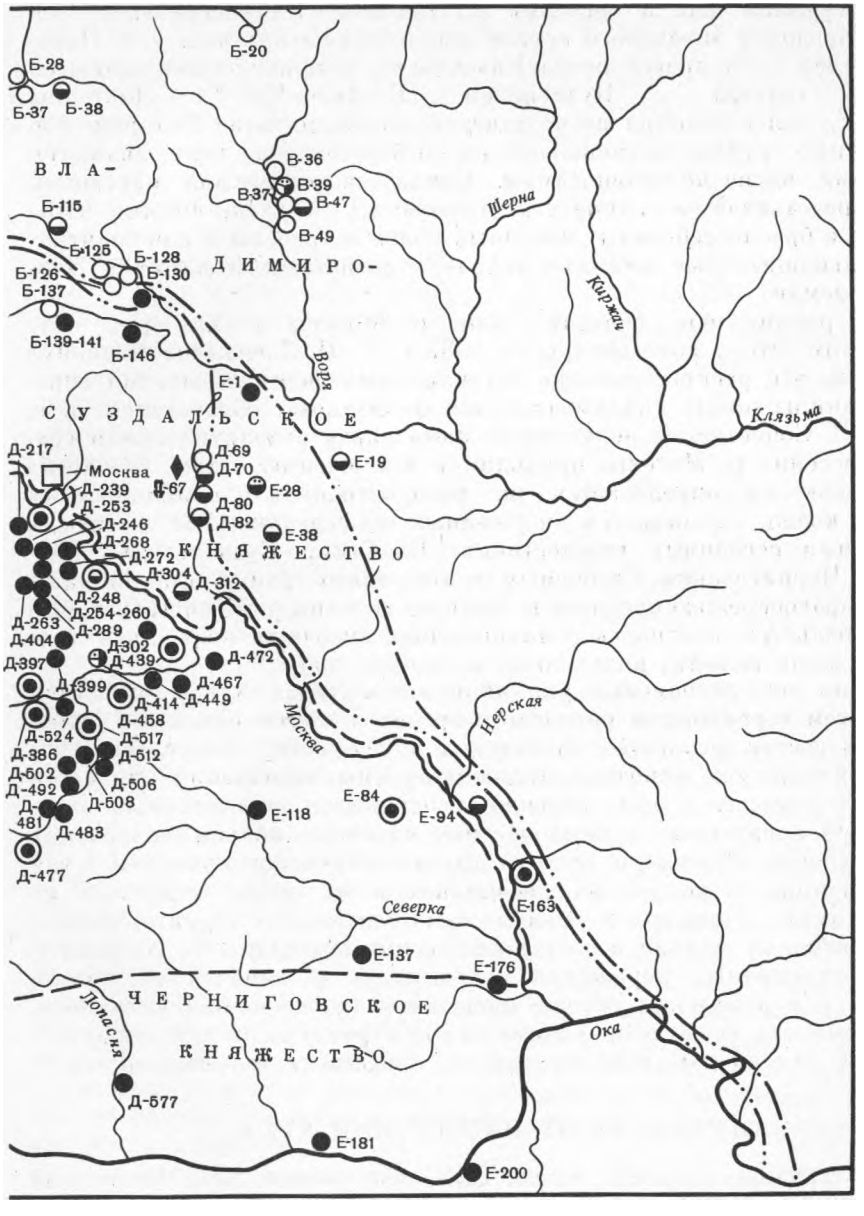


Рис. 46. Погребения с височными кольцами в курганных группах Московской земли XI-XIII в.

а – погребения с браслетообразными височными кольцами; б — погребения с семилопастными височными кольцами; в – погребения с овальнощитковыми височными кольцами; г – погребения с браслетообразными, семилопастными и ромбощитковыми височными кольцами; д — погребения



с браслетообразными, семилопастными, ромбощитковыми и овальнощитковыми височными кольцами; е — курганные группы, раскопанные полностью; ж – граница вятичского ареала по А. В. Арциховскому и Т. В. Равдиной; з – предлагаемая автором граница вятичского ареала; и — политические границы княжеств середины XII в.

Далее граница шла к бассейну р. Клязьмы. Близ верховьев этой реки вне пределов вятичского ареала расположены курганы у д. Поваровки (Б —98) [91]. На правобережье Клязьмы чисто кривичскими являются курганные группы у Кузнецовки (Б —125—126) [92], Листвяны (Б—128) [93]. Далее граница располагалась, очевидно, близ Пехорки, ибо все курганные группы, размещающиеся по берегам этой реки, являются смешанными вятичско-кривичскими. Самой разноэтничной курганной группой представляется группа у д. Акатово (Д—67), где помимо семилопастных и браслетообразных височных колец встречены и ромбощитковые и овальнощитковые височные кольца [94], свойственные жителям Новгородской земли.

Далее граница шла, очевидно, близ р. Москвы к Оке (рис. 46).

Вспомним, что в ходе дискуссии 1937 г. Г. П. Третьяков выдвинул тезис о том, что распространение тех или иных форм украшений определяет границы новых складывающихся феодальных образований, т. е. княжеств [95]. Сопоставляя полученную нами карту с политическими границами бассейна р. Москвы, приходим к заключению о том, что ареал вятичей, как он определяется по распространению семилопастных височных колец, оказывается поделенным к середине XII в. между крупнейшими соседними княжествами: Владимиро-Суздальским, Смоленским и Черниговским. Свободным от княжеских границ остается лишь район по правобережью среднего и нижнего течения р. Москвы, который имеет наибольшую плотность семилопастных височных колец, что подтверждает наши выводы, полученные во второй главе.

Очевидно, что летописные упоминания о вятичах XII в. относятся именно к тем территориям вятичского ареала, которые оказались включенными в состав различных княжеских объединений. Безусловно, что вятичи этой поры уже миновали стадию племенных отношений. От былого племенного единства у них, очевидно, сохранился единственный этнографический показатель — семилопастные височные кольца на женских головных уборах. Возможно, были и другие этнические признаки. Судя по упоминаниям о княжеских посадниках в их среде, отдельные их области входили, очевидно, в качестве самостоятельных территориально-административных единиц в состав княжеских объединений. Не исключено, что племенные пережитки сохранились у вятичей не только в костюме и в языческом обычае насыпания курганов над умершими, но и в элементах социально-экономической структуры, о чем по археологическим материалам пока судить не представляется возможным.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ XIV в.

Как мы старались показать выше, XIV век явился для Московской земли периодом, когда шел процесс возвышения Московского княжества, связанный с колоссальным притоком населения в бассейн р. Москвы. К сожалению, памятники XIV в. археологически исследованы очень мало. Если обследование сельских поселений проводилось в связи с проблемой складывания крупного феодального землевладения, то погребальных памятников этой поры известно очень немного. Очевидно, что представители княжеской верхушки и крупной боярской знати погреба-

лись в городах, на территории своих иатропальных монастырей и церквей, в которые они делали прижизненные вклады. Что же касается рядовых сельских погребений этой поры, то за последние годы удалось наметить тот вид археологических памятников, который им соответствовал: это грунтовые могильники с намогильными памятниками в виде валунных камней. В виду трудности их обнаружения (камни нередко использовались при строительстве, а также зачастую затягивались землей и растительностью) памятников этой категории известно пока небольшое количество (рис. 47). Причем, как правило, эти могильники располагались среди прицерковных кладбищ, продолжавших функционировать и в более позднее время. Впрочем, иногда встречаются погребальные сооружения, состоящие только из намогильных валунных камней (Зосимова пустынь площадью около 9 тыс. кв. м). Намогильные камни имеют различную форму: от больших подпрямоугольной формы камней размером около 1Х1 м (Михайловское) до бесформенных небольших валунов (Зосимова пустынь).

Рис. 47. Погребальные памятники Московской земли XIV в. (грунтовые могильники)

Раскопки этой категории памятников только начинаются, и мы, к сожалению, пока не имеем случаев надежной их датировки. Поскольку подобные погребения знаменуют переход к христианскому обряду погребения, основным датирующим материалом здесь должны быть кресты. Кресты XI—XV вв. хорошо известны, но они пока найдены не при погребениях с намогильными валунными камнями, а как подъемный материал с территории разрушенных кладбищ XIV —XV вв. (Михайловское, Озерецкое). Раскопанное нами погребение под валунным камнем в с. Михайловском дало парное — женское и детское погребение без вещей [96]. Предпринятые нами раскопки кладбища у Зосимовой пустыни в одном случае дали детское погребение также без вещей [97], в другом случае расчистить обнаруженные погребения не удалось из-за высокого уровня грунтовых вод .

Дальнейшее исследование грунтовых могильников XIV в. — дело ближайшего будущего.

[1] *Чертков А. Д.* О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н. А. Толстого// Русский истор. сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских. М., 1839. Т. 3 Кн. 3. С. 284—292; *Он же.* Описание найденных в Звенигородском уезде древностей // Зап. СПб. археолого-нумизмат. об-ва. 1849. Т. 1.

[2] *Нечаев С. Д.* Известия о разрытии десяти курганов в Броницком уезде // Временник Московского об-ва истории и древностей Российских. 1855. Кн. 22. Смесь. С. 7, 8.

[3] *Гатцук А. А.* О раскопках в курганах Московской губернии, произведенных им летом 1864 г.//Древности. М., 1865 — 1867. Т. 1; *Он же.* Исследование курганов Московской губернии в 1863 и 1864 гг. М., 1865.

[4] *Керцелли Н. Г.* Отчет о произведенных им раскопках курганов Рузского и Подольского уездов Московской губернии//ИОЛЕА. 1879. Т. XXI. С. И.

[5] *Кельсиев А. И.* Сообщение о раскопках шести курганов в районе г. Ростиславля // Антроп. выставка. М., 1878. Т. 11; *Он же.* Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной // Древности. М., 1885. Т. X. С. 30—45.

[6] *Лыжин Н. И.* Курганы с. Косина//ИОЛЕА. 1890. Т. X1ЛХ. Вып. 5. С. 735—739.

[7] *Миллер В. Ф.* Курганный могильник близ с. Троицкое-Кайнарджи Московского уезда//ИОЛЕА. 1890. Т. LXVIII. Вып. V. С. 182-186.

[8] *Кожевников А. Я.* Раскопка нескольких курганов в Вроницком уезде Московской губернии//АИЗ. 1893. Т. II, №3-4.

[9] *Шеппинг О. Д.* Курганы с. Конькова // Древности. М., 1900. Т. XV. С. 149—151.

[10] *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы//МИА. 1947. JVs 7. С. 93.

[11] *Саблин М. А.* Список курганов Московской губернии // ИОЛЕА. 1879. Т. XXXV.

[12] *Беляев И. Д. О* раскопках курганов, произведенных в 1838 и 1854 гг.//ИОЛЕА. 1876. Т. XX. С. 5.

[13] *Гатцук А. А.* Исследование курганов ... С. 10.

[14] *Богданов А. П.* Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии / ИОЛЕА. 1867. Т. IV. Вып. IV; *Он же.* Курганное племя Московской губернии. М., 1895.

[15] *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗОРСА. 1899. Т. XI. Цит. по: *Бадер О. Н.* Материалы ... С. 92.

[16] *Сизов В. И.* О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно так называемого московского типа //АИЗ. 1895. № 6. С. 179 — 188.

[17] *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. Т. VIII.

[18] *Третьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным// СА. 1937. IV. С. 3.

[19] *Спицын А. А.* Расселение ... С. 338.

[20] *Третьяков П. Н.* Расселение ... С. 3—50.

[21] *Арциховский А. В.* В защиту летописей и курганов // СА, 1937. IV. С. 53— 60.

[22] *Третьяков П. Н.* Археологические памятники древнерусских племен //Уч. зап. ЛГУ. 1949. №85. С. 258-285.

[28] *Арциховский А. В.* Беседские курганы // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 101; *Он же.* Царицынские курганы//МИА. 1947. №» 7. С. 77—81; *Монгайт А. Л.* Салтыковские курганы//Там же. С. 82—87; *Латышева Г. П.* Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья (Труды МИРМ). 1954. Вып. 5. С. 39—56; *Успенская А. В.* Звенигородские курганы // КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 124 — 132; *Авдусина Г. А.* Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археол. сборник. М., 1962. С. 272—289; *Краснов Ю. А.* Курганы с трупосожжениями у д. Горышкино//СА. 1962. №3. С. 302—304; *Равдина Т. В.* Царицынские курганы // СА. 1963. №° 4. С. 213—216; *Она же.* Шишимировские курганы // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 222—227; *Арциховский А. В.* Большой Беседский курган // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 102—105; *Векслер А. Г.* Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой // Там же. С. 122—127; *Юшко А. А.* Раскопки кургана XI—XII вв. у с. Покров Московской области // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 48—53; *Она же.* Покровские и Стрелковские курганы//СА. 1972. С. 185—198; *Розенфелъдт Р. Л.* Захрянинские курганы XII—XIII вв. на р. Рузе // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 103—105; *Он же.* Григоровские курганы ХП^-ХШ вв.//КСИА. 1967. Вып. 110. С. 106—109; *Он же.* Константиновские и Залесьевские курганы//СА. 1966. № 4. С. 202—204; *Он же.* Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожае в Московской области // КСИА. 1973. Вып. 135; *Он же.* Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг. //СА. 1973. С. 192—200; *Недошивина Н. Г.* Акатовский курганный могильник XI—XII вв. в Подмосковье//Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 214—227; *Она же.* Новленские курганы // АО 1969 г. М., 1970. С. 69.

[24] *Арциховский А. В.* Основные вопросы археологии Москвы//МИА. 1947. №7. С. 19.

[25] *Арциховский А. В.* Основные вопросы ... С. 15; см. также: *Он же.* Беседские курганы. . . С. 101; *Он же.* Большой Беседский курган. М., 1970. С. 102 — 105.

[26] Раскопки кургана 1 у с. Покров, аналогичного большому Беседскому кургану, не

позволяют отнести его к памятникам типа Шаньково и Почепок *(Юшко А. А.* Покровские и Стрелковские курганы. . . С. 189, 190).

27 *Бадер О. Н.* Материалы. . . С. 88—167; *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края//МИА. 1947. №7. С. 168—178.

28 *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен // СА. 1956. XXV. С. 138—172.

29 *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. С. 205 - 248.

30 Там же. С. 205, 208.

31 Там же. С. 212, 214.

32 *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. 1961. № 2. С. 120.

33 *Соловьева Г. Ф.* К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв.//СА. 1963. №2. С. 96, 106.

34 *Гуревич Ф. Д.* О восточной ориентировке славянских погребений//КСИА. 1971. Вып. 125. С. 21.

35 *Недошивина Н. Г.* Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв. // Автореф. канд. дисс. М,, 1974. С. 10.

36 *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. С. 103. Прим. 30.

37 *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М,, 1966. С. 246, 248.

38 *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне// СЭ. 1947. VI —VII. С. 91 — 93.

39 *Тимофеев Е. И.* Юго-западная группа восточных славян по археологическим данным X—XIII вв. // Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та 1961. Т. VI. С. 67.

40 *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен. . .

41 *Недошивина Н. Г.* Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. с. 182-196.

42 Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.//Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 6.

43 *Равдина Т. В.* О датировке вятичских курганов // СА. 1965. № 1. С. 128; *Она же.* Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 136—142; *Недошивина Н. Г.* О датировке Белевского клада //Там же. С. 118—121.

44 *Седов В. В.* Ранние курганы вятичей //КСИА. 1973. Вып. 135. С. 10—16.

45 Следует отметить, что карта, составленная А. А. Спицыным, была найдена после его смерти в картографическом фонде библиотеки ИИМК. Схема ее была опубликована П. Н. Третьяковым в 1949 г. *(Третьяков П. Н.* Археологические памятники. . . С. 262).

46 *Равдина Т. В.* Семилопастные височные кольца//Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 184; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. . . С. 10 (вклейка), 67, 121 и др.

47 *Недошивина Н. Г.* Погребальный обряд. . .

48 *Равдина Т. В.* Хронология «вятичских» древностей // Автореф. канд. дисс. М., 1975.

49 *Равдина Т. В.* Типология и хронология. . .

50 *Равдина Т. В.* Хронология «вятичских» древностей. . . С. 15.

51 *Никольская Т. В.* Земля вятичей ... С. 97—120.

52 *Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси // Вопросы истории. 1960. № 9. С. 23.

53 *Арциховский А. В.* Курганы вятичей ... С. 123—128.

54 *Третьяков П. Н.* Археологические памятники ... С. 268.

55 *Зайцев А. К.* Домагощ и границы «вятичей» XII в. // Историческая география России XII—начала XIII в. М., 1975. С. 21—30.

56 Данные взяты из указателя к первым восьми томам ПСРЛ (СПб., 1907. Отдел второй); привлекаются также сведения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

57 ПСРЛ. Т. I. С. 12, 27, 35.

58 *Зайцев А. К.* Домагощ ... С. 23—25.

59 ПСРЛ. Т. I. С. 137; Т. II. С. 30.

60 Всякие подсчеты, связанные с числом курганов в группе, могут страдать неточностями в связи с тем, что современный количественный состав курганных групп (мы, однако, всегда, когда это возможно, учитывали наиболее ранние сведения о количестве курганов) может отличаться от первоначального ввиду распашки и уничтожения курганов. Априорно этот процесс стихийного исчезновения курганов можно признать одинаково повсеместным, вследствие чего он вряд ли существенно отразился на общих подсчетах.

61 Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV —XIX вв. М., 1955. С. 13.

[62] *Седов В. В.* Ранние курганы вятичей . . . Рис. 4. С. 11.

[63] Исследовавший вторую курганную группу Ю. А. Краснов пишет, что эта группа состоит из двух курганов. Однако наши обследования группы в 1981 г. показали, что в группе три насыпи.

[64] *Юшко А. А.* Отчет о работе Подольского отряда в Московской области в 1967 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 3433, 3433А.

[65] *Арциховский А. В.* Отчет о раскопках на правом берегу р. Москвы в 1929 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Д. 112.

[66] *Рабинович М. Г.* Крепость и город Тушков // СА. 1959. № XXIX—XXX. С. 266.

[67] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. . . С. 106.

[68] *Успенская А. В.* Древнерусское поселение Вениць //Ежегодник РИМ 1962 г. М., 1964. С. 228.

[69] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. . . С. 106.

[70] *Виноградов К. Я.* Курганные раскопки в Звенигородском уезде // Бюлл. Звенигородского общества по изучению местного края. 1926. №3—4.

[71] *Станюкович А. К.* Отчет о комплексных археологических исследованиях на территории -Ленинского р-на Московской обл., Лискинского р-на Воронежской обл. и Темрюкского р-на Краснодарского края //Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 7998.

[72] *Недошивина Н. Г.* Погребальный обряд ... С. 11.

[73] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен ... С. 144.

[74] *Изюмова С. А.* Курганы у д. Слевидово // СА. 1970. № 4.

[75] *Недошивина Н. Г.* Погребальный обряд . . .

[76] *Равдина Т. В.* Хронология «вятичских» древностей. . .

[77] Они, как правило, составляют единичные погребения среди курганных могильников с семилопастными височными кольцами.

[78] *Равдина Т. В.* Шишимровские курганы. С. 222—227.

[79] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. . . С. 117.

[80] Там же.

[81] Сведения Т. В. Равдиной.

[82] *Дубинин А. Ф.* Отчет о работах Можайской экспедиции ИА АН СССР в 1956 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 1312, 1312А.

[83] Там же.

[84] *Виноградов К. Я.* Отчет о работах в Орловской и Московской губерниях в 1927 г. // Архив ОИ АН СССР. Р. 2. Д. 172.

[85] *Розенфельдт Р. Л.* Захряпинские курганы ... С. 103—105.

[86] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей ... С. 118.

[87] *Виноградов К. Я.* Отчет о работах . . .

[88] *Городцов М. В., Смирнов А. П.* Археологические разведки верховьев р. Истры и ее притоков в 1924 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Д. 177.

[89] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей ... С. 187.

[90] *Виноградов К. Я.* Отчет о раскопках в бассейне р. Истры Московской губернии, в Воскресенском, Можайском и Волоколамском уездах // Архив ЛОИА. Ф. 2. Д. 111. 1926 г. Как следует из отчета, семилопастное височное кольцо здесь выявлено лишь одно, все остальные — браслетообразные.

[91] *Латышева Г. П.* Отчет о раскопках курганов у станций Матвеевская (Киевской ж/д) и Поваровка (Октябрьской ж/д) в 1954 г.//Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 980; *Она же.* Отчет о раскопках у ст. Поваровка Октябрьской ж/д Московской области в 1955 г. // Там же. Д. 1134.

[92] *Киселев С. В.* Кузнецовские курганы // СА. 1936. № 1. С. 247 — 254.

[93] *Равдина Т. В.* Хронология «вятичских» древностей. . .

[94] *Недошивина Н. Г.* Акатовский курганный могильник. . .

[95] *Третьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен ... С. 41.

[96] *Юшко А. А.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 6200, 6200А.

[97] *Юшко А. А.* Отчет об археологических разведках на территории Московской ообласти в 1978 г. Ч. I —II //Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 7991, 7991А.

[98] *Юшко А. А.* Отчет о работе в Москве и в Московской области в 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 8639.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая свое исследование, подведем итоги: в чем же заключаются те исторические закономерности, которые позволяет выявить изучение археологических памятников Московской земли XI—XIV вв.?

Почти для всей «Русской земли» это был уже период развитого феодализма. Л. В. Черепнин писал в свое время, что той гранью, с которой следует начинать историю феодальной формации, может служить образование феодального государства [1]. В изучаемом регионе, как мы проследили выше, этот процесс начался с 40-х годов XII в. И он действительно сопровождался сопутствующими ему характерными явлениями, которые удается проследить на археологических материалах: образованием городов, появлением феодальных усадеб в виде укрепленных замков и открытых сельских поселений. Однако своеобразие процесса сложения государственности здесь заключалось в том, что эта единая по материальной культуре территория оказалась поделенной между крупнейшими противоборствующими княжествами — Черниговским, Смоленским, Владимиро-Суздальским и Рязанским. Это своеобразие послужило причиной того, что возникающие на этой территории города выполняли в основном функцию оборонных порубежных центров, возводимых княжеской властью этих полугосударств—княжений. В этом убеждает нас анализ географии их размещения с учетом междукняжеских границ, а также то обстоятельство, что подавляющая часть этих городов оказывается вне основных сгустков населения как в домонгольский период, так и в XIV в.

Очевидно, что процесс проникновения в бассейн Москворечья княжеской власти носил постепенный характер. Начало его относится к концу XI в., когда здесь появляются первые города (Волоколамск, Москва, очевидно, Коломна). Завершение этого процесса происходит к середине XII в. (сложение границ отдельных княжеств), хотя отдельные междукняжеские столкновения имели место и в последующее время. Постепенность этого процесса предполагала существование отдельных районов, куда власть княжеских данщиков долгое время не распространялась. Анализ археологической карты и сопоставление ее с границами государств-княжений помогают выявить один такой район, располагающийся между Звенигородом на севере, устьем Северки на юго-востоке и средним течением р. Нары на юго-западе.

Подобные зоны, не освоенные княжеской властью, выявлялись и другими исследователями Древней Руси, правда, для более раннего времени [2].

Археологические данные дают возможность выявить ряд особенностей, характерных только для этой территории Подмосковья. Прежде всего здесь наблюдается наибольшая плотность населения в домонгольский период, что, очевидно, и послужило преградой для проникновения сюда власти князей. На этой территории нет ни одного крупного города, а те немногочисленные городища, которые здесь выявлены, могут быть отнесены к типу укрепленных центров сельских общинников. Некоторое отставание процессов феодализации, выразившееся в отсутствии городов и феодальных усадеб, проявляется здесь вплоть до XIV в.

Все эти наблюдения позволяют прийти к заключению, что проникновение княжеской власти в бассейн Москворечья было сильно осложнено сопротивлением местного общинного населения в связи с привнесенным характером этой власти, в отличие от регионов, где государственная власть сложилась на местных землях (Черниговское, Владимиро-Суздальское и другие княжества).

Влияние местной общинной среды в значительной мере сказалось и на той структуре сельских поселений, которая, сложившись в раннефеодальный период, продолжала господствовать и в последующее время. Показательно, что археологические данные констатируют некоторое отставание процессов феодализации здесь на протяжении XII—XIII вв., выразившееся в крайне незначительном числе феодальных замков в этот период. Местная общинная среда удивительно однородна, о чем свидетельствуют погребальные комплексы многочисленных курганов.

В целом археологические материалы позволяют выделить три периода в освоении и истории Московской земли IX—XIV вв.

Первый период относится к IX—XI вв. и характеризуется незначительной инфильтрацией сюда свободного общинного населения, проникающего по трем речным магистралям: Клязьме, Москве и Нерской.

С конца XI в. начинается проникновение сюда княжеской власти (появление первых городов), которое особенно интенсивным становится к середине XII в., когда происходит сложение границ отдельных государств-княжений. В этот период возникает основное число городов. Видимо, параллельно с княжеской колонизацией края продолжается миграционный процесс свободного общинного населения, плотность которого в этот период, судя по плотности домонгольских археологических памятников, весьма значительна. Монголо-татарское нашествие, прокатившееся по Московской земле на протяжении XIII в. дважды, несколько сократило процесс освоения территории.

С 1325 г., когда Москва превратилась в столицу великого княжения, начинается третий период в истории Московской земли, характеризующийся колоссальным притоком сюда людских ресурсов, сложением феодальных форм землевладения и освоением оставшихся незаселенными глухих лесных массивов.

[1] *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.//Пути развития феодализма. М., 1972. С. 145.

[2] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978. С. 145.

УКАЗАТЕЛЬ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ КОНЦА IX-XIV в.
(совр. Московская обл.)

А —1 — курганы у с. Глухино (Клинский р-н); А—2 — селище у д. Кузьминское (Волоколамский р-н); А—3 — курганы у с. Курбатово (Волоколамский р-н); А—4, 5 — курганные группы 1 и 2 у д. Дятлово (Клинский р-н); А—6 — курганы у с. Высочково (Волоколамский р-н); А —7 — городище у с. Городище (Волоколамский р-н); А—8 — курганы у д. Московкино (Шаховской р-н); А—9 — курганы у д. Жилые горы (Шаховской р-н); Волоколамский р-н: А—10 — могильник в г. Волоколамске; А—10А — селище у с. Буйгород; А—10Б — селище у с. Теряева Слобода; А—11 — городище в г. Волоколамске; А—12 — курганы у с. Никита Великий; А —13—15 — курганные группы 1 — 3 у д. Ивановской (Шаховской р-н); А —16 — селище в д. Крюково (Волоколамский р-н); А —17 — селище в с. Рюховское (Волоколамский р-н); А —18 — селище в бывшем с. Бели (Шаховской р-н); А—19 — селище в д. Кобылино (Шаховской р-н); А—20 — курганы у д. Красиково (Корсиково) (Волоколамский р-н); Рузский р-н: А—21 — селище у д. Сычево; А—22 — курганы у с. Ивоайлово; А—23, 23А — курганные группы 1, 2 у с. Нижнее Сляднево (Кольчугинские); А—24 — курганы в с. Волкове; А—25 — селище в с. Скирманово; А—26 — курган у д. Козловки; А—27 — селище у с. Нижнее Сляднево; А—28 — селище у Иосифо-Волоколамского монастыря.

Клинский р-н: Б —1 — курган у с. Спасское; Б—2 — курганы у с. Колосово; Б—3 — курганы у с. Терехово; Б—4 — городище у с. Бирево; Б—5 — курган у с. Попелково; Б—6 — курганы у с. Мисирово; Б—7 — курганы у д. Кононово; Б—8 — курганы у д. Повориной (Солнечногорский р-н); Б—9—курган у д. Поповка (Истринский р-н); Б —10— курганы у с. Татищево (Солнечногорский р-н); Б —11 — селище в с. Озерецкое (Дмитровский р-н); Б—12 — курганы у с. Ботино (Солнечногорский р-н); Б —13 — курганы у с. Чеприна (Солнечногорский р-н); Дмитровский р-н: Б —14 — городище у с. Синково; Б —15 — курганы у с. Дятлино; Б —16, 17 — курганные группы 1, 2 у д. Ковригино; Б—18 — селище (городище?) уд. Жестылево; Б—19 — курган ус. Дулина (Загорский р-н); Б—20 — курганы у д. Псарево (Загорский р-н); Б —21 — селище в Г; Дмитрове; Б —22 — городище в г. Дмитрове; Дмитровский р-н: Б—23 — селище у с. Пермилово; Б—24 — курганы у с. Пермилово; Б —25 — селище в с. Озерецкое; Б—26 — курган у с. Степаново; Б —27, 28 — курганные группы 1, 2 напротив с. Шиблово; Б—29 — курганы у д. Курово; Б—30 — городище Баранова гора (Вышгород на Яхроме); Б—31, 32 — курганные группы 1 и 2 у с. Ильинское; Б—33 — курганы у д. Глебездово; Б—34 — городище у с. Парамоново; Б—34А — селище у д. Парамоново; Б—35, 35А, 35Б — курганы у с. Парамоново; Б—36 — курганы у с. Гавриково; Б—37 — курганы у с. Голявино; Б—38 — курганы у с. Шустино; Б—39 — селище у с. Шуколово; Б—40 — курганы у д. Варварино; Б—41 — селище у д. Беклемишево; Пушкинский р-н: Б—42 — селище напротив д. Нововоронино (Хвостово); Б—43 — селище в д. Нововоронино; Б—44 — селище на южной окраине д. Нововоронино; Загорский р-н:

Б—45, 46 — селище 1, 2 у д. Филимоново; Б—45А — селище на Горбуновской улице в Хотьково; Б —45Б — селище в Хотьковском монастыре; Б—45В — селище у Завода лакокрасочных покрытий; Б—47 — селище в д. Морозово; Б—48 — селище в бывш. д. Минино (Истринский р-н); Б —49 — курганы при дороге из с. Пятница-Берендеево в с. Лопотово (Солнечногорский р-н); Б—50, 51 — курганные группы 1, 2 у с. Лопотово (Солнечногорский р-н); Б—52 — селище в с. Лечищево (Истринский р-н); Б—53 — курганы у д. Саньково (Солнечногорский р-н); Б—54—58 — курганные группы 1 — 5 у с. Кутузово (Солнечногорский р-н); Истринский р-н: Б—59 — селище в бывш. д. Мушкино; Б—60 — курганы у с. Курсаково; Б—61, 62 — курганные группы 1, 2 у с. Филатово; Б—63 — селище между дд. Ламшино и Алехново; Б—64 — городище Ламшино (Раково); Б—65 — курганы у с. Раково; Б—66 — курганы в бывш. имении Боева; Б—67 — курганы у с. Бужарова; Б—68 — курганы у с. Савкина; Б—69, 70 — курганные группы 1, 2 у с. Полевшино; Б—71 — селище у с. Полевшино; Б—72 — селище в д. Максимово; Б—73 — курганы у д. Максимово; Б—74 — городище у с. Ильинское; Б—75, 76 — курганные группы 1, 2 у д. Ябедино; Б—75А — курганы у с. Скрябине; Б—77, 78 — курганные группы 1, 2 (Рубцовские); Б—79 — селище у с. Лучинское; Б—80 — селище в д. Андреевское; Б—81 — курганы у с. Речкова; Б—82 — селище в г. Истре; Б—83 — курганы у д. Сычевка; Б—84 — селище у с. Сычевка; Б—85, 86 — селища Полево 1 и 2; Солнечногорский р-н: Б—87 — курганы у с. Пешки; Б—88, 89 — курганные группы 1, 2 у с. Бухарово; Б—90 — курганы у д. Лошки; Б—91 —94 — курганные группы 1—4 у с. Болхашино; Б—95 — селище у с. Майдарово; Б —96 — курганы у с. Нетесово; Б—97, 98 — курганные группы 1, 2 у ст. Поваровка; Б—99 — курганы у с. Дурыкино; Б —100 — курганы у с. Чашниково; Б—101 — курганы у с. Никольское; Б —102 — курганы у с. Льялово; Б—102А — селище у с. Радомля; Б —102Б — курганы у с. Радомля; Б—103 — курганы у санатория Лунево; Б—ЮЗА — курганы у совх. Лунево; Б—103Б — курган у с. Поярково; Б —103В — курганы у пос. Менделеево; Б—104 — селище в с. Андреевское (Крюково); Б —105 — селище в д. Брехово; Мытищинский р-н: Б —106 — курган у д. Хлебникове; Б—107 — селище у с. Морозово; Б—108 — селище в д. Бяконтово; Б—109 — курганы у д. Влахернская (Дмитровский р-н); Мытищинский р-н: Б —110 — селище в с. Протасово; Б —111 — курганы у с. Протасово; Б—112, ИЗ — селища 1, 2 у с. Рождествено; Б—114 — селище у с. Семеновское (Пушкинский р-н); Мытищинский р-н: Б —115 — курганы у с. Федоскина; Б —116 — курган у д. Горюшки; Б —117 — курганы у с. Аксаково; Б —118 — курганы между дд. Юрьево и Витинево; Б—119 — курган напротив с. Суходол; Б—120 — курганы у с. Братовщина (Пушкинский р-н); Б—121, 122 — курганные группы 1, 2 у с. Курово (Пушкинский р-н); Мытищинский р-н: Б —123 — курганы у д. Еремино; Б —124 — селище у д. Кузнецовка; Б —125—127 — курганные группы 1—3 у с. Кузнецовки; Б —128 — курганы у д. Листвяны; Пушкинский р-н: Б —129 — селище в с. Пушкино; Б —130 — курганы у с. Пушкино; Б—130А — селище у с. Чиверево; Мытищинский р-н: Б —131 — селище у с. Осташково; Б —132 — курганы у с. Осташково; Б —133 — курганы в д. Сорокине; Б —134 — курганы между сс. Звягино и Пирогово; Б—135 — курганы у ст. Клязьма (Пушкинский р-н); Б —136 — курганы у с. Свиноедово (Мытищинский р-н); Б —137 — курганы у с. Каргашино (Мытищинский р-н); Б—138 — селище в пос. Черкизово (Пушкинский р-н); Б —139—141 — курганные группы 1 — 3 у с. Черкизово (Пушкинский р-н); Б —142 — курганы у с. Бурково (Мытищинский р-н); Б —143 — городище у пос. Болшево (Пушкинский р-н); Б —144—146 — курганные группы 1—3 у ст. Болшево (Пушкинский р-н); Б —147 — курганы у Долгих Прудов (Мытищинский р-н); Рузский р-н: Б —148 — курганы у д. Бутьково; Б —149 — городище у с. Городищи; Б —150 — селище у с. Городищи; Б —151 — курганы в устье р. Тростны; Б —152 — селище в пос. Первомайский (Истринский р-н); Химкинский р-н: Б—153 — курганы у пос. Сходня; Б —ЮЗА, 153Б — селища 1, 2 у пос. Сходни; Б —154 — курганы у платформы Подрезково; Б —155, 156 — курганные

группы 1, 2 у д. Новоселки; Б—157 — курганы у д. Клязьма; Б —158 — селище у д. Ивакино; Б —159 — курганы у д. Ивакино; Б —160 — курган у с. Черкизово; Б —161 — селище у д. Чевирево (Мытищинский р-н); Б—162 — селище у с. Звягино (Мытищинский р-н); Б —163 — селище у д. Иванцово (Дмитровский р-н); Б —164 — курган у д. Иванцово (Дмитровский р-н).

Загорский р-н: В —1, 2 — селища 1, 2 у с. Богородское; В—3—5 — селища 1—3 у д. Шубино; В—6 — курган у д. Коврово; В—7 — курганы у с. Семеновское; В—8 — селище у с. Благовещенье; В—9 — грунтовый могильник в с. Благовещенье; В —10 селище в урочище «Могильцы» (Зубачево); В —11 — селище у бывшего монастыря Параклит; В —12 — селище Тарбеевское озеро 2; В —13 — селище Тарбеевское озеро 1; В —14 — селище у д. Слабнево; В —15 — селище в д. Бобошино; В —16 — селище у п/л «Огонек»; В —17 — селище в с. Глинково; В —18 — селище в д. Воронино; В —19 — селище Копнино; В—20 — селище в д. Афанасово; В—21 — селище в д. Высоково; В—22 — селище Кесово; В—23 — селище в д. Назарьево; В—24 — селище в уроч. Погорелки; В—25 — селище в с. Шарапово; В—26 — селище в д. Еремино; В—26А — селище у д. Шелово; В—27 — селище Зубцово 2; В—28 — селище Кобылино 2; В—29 — селище Спас-Тарбеево 2; В—30 — селище у д. Мележи (Владимирская обл., Киржачский р-н); В—31 — селище у д. Глазуны (Щелковский р-н); Пушкинский р-н: В—32 — селище Михайловское 3; В—33 — грунтовый могильник в с. Михайловское; В—34 — селище у с. Барково; В—35 — курганы у с. Барково; В—36, 37 — курганные группы 1, 2 у с. Михайловское; В—38 — селище Михайловское 1; В—39 — курганы Михайловское 3; В—40 — селище в д. Федоровское; В—41, 43, 44 — селища Путилово 1—3; В—42 — курганы Путилово 1; В—45 — селище у пос. Болсуниха; В—46, 48 — селища Муромцево 1, 2; В—47, 49 — курганные группы Муромцево 1, 2; В—50, 51 — селища Красноармейск 1, 2; Щелковский р-н: В—52 — городище у д. Могутово; В —53, 54 — селища Могутово 1, 2; В—55 — курган у д. Могутово; Пушкинский р-н: В—56 — селище в д. Березники; В—57, 58 — селища Чекмово 1, 2; В—59 — курганы Чекмово 2; В—60 — селище в д. Лепешки; В—61 — городище у с. Царево; В—62, 64, 66 — селища Царево 1—3; В—63, 65 — курганные группы Царево 1, 2; В—67, 69, 70, 72, 73 — селища Алексеевка 1—5 (Пушкинский и Щелковский р-ны); В —68 — курганы Алексеевка 1 (Пушкинский р-н); Щелковский р-н: В—71 — курганы Алексеевка 3; В—74, 75 — селища Протасово 1, 2; В—76 — селище Кукарки; В—77 — селище в с. Душеново; В —78 — курган у с. Беседы (Ногинский р-н); Щелковский р-н: В—79 — курганы у д. Стояново; В—80, 82, 84 — селища Каблуково 1—3; В—81, 83, 85 — курганные группы Каблуково 1—3; В—86 — селище в с. Ивановское; В—87, 89 — селища 1, 2 у с. Макарово; В—88 — курганы у с. Макарово; В—90 — курганы между сс. Сутоки и Каблуково; В—91 — курганы у д. Сукмйниха; В—92 — курганы у с. Мишнево; В—93 — курганы у д. Мизиново; В —94 — селище (городище?) у с. Громково; В—95, 96 — курганные группы 1, 2 у с. Громково; В—97 — селище в д. Заречье (Владимирская обл., Киржачский р-н); В—98 — селище у с. Погост (Ногинский р-н); В —99 — курганы в с. Погост (Ногинский р-н); В —100 — селище Михайловское 2 (Пушкинский р-н); В —101 — селище у пос. Киновей (Загорский р-н); В —102 — селище в г. Загорске, на ул. Клементьевской; В —103 — селище в г. Загорске, на ул. Кировской; Загорский р-н: В —104 — селище между д. Гольково и Загорском; В —105 — селище между дд. Баркановo и Гольково; В —106 — селище в д. Гольково; В —107 — селище в д. Воронцово; В—107А — селище Копнинский лес 4; В —107Б — селище 2 у пос. Семхоз; В —108 — селище между дд. Машино и Подушкино; В —109 — селище в д. Гаврилково; В —ПО — селище у Сальниковской будки; В —111 —113 — селища Матренки 1—3; В —114 — селище в совхозе «Конкурсный»; В —115 — городище у с. Городок (Радонеж); В —116 — селище у с. Городок; В —117, 117А—117Е — селища 1—9 в с. Воздвиженское; В — 117Ж — селище у д. Голыгино; В —118 — селище Семхоз; В —118А — селище у дачи Гергенштейна.

Рузский р-н: Г —1 — селище у д. Слобода; Г—2 —городище у с. Неждино; Г—3 — селище у с. Неждино; Г—4 — селище у д. Акатово; Г—5 — курганы у с. Пестово; Г —6 — курганы у с. Дьяково; Г—7 — курганы у с. Захряпино; Г—8 — городище между сс. Покров и Шарково; Г—9 — курганы у с. Покров; Г —10 — курганы у с. Хотебцево; Г —11 — селище у с. Углынь; Г—12 — селище у с. Михайловское; Г —13, 14 — курганы 2, 1 у с. Михайловское; Г—15 — курганы у с. Михайловское; Г —16 — селище у с. Ваюхино; Г —17 —курганы у с. Ваюхино; Можайский р-н: Г — 18 — курганы у с. Гладково; Г—19 — курганы у с. Поречье; Г—20 — курганы у с. Воскресенского; Рузский р-н: Г—21 —курганы у с. Рыбушкино; Г—22 — курганы у д. Старая; Г—23 — городище в г. Рузе; Г—24 — курганы у с. Волынщина; Г—25 — курганы у с. Песошня; Г—26 — курган у с. Песошня; Г—27 — курган у с. Дуброво; Г—28 — курганы у д. Вишенка; Можайский р-н: Г—29 — селище у с. Мышкино; Г—30 — курганы у д. Поливанове; Г—31 — городище Тушков городок; Г—32 — селище в д. Тушков городок; Г—33 — курганы у Тушкова городка; Г—34 — селище у с. Крылатка; Г—35 — курганы у с. Крылатского; Г—36 — курганы у с. Глазова; Г—37 — селище между сс. Горетово и Троица; Г—38 — селище между сс. Овсянниково и Троица; Г—39 — курганы в с. Аксинино; Г—40 — селище у с. Аксеново; Г—41 — курганы у с. Аксеново; Г—42 — курганы у д. Красновидово; Г—43 — селище у с. Полибино; Г—44, 45 — селища 1, 2 у с. Новое Село; Г—46 — курганы у с. Маслово; Г—47 — курганы у с. Синички; Г—48 — селище у д. Новая Деревня; Г—49 — селище у д. Марфин Брод; Г—50 — курган у д. Марфин Брод; Г —51 — курган у с. Тихоново; Г—52 — курганы в г. Можайске; Г—53 — курганы у г. Можайска; Г—54 — селище в с. Колычеве; Г—55 — городище в г. Можайске; Г—56 — курганы между г. Можайском и с. Чертановым; Г—57 — курганы у с. Ильинская слобода; Г—58 — курганы у д. Ченцово; Г—59 — курган у с. Тетерино; Г —60 — курганы у д. Игумново; Г—61 — курганы в с. Б. Тесово; Г—62, 63 — селища 1, 2 у д. Гавшино; Г—64 — курганы у д. Вязьма; Г—65 — курганы у с. Бурцево; Г—65А — селище у с. Клементьево; Г—66 — селище у д. Новинки; Г—67, 68 — курганные группы 1, 2 у д. Новинки; Г—69 — селище у с. Воронцово; Г—70 — курганы у с. Воронцово; Г—71, 72 — курганные группы 2, 1 у д. Шишимрово; Г—73, 73А, 73Б — курганные группы 1—3 у д. Красный Стан; Рузский р-н: Г —74 — курганы у д. Савийо; Г—75 — курганы у с. Кузяино; Г—75А — курганы у д. Товарково; Г—76 — курган у с. Деменково; Г —77 — курган у д. Верхнее Кожино; Г—78 — курганы у с. Старое Николаевское; Г—79 —курганы у д. Чепасово; Г—79А— курганы у д. Костино; Г—80 — курганы у с. Акулово; Г—81, 82 — курганные группы 1, 2 у с. Палашкино; Г—83 — курганы у д. Горбово; Г—84 — курган у д. Теряево; Г—85 — курганы у д. Тимохино; Г—86 — курганы у д. Тимофеевка; Г—87 — городище у с. Старая Руза; Г—88 — курганы у с. Старая Руза; Г—88А — селище у д. Молдюково; Г—89 — курганы у д. Морево; Г—90 — курган у д. Лапково; Г—91 — курганы между сс. Нестерово и Кожино; Г—92 — курганы на территории п/л Мосэнерго; Г—93 — курганы у д. Ботино; Г —94 — селище у д. Кожино; Г—95, 96 — курганные группы 1, 2 у д. Кожино; Можайский р-н: Г—97 — городище у д. Гальчино; Г—98 — селище у д. Гальчино; Г—99 — курганы у д. Жизлово; Г —100 — курганы у с. Судаково; Г —101 — курганы близ дороги Телятьево-Андреевское; Г —102 — селище у с. Власьево; Г —103 — курганы у с. Власьево; Г—104 — курганы у с. Коровино; Г —105 — курганы у с. Митяево (Наро-Фоминский р-н); Г —106 — городище в г. Верея; Г —107 — курганы у г. Верея; Наро-Фоминский р-н: Г —108 — курган у с. Пафнутьево; Г —109 — курган у д. Кузьминки; Г —110 — городище у с. Протасьево; Г —111 — селище у д. Ивково; Г —112 — курган у с. Серенек; Г —ИЗ — городище в г. Вышгороде; Г —114 — селище у с. Дуброво; Г —115, 116 — курганные группы 1, 2 у с. Дуброво; Г —117 — курган у с. Спас-Косицы; Г —117А — курганы у д. Ленино; Г —117Б — курган у д. Таганово; Г —118 — курганы у с. Усадково (Рузский р-н); Г—119 — курган у с. Юматово (Наро-Фоминский р-н); Г —120 — городище г. Боровска; Г —121 — городище в г. Малояро-

славце (Лужа); Калужская обл.: Г —122 —селище у д. Золотково; Г —123 — селище у д. Марчелово; Г—124 — селище у д. Митяево; Г —125 — селище у д. Беницы; Г—126 — курганы напротив д. Беницы; Г —127 — курганы у Тушкова городка (Можайский р-н); Г—128 — курганы между дд. Кровское и Самсоново (Калужская обл.)

Д —1 — курганы у с. Глинки (Рузский р-н); Д—2 — курганы у с. Семенки (Рузский р-н); Д—3 — селище у бывш. д. Шейка (Истринский р-н); Д—4—6 — курганные группы 1—3 у бывш. д. Шейка (Истринский р-н); Д —7 — селище в с. Андреевское (Одинцовский р-н); Д—8 — селище у с. Андреевское (Одинцовский р-н); Истринский р-н: Д—9 — селище близ устья Малой Истры; Д—10 — селище в с. Вельяминово (дальнее); Д—11 — курганы у ст. Истра; Д —12 — курганы у с. Вельяминово; Д —13 — курган у с. Павловское; Д —14 — курганы у с. Павловское; Д —15—17 — курганные группы 1, 2 и курган у д. Санниково; Д—18 — селище в с. Ивановское; Д —19, 20 — курганные группы 1, 2 у д. Красновидово; Д—21 — селище у д. Лужки; Д—22, 23, 23А, 23Б — курганные группы 1—4 у д. Лужки; Д—24—26 — курганные группы 1, 2 и курган у Аносинского монастыря; Д—27 — курганы между сс. Рождествено и Зеленково; Д—28 — курганы у д. Зеленково; Д—29 — селище в с. Вельяминово (ближнее); Д—30, ЗОА — селища 1, 2 у Павловской Слободы; Д—31, 31А, 31Б — курганные группы 1 — 3 у Павловской Слободы; Д—31В, 31Г — курганы 1, 2 у Павловской Слободы; Д—32 — селище в с. Ивановское (ближнее); Д—33—35 — курганные группы 1, 2 и курган у с. Веледниково; Красногорский р-н: Д—36, 37 — курганные группы 1, 2 у д. Степановское; Д—38 — курганы у с. Тимошкино; Д—39, 40 — курганные группы 1, 2 у д. Бузланово; Д—41 — курганы у д. Машкино; Д—42 — селище у с. Старое Аристово (Солнечногорский р-н); Д—43 — селище в с. Сабурово (Красногорский р-н); Д—44, 45 — курганные группы 1, 2 у с. Ангелово (Красногорский р-н); Д—46 — селище у д. Алешкино (г. Москва); Д—47 — курганы у д. Алешкино (г. Москва); Красногорский р-н: Д—48 — курганы у д. Губайлово; Д—49 — курганы у с. Чернево; Д—50 — курганная группа 2 у с. Чернево; Д—51 — селище у д. Митино; Д—52 — курганы у д. Митино; Д—53 — курганы у с. Пенягино; Д—54 — городище 1 у с. Спас (Спас-Тушино); Д—55 — курганы у с. Спас-Тушино; *г. Москва*: Д —56 — курганы у д. Никольское; Д—57 — городище у с. Тушино; Д—58, 59 — курганные группы 1, 2 у с. Тушино; Д—60 — курган у д. Тушино; Д—61 — курганы у ст. Яуза; Д—62 — курганы в Останкино; Д—63 — селище в бывш. с. Богородское; Д—64 — курганы у с. Потапово (Щелковский р-н); Балашихинский р-н: Д—65 — курганы у с. Никольское; Д — 66 — селище у с. Акатово; Д—67, 68 — курганные группы 1, 2 у с. Акатово; Д—69 — курганы у пос. Балашиха; Д — 70 — курганы у ст. Салтыковская; Д — 71 — курганы Саввино-Спасские; Д — 72 — курган у с. Владычино (г. Москва); Д —73—76 — курганные группы 1—4 у с. Косино (Люберецкий р-н); Д—77 — курганы у г. Люберцы; Люберецкий р-н: Д—78 — курганы у с. Руднево; Д — 79 — курган у д. Зенино; Д—80 — курганы у с. Троицкое-Кайнарджи; Д—81 — курганы у с. Пуршево (Балашихинский р-н); Люберецкий р-н: Д—82 — курганы у с. Марусино; Д—83 — курган у с. Машково; Д—84 — курганы у с. Русавкино; Д—85 — курганы у д. Новая (Балашихинский р-н); Рузский р-н: Д—86—88 — курганные группы 1, 2 и курган у с. Игнатьево; Д — 89 — курганы у д. Темшино; Д—90 — селище у д. Новая Деревня; Д—91 — курганы у с. Колюбякино; Д —92 — курганы у с. Поречье; Д—93 — курганы у с. Григорово; Д — 94 — курганы у с. Крымское; Д —94А — курганы у д. Дубки; Д—95 — курганы у с. Палашкино; Д — 96 — курганы у с. Васильевское; Д—97 — курган у д. Агафоново; Д — 98 — курганы между сс. Мышкино и Агафониха; Д—99 — курган у д. Бережки; Одинцовский р-н: Д —100 — селище 2 в с. Михайловское; Д—101 — селище у д. Каринское; Д —102 — курганы у д. Аниково; Д—103 — курганы у д. Волкове; Д—ЮЗА — курганы у д. Копки; Д—104 — курганы у д. Бушарино; Д —105 — курганы у с. Никольское; Д —106—108 — курганные группы 1 — 3 у д. Кораллово; Д—109 — курганы у с. Ершово; Д —НО, 111, 113 — курганные группы

1, 2 и курган у Саввино-Сторожевского монастыря; Д—112 — селище в с. Саввинская слобода; Д—114 — курганы у санатория «Подмосковье»; Д—115 — городище у д/о «Связист»; Д —116 — селище Супонев Посад в г. Звенигороде; Д —117 — городище «Городок» в г. Звенигороде; Д—118 — селище у Биостанции МГУ; Д —119 — курганы у Биостанции МГУ; Д—120, 121 — селища 1, 2 на Верхнем посаде г. Звенигорода; Д—122, 123 — курганные группы 1, 2 у Верхнего посада г. Звенигорода; Д—124 — курганы у г. Звенигорода; Д—125 — курган у с. Шихово; Д—126—130 — курганные группы 2—6 у с. Шихово; Д —130А — курган у с. Шарапово; Д—131 — курганы у д. Мартьяново; Д—132 — курганы у с. Введенского; Д—133, 134 — курганные группы 1, 2 у д. Белозерово; Д—135 — селище в урочище Колытрево; Д—136 — курганы в урочище Колытрево; Д—137 — курганы у д. Клопово; Д—138 — селище у с. Поречье; Д—139, 140 — курганные группы 1, 2 у д/о «Поречье»; Д—141 — курганы у с. Верхогрязье; Д—142 — селище у д. Дунино; Д—143, 143А — курганные группы 1, 2 у д. Дунино; Д—144 — селище у с. Ислáвское; Д—145 — курганы между сс. Ислáвское и Дунино; Д—46 — курган у с. Кобяково; Д—146А — курганы у д. Ямщина; Д —147 — курганы у с. Часцы; Д—148 — курган у с. Хлипино; Д—149 — курган у с. Захарово; Д—150 — городище Успенское; Д—151 — селище у с. Успенское; Д—152 — курганы у с. Успенское; Д—153—155А, 155Б — курганные группы 1—4 у д. Горышкино; Д—156, 157 — курганные группы 1, 2 у с. Таганьково; Д—158, 159 — курганные группы 1, 2 у д. Старое Дарьино; Д—160 — селище у с. Малые Вяземы; Д—161 — курган у с. Малые Вяземы; Д—162 — селище у с. Назарьево; Д—163 — курган у с. Уборы; Д—164 — курган у с. Петровское (Красногорский р-н); Одинцовский р-н: Д—165 — городище у с. Кольчугино (Колчуга); Д—165А — курганы у с. Кольчугино; Д—166 — селище у с. Жуково; Д—167, 168 — селища Одинцово 1, 2; Д—169—183 — курганные группы 1 — 15 у г. Одинцово; Д—183А — курганы у д. Солослово; Д—184 — курганы у д. Глазыцино; Д—185 — курганы у ст. Немчиново; Д—186 —188 — курганные группы 1—3 у с. Верхние Ромашки; Красногорский р-н: Д—189—191 — курганные группы 1—3 у д. Воронки; Д—192 — городище у с. Архангельское; Д—193 — городище у с. Гольево; Д—194 — курганы у д. Мякинино (Одинцовский р-н); Д —195 — селище между Троице-Лыковым и Щукиным (г. Москва); Д—196 — курганы у Серебряном бору (г. Москва); Д—197 — курганы у с. Черепково (Одинцовский р-н); Д—198 — курган у с. Черепково (Одинцовский р-н); *Москва*: Д—199 — курганы у с. Крылатское; Д—200, 201 — курганные группы 1, 2 у ст. Сетунь; Д—202, 203 — селища 1, 2 в Филевском парке; Д—204 — курганы в Филевском парке; Д—205 — курганы у с. Спасское; Д—206 — селище у с. Петровское; Д—207 — курганы у с. Петровское; Д—208 — городище в Кремле; Д—209 — селище в бывш. с. Воронцове (ул. Обуха); Д—210 — селище на территории бывш. Строгановской дачи; Д—211 — поселение на Таганском холме; Д—212 — селище Андреевское; Д—213 — селище в Нескучном саду; Д—214 — курган у с. Воробьево; Д—215, 216 — селища 1, 2 у д. Матвеевское; Д—217—219 — курганные группы 1 — 3 у д. Матвеевское; Д—220, 221 — курганные группы 1, 2 у д. Раменки; Д —222—226 — курганные группы 1—5 у с. Очаково; Д—227, 228 — курганные группы 1, 2 у д. Никольское; Д—229—231 — курганные группы 1—3 у д. Никулино; Д—232 — курган у д. Румянцево (Ленинский р-н); Д—233 — курган у с. Саларево (Ленинский р-н); *Москва*: Д—234, 235 — курганные группы 1, 2 у с. Тропарево; Д—236 — курганы у д. Богородицкое; Д—237 — курганы у д. Брехово; Д—238 — курганы в Воронцовском парке; Д—239—241 — курганные группы 1—3 в Черемушках; Д—242 — курганы у с. Ногатино; Д—243 — селище в с. Коломенское; Д—244 — курган у с. Шаблово; Д—245 — курганы в Верхних Котлах; Д—246, 247 — курганные группы 1, 2 у д. Деревлево; Д—248—252 — курганные группы 1—5 у с. Коньково; Д—253 — курганы у с. Зюзино; Д—254 — курганы у д. Волконки; Д—255—260 — курганные группы 1—6 у с. Чертаново; Д—261 — курган у санатория «Узкое»; Д—262, 262А, 262Б — курганные группы 1—3 у с. Теплые

Станы; Д—263—267 — курганные группы 1 — 5 в Царицынском парке; Д —268, 269 — курганные группы 1, 2 у с. Котляково; Д—270 — селище в с. Сабурово; Д—271 — курганы у с. Сабурово; Д—272 — курганы у с. Борисово; Д—273—277 — курганные группы 1—5 у с. Братеево; Д—278 — курганы у д. Чагино; Д—279 — курганы у д. Шапилово; Д—280, 281 — курганные группы 1, 2 у д. Орехово; Д—282, 283 — курганные группы 1, 2 у с. Покровское; Д—284 — курганы у с. Бирюлево; Д—285 — селище в с. Ясенево; Д—286 — курганы у с. Ясенево; Д—287 — курганы у с. Малое Голубино; Д—288 — курганы у с. Большое Голубино; Ленинский р-н: Д—289 — курганы у ст. Битца; Д—290 — курганы у пос. Дубровский; Д—291 — курган у северной окраины пос. Дубровский; Д—292 — курганы у д. Старое Бутово; Д—293 — курганы у д. Тарычево; Д—294—296 — курганные группы 1 — 3 у пос. Расторгуево; Д—297 — селище в с. Остров; Д—298 — селище у д. Мисайлово; Д—299 — курганы у д. Мисайлово; Д—300 — селище в с. Молоково; Д—301 — селище у д. Дальние Прудищи; Д—302, 303 — курганные группы 1, 2 у д. Дальние Прудищи; Д—304, 305 — курганные группы 1, 2 у с. Беседы; Д—306, 307 — курганные группы 1, 2 у д. Зябликово; Д—308 — курган между сс. Дроздово и Мамоново; Д—309 — курганы у д. Слобода; Люберецкий р-н: Д—310 — курганы у д. Гремячево; Д—311 — курганы у д. Токарево; Д—312 — курганы у пос. Октябрьский; Д—313 — селище Верея-Быково (Раменский р-н); Д—314 — селище Старая Верея (Раменский р-н); Д—315 — селище в с. Дютьково (Одинцовский р-н); Наро-Фоминский р-н: Д—316 — курган у д. Крюково; Д—317 — курган у с. Бархатово; Д —318 — курган у с. Таширово; Д—319 — грунтовой могильник у Зосимовой пустыни; Ленинский р-н: Д—320—322 — курганные группы 1—3 у с. Изварино; Д—323 — селище у с. Бараново; Д—324 — курганы у д. Ликова; Д—325 — курган у д. Передельцы; Д—326 — курганы у д. Марьино; Д—327 — курганы у д. Кнутово; Д—328 — курган у д. Писковой; Д —329 — селище в с. Пенино; Д—330 — курганы между дд. Пенино и Десна (Десна 2); Д — 331 — селище у д. Фоминское (Наро-Фоминский р-н); Д—332 — курганы у д. Фоминское (Наро-Фоминский р-н); Ленинский р-н: Д—333 — курганы у Института полиомиелита; Д—334, 335 — курганные группы 1, 2 у д. Потапово; Д—336 — селище у д. Десна; Д—337 — курганы на территории пансионата «Десна»; Д—338 — селище в с. Никольское; Д—339 — селище у д. Лаптево; Д—340 — курган у д. Лаптево; Д—341 — курганы у д. Расторопово; Подольский р-н: Д—342 — курганы у с. Остафьево; Д—343 — курганы у д. Рязаново; Д—344 — курганы у д. Молодцы; Д—345 — курганы у д. Рыбино; Д—346 — курган у д. Сенькино; Д—346А — селище у д. Конаково; Д—346Б — курганы у д. Игнатово; Д—347—349 — курганные группы 1—3 у д. Конаково; Д—350 — курган у д. Варварино; Д—351 — курганы у д. Раево; Д—352 — курганы у д. Пыхачево; Д—353, 354 — курганные группы 1, 2 у д. Шаганино; Д—355 — курганы у д. Дерибрюхово; Д—356, 357 — селище и курганы у бывш. д. Петрово; Д—358, 359 — курганные группы 1, 2 у д. Власьево; Д—360, 361 — курганные группы 1, 2 у с. Поливаново; Д—362 — селище у санатория «Родина»; Д—363 — городище у с. Луковня; Д—364 — селище у д. Луковня; Д—365 — курганы у д. Луковня; Д—366 — курганы у д. Армозово; Д—367, 368 — курганные группы 1, 2 у д. Студенцы; Д—369 — селище у с. Дубровицы; Д—370, 371 — курганные группы 1, 2 у с. Дубровицы; Д—372 — курганы у д. Ерино; Д—373 — курганы у санатория «Ерино»; Д—374 — селище у д. Безобразово; Д—375 — селище у д. Починки; Д—376 — городище у д. Татарское Сатино (Перемышль Московский); Д—377 — курган у д. Хлыново; Д—378 — селище у с. Ознобишино; Д—379, 380 — курганные группы 1, 2 у с. Ознобишино; Д—381 — курган у д. Костешево; Д—382 — курганы у д. Сергеевка; Д—383 — курган у д. Александрово; Д—384 — курганы у д. Чупаново; Д—385 — курганы у д. Малинкино; Д —386 — курганы у с. Добрятино; Д—387 — курганы у д. Ждановка; Д—388 — городище у с. Покров; Д—389—392 — селища 1—4 у с. Покров; Д—393 — курганы у с. Покров; Д—394 — селище у д. Холопово; Д—395 — курган у д. Услоны; Д—396 — селище у с. Стрелково; Д—397 —

курганы напротив с. Стрелково; Д—398 — курганы у д/о «Быково»; Д —399 — курганы у д. Борисовка; Д—400 — селище у с. Плещеево; Д—401 — курганы у с. Захарьино; Д—402 — курганы у д. Спирово; Д —403 — курганы у д. Вырыпаево; Ленинский р-н: Д—404, 405 — курганные группы 1, 2 у д. Боброво; Д—406, 407 — курганные группы 1, 2 у д. Лопатино; Д—408 — курганы у с. Дыдылдино; Д—409, 410 — курганные группы 1, 2 у д. Сапроново; Д—411 — курганы у д. Ермолино; Д—412 — курганы у д. Васильевская; Д—413 — курганы у д. Калиновка; Д—414, 415 — курганные группы 1, 2 у с. Горки; Д—416 — курганная группа 3 у д . Горки; Д—417, 418 — курганные группы 1, 2 у с. Белеутово; Д—419 — курганы у с. Брянцево (Подольский р-н); Д—420 — курганы у д. Вырыпаево (Ленинский р-н); Д—421 — селище в д. Бяконтово (Подольский р-н); Ленинский р-н: Д—422 — городище между дд. Старое и Новое Сьяново; Д—423 — курганы у д. Старое Сьяново; Д—424, 425 — курганные группы 1 и 2 у д. Коробово; Д—426—429 — селища 1—4 у д. Коробово; Д—430 — курган Коробово 3; Домодедовский р-н: Д—431, 433 — селища 1, 2 у д. Витовка; Д—432 — курганы у д. Витовка; Д—434 — селище у санатория «Горки Ленинские»; Д—435 — курганы у санатория «Горки Ленинские»; Д—436 — селище Витовка 3; Ленинский р-н: Д—437, 438 — курганные группы 1, 2 у д. Куприяниха; Д—439 — курганы у д. Богданиха; Д—440, 441 — курганные группы 1, 2 у с. Андреевское; Д—442 — курганы у Богдановского поворота; Раменский р-н: Д—443 — курганы у с. Нижнее Мячково; Д—444 — курганы у с. Верхнее Мячково; Д—445 — селище у с. Заозерье; Д—446 — городище Боровский курган; Домодедовский р-н: Д—447 — курганы у д. Павловское; Д—448 — селище у д. Новлинское; Д—449 — курганы у д. Новлинское; Д—450 — курганы у д. Котляково; Д—451 — курганы у д. Вяльково; Д—452 — курганы у д. Воеводино; Д—453—455 — селища 1—3 у с. Колычево; Д—456 — курганы у с. Колычево; Д—457 — селище напротив д. Куприяниха; Д—458, 459 — курганные группы 1, 2 у д. Семивраги; Д—460 — селище у д. Большое Саврасово (Ленинский р-н); Д—461, 462 — курганные группы 1, 2 у д. Большое Саврасово (Ленинский р-н); Д—463 — курганы у д. Чурилково (Домодедовский р-н); Д—464 — селище уд. Большая Вол одарка (Ленинский р-н); Д—465 — курганы у пос. им. Володарского (Ленинский р-н); Раменский р-н: Д—466 — курганы у д. Редькино; Д—467 — курган у с. Константиново; Д—468 — курганы у д. Жданское; Д—469 — курганы у д. Жуково; Д—470—472 — курганы 1, 2 и курганная группа у с. Еганово; Чеховский р-н: Д—473 — курганы у д. Лебучаны; Д—474—476 — курганные группы 1—3 у д. Никоново; Д—477 — курганы у д. Тупичино; Д—478 — курганы у д. Гавриково; Д—479 — курганы у д. Батвиньино; Д—480 — курганы у д. Дубинино; Д—481, 482 — курганные группы 1, 2 у д. Ивино; Д—483—485 — курганные группы 1—3 у с. Мещерское; Д—486, 487 — курган и курганная группа у совхоза «Скабеево»; Подольский р-н: Д—488—490 — курганные группы 1—3 у д. Лопаткино; Д—491 — селище у д. Александрова; Д—492, 493 — курганные группы 1, 2 у д. Александровка; Д—494 — селище у д. Тургеневка; Д—495 — курганы у д. Тургеневка; Д—496 — курганы у д. Сынково; Д—497 — курганы между дд. Сынково и Пузиково; Д—498 — селище у д. Ивановское; Д—499, 500 — курганные группы 1, 2 у д. Ивановское; Д—501 — курганы между дд. Ивановское и Пузиково; Д—502—504 — курганные группы 1—3 у д. Пузиково; Д—505 — курганы у д. Ильинское; Д—506 — курганы у д. Судаково; Домодедовский р-н: Д —507 — селище в с. Битягово; Д—508—510 — курганные группы 1—3 у с. Битягово; Д—511 — селище Серафимо-Знаменский скит; Д— 512 — курганы у Серафимо-Знаменского скита; Д—513 — курганы у д. Заборье; Д—514 — селище у д/о «Салют»; Д—515 — курганы у д. Реткино; Д—515А, 516 — курганная группа 1, 2 у с. Никитского; Д — 517 — курганы у д. Авдотьино (бывш. Ушмары); Д—518—521 — курганные группы 1—4 у с. Константиново; Д—522 — городище у Борисоглебского погоста (Подольский р-н); Д—523 — селище у Борисоглебского погоста (Подольский р-н); Домодедовский р-н: Д—524 — курганы у д. За-

болотье; Д—525 — курганы у д. Красино; Д—526 — курганы у д. Жеребятьево; Д—527 — курганы у с. Пестово; Д —528 — курганы у д. Ближнее Скрыпино; Раменский р-н: Д—529 — курганы у д. Шубино; Д—530 — курганы у с. Нащокино; Д—531—534 — курганные группы 1—4 у с. Залесье; Домодедовский р-н: Д —535 — курганы у д. Острожки; Д—536 — курганы у с. Успенское; Д—537 — курганы у д. Купчинино; Д—538 — курганы у Воскресенского погоста; Д —539 — городище у с. Растуново; Д—540 — курганы у с. Растуново; Д—541 — курганы у с. Барыбино; Д—542 — курганы у д. Гальчино; Д—543 — курган у с. Бабарыкино; Д —544 — курган Введенский; Д—545, 546 — курганные группы у д. Ляхово; Д—547 — курганы у д. Тишково; Д —548 — селище у с. Кармышевки (Чеховский р-н); Д—549 — селище у с. Спас-Темна (Чеховский р-н); Серпуховский р-н: Д —550 — курганы у с. Сьяново; Д—551 — селище у д. Клейменово; Д—552 — курган у д. Клейменово; Д—553 — городище у с. Ивановская Гора; Д—554 — курган у с. Ивановская Гора; Д—555 — селище у д. Родионовка; Д—556 — селище в д. Гавшино; Д—557 — курган у с. Судимля; Д—558 — селище у д. Мартьяново; Д—559 — селище у с. Большое Ящерово; Д—560 — городище в г. Серпухове; Д—561 — селище у г. Серпухова; Д—562 — курганы в г. Серпухове; Д —563 — курган у с. Заборье; Д—563А — курганы в уроч. «Бор»; Чеховский р-н: Д—564 — курган у д. Солодовка; Д—565 — курганы у д. Солодовка; Д—566 — курганы у д. Новгородово; Д—566А — селище у д. Хлевино; Д —567 — курганы у дороги в с. Хлевино; Д—568 — курганы у с. Крюково; Д—569 — курган у с. Старый Спас; Д—570 — курганы у д. Летищево; Д—571 — селище у с. Талеж; Ступинский р-н: Д—572 — селище у д. Протасово; Д—573 — городище 1 у д. Грызлово; Д—574 — селище у д. Грызлово; Д—575 — городище у с. Хотунь; Д—576 — курган у с. Соколово; Д—577 — курган у с. Барыбино; Д—578 — курган у д. Матвейково; Д—579 — селище у с. Троицкое (Калужская обл.); Д—580 — курган у с. Троицкое (Калужская обл.); Д—581 — городище у д. Нижняя Городня (Серпуховский р-н); Д—582 — селище у д. Нижняя Городня (Серпуховский р-н); Д—583 — курган у с. Патенино (Калужская обл.); Д—584 — курган у с. Волковское (Калужская обл.); Д—585 — селище в с. Гурьево (Калужская обл.); Серпуховский р-н: Д—586 — селище в с. Дракино (летописный Лобынск); Д—587 — селище под Ланынинским карьером; Д—588 — городище у с. Подмоклово; Д—589 — селище в с. Подмоклово; Д—590 — селище у бывш. с. Леоново; Д—591 — городище у д. Лукьяново; Д —592 — курган у обочины Симферопольского шоссе; Д—593 — селище у оз. Лютце; Д—594 — селище напротив устья р. Речмы; Д—595 — курган у д. Высокие Дворики; Д—596 — курган у Степанова хутора; Д—597 — курган у с. Яковлево (Тульская обл.); Серпуховский р-н: Д—598 — селище у с. Липицы; Д —599, 600 — курганы 1 и 2 у Кирпичного завода; Д —601 — селище у д. Лужки; Д—602, 603 — городища 1, 2 у с. Тешилово; Д—604 — курган у с. Тешилово; Д—605 — курган у с. Балково; Д—606 — селище Кордон 1; Д—607 — селище у д. Родники; Д—608 — курган у с. Тульчино; Д—609 — курган у с. Сенькино; Д—610 — городище у д. Макаровка (летописная Лопастна); Д—611 — селище у с. Прилуки; Д—612 — курган у д. Малюшино; Д—613 — курганы у д. Кошелевка; Каширский р-н: Д—614 — городище у д. Колтово; Д—615 — селище у д. Колтово; Д—616 — курган у д. Колтово; Д—617 — городище у с. Кунцево (г. Москва); Д—618 — городище у с. Дьяково (г. Москва); Калужская обл.: Д—619 — городище у с. Спас-Городец (Новый Городок); Д—620 — городище в с. Оболенском; Д—621 — курган у с. Городец; Д—623 — городище у бывш. с. Капотня (г. Москва); Д—624 — городище у пос. Балашиха (Балашихинский р-н); Д—625 — грунтовый могильник на 1-м Спас-Тушинском городище (Красногорский р-н); Д—626 — грунтовой могильник на городище у с. Успенское (Одинцовский р-н); Д —627 — грунтовой могильник на Кунцевском городище (г. Москва); Д—628 — селище в г. Серпухове; Д—629 — селище 1 у с. Михайловское (Одинцовский р-н); Д —630 — курганы между дд. Пенино и Десна (Ленинский р-н); Д—631 — селище у д. Писково (Ленинский р-н); Д—632 —

селище у д. Татарово (г. Москва); Д—633 — курган напротив д. Каменное Тяжино (Раменский р-н); Д—634 — курган напротив д. Шарапово (Чеховский р-н); Д—635 — селище у с. Беседы (г. Москва).

Щелковский р-н: Е —1 — курганная группа 1 у с. Анискино; Е—2 — курганная группа 2 у с. Анискино; Е—3 — курганы у д. Солнцево; Е—4 — курганная группа 1 у с. Асеево; Е—5 — курганная группа 2 у с. Асеево; Ногинский р-н: Е—6 — курганная группа 1 у с. Авдотькино; Е —7 — курганная группа 2 у с. Авдотькино; Е—8 — курганы у с. Пятково; Е—9 — курганы у д. Соколово; Е —10 — селище у с. Следово; Е—11 — курганы у д. Починки; Е —12 — селище у д. Жилино—Горки; Е —13 — курганы у с. Глухово; Е—14 — селище у с. Большие Жеребцы (Щелковский р-н); Е —15 — курганы у с. Михалево (Щелковский р-н); Ногинский р-н: Е —16 — курганы между сс. Купавна и Михалево; Е —17 — курганы у с. Балабаново; Е —18 — селище у пос. Обухово; Е —19 — курганы у пос. Обухово; Е—20 — курганы у с. Борисоглебский погост; Е—21 — курганы у с. Ельня; Е—22 — курганы у с. Колонтаево; Е —23 — курганы у с. Марьино; Е —24 — курганы у с. Бисерово; Е—25 — курганы у д. Дятлово (Балашихинский р-н); Е—26 — курганы у с. Вишняково (Ногинский р-н); Е—27 — курганы у 33 км (Ногинский р-н); Е—28 — курганы у с. Балхашино (Ногинский р-н); Е—29—31 — курганная группа 1—3 — у с. Копнино (Люберецкий р-н); Е—32—35 — курганные группы 1—4 у с. Милет (Балашихинский р-н); Е—36 — курганы у с. Новый Милет (Балашихинский р-н); Е—37, 38 — селища 1, 2 у с. Богослово (Ногинский р-н); Е—39, 40 — курганные группы 1, 2 у с. Богослово (Ногинский р-н); Е—41 — селище у д. Аргуново (Раменский р-н); Павлово-Посадский р-н: Е—42 — селище у с. Заозерье; Е—43 — курганы у с. Казанское; Е—44 — селище в с. Дмитрове; Е—45 — селище Вохонское; Е—46 — селище Городковское; Е—47 — селище у с. Саурово; Е—48 — селище у с. Гридино (Орехово-Зуевский р-н); Е—49 — курган у с. Гридино (Орехово-Зуевский р-н); Е — 50 — курганы в г. Орехово-Зуево; Е—51 — курганы у Ольшевского озера (Орехово-Зуевский р-н); Е—52 — курганы ус. Гора (Орехово-Зуевский р-н); Павлово-Посадский р-н: Е—53 — курганы у д. Савостьяново; Е—54 — курган у с. Логиново; Е—55 — селище у с. Власово; Раменский р-н: Е—56 — селище у с. Минино; Е—57 — селище в с. Гжель; Е—58 — курганы в пос. Раменское; Е—59 — курган у с. Троицкое (Ступинский р-н); Раменский р-н: Е—60 — курганы у с. Михайловская Слобода; Е—61 — курганы у с. Синьково; Е—62 — селище у бывш. с. Ивань; Е—63 — селище в с. Малахове; Е—64 — курган у с. Велино; Е—65 — курганы у с. Велино; Е—66 — селище Николо-Боршевское; Е —67 — городище у д. Хлопна (Коломенский р-н); Раменский р-н: Е—68 — курганы Николо-Боршевские; Е —69 — курганы у д. Марьино; Е—70 — курган у г. Бронницы; Е—71 — курганы у с. Толмачево; Е —72 — курган у д. Коробово; Е —73 — селище у д. Тишково; Е—74 — городище у с. Боршево; Е—75 — селище 2 у с. Боршево; Е—76 — курганы у д. Морозове; Воскресенский р-н: Е —77 — курганы у д. Абашкино; Е —78 — курганы у д. Михеево; Е —79 — селище у д. Юрасово; Раменский р-н: Е—80 — курган у д. Старниково; Е—81 — курганы у с. Татарниково; Е—82, 83 — селища 1, 2 у д. Колоколово; Е—84 — курганы у д. Колоколово; Е—85 — курган у с. Аргуново; Е—86, 87 — селища 1, 2 у д. Давыдово; Е—88 — курганы у д. Давыдово; Воскресенский р-н: Е —89, 90 — селища 1, 2 у с. Городище; Е—91 — курган у с. Константиново; Е—92 — селище у д/о «Канабеево»; Е—93 — курган у с. Бечевино; Е—94 — курганы у д. Маришкино; Е—95 — селище в с. Барановское; Е —96 — курган у с. Осташево; Орехово-Зуевский р-н: Е—97 — курганы у с. Хатеичи; Е—98 — курганы у д. Яковлевская; Е—99 — селище в урочище Зиночка; Е—100, 101 — селища 2, 3 у с. Анциферово; Е —102 — курганы у с. Анциферово; Е —103 — курган у с. Анциферово; Е—104, 105 — селища 1, 2 у г. Куровское; Е —106 — селище 3 у г.,Куровское; Е —107, 108 — курганные группы 1, 2 у г. Куровское; Е —109 — селище в с. Никитское; Е —110 — курган у с. Заполицы; Раменский р-н: Е —111 — курганы

у с. Головино; Е —112 — селище Николо-Гнилушинское; Е —ИЗ—115 — курганные группы 1 — 3 Николо-Гнилушинские; Е—116, 117 — курганные группы 1, 2 у д. Пестово; Е —118 — курганы у д. Соколово (Домодедовский р-н); Е —119 — курганы у с. Карачарово (Домодедовский р-н); Е —120 — курганы у с. Никоновское (Раменский р-н); Ступинский р-н: Е —121 — курганы у с. Каменка; Е —122 — селище у д. Ивановское; Е —123 — курган у д. Ивановское; Е —124 — курганы у с. Милино; Е—124А — селище в д. Милино; Е—125 — курганы у с. Большое Алексеевское; Е—126 — курган у с. Ярцево; Е —127 — селище у с. Троицкое—Лобаново (Раменский р-н) ; Ступинский р-н: Е—128 — курган у с. Полупирогово; Е—129 — курганы у с. Ильинское; Е —130 — курган у с. Беспятово; Е—131 -г- курганы у д. Мещерино; Е —132 — курганы у д. Хонятино; Е —133 — курганы у д. Нефедьево; Е —134 — курганы у д. Щапово; Е —135 — селище у с. Федоровское (Домодедовский р-н); Е —136 — курганы у д. Новоселки (Коломенский р-н); Ступинский р-н: Е —137, 138 — курганные группы 1, 2 у д. Бессоново; Е—139 — курган Чиркинский; Е —140 — селище в с. Городня; Коломенский р-н: Е—141 — курганы у д. Богдановское; Е —142 — селище у с. Петриково; Е —143 — курган у с. Ильинское; Е —144 — курган у с. Субботово; Е —145 — курганы у с. Субботово; Е—146 — курган у д. Подберезье; Е —147, 148 — городища 1, 2 у с. Федосьино; Е—149, 150 — курганные группы 1, 2 у с. Федоскино; Е—151 — селище в с. Шкинь; Е —152 — городише Юшково 2; Е —153 — курганы у с. Непецино; Е—154 — городище у с. Мячково; Е—155 — селище в с. Верхнее Мячково; Е —156 — курганы у с. Мячково; Е —157 — селище у с. Настасьино; Е —158 — курганы у с. Ратчино; Воскресенский р-н: Е —159 — селище в с. Сабурово; Е—160 — курган у с. Мячково; Е—161 — курганы у с. Ачкасово; Е —162 — курганы у пос. Пески; Е —163 — курганы у с. Суворове; Коломенский р-н: Е —164 — городище Городена; Е—165 — селище Городена; Е—166 — курган Городена; Е —167 — селище у с. Елино; Е —168, 169 — селища 1, 2 у с. Черкизово; Е —170 — курган в с. Черкизово; Е —171 — курганы у пос. Пески; Е —172 — селище в с. Северское; Е —173, 174 — курганные группы 1, 2 у д. Речки; Е —175 — курганы у с. Никульское; Е—176 — курганы у с. Воропаевка; Е—177 — курганы у с. Андреевское; Е—178 — городище у с. Городищи; Е —179 — городище г. Коломны; Е —180 — городище у с. Городище (Кашира) (Ступинский р-н); Е —181 — курганы у д. Кременье (Ступинский р-н); Е —182 — курган у д. Тарбушево (Озерский р-н); Е—183 — курган у д. Комарово (Озерский р-н); Е —184 — селище в с. Горы (Озерский р-н); Коломенский р-н: Е —185 — селище у с. Акатьево; Е —186, 187 — городище и селище у с. Протопопове; Е—188 — городище у с. Карабчеево; Е—189—191 — селища 1—3 у с. Карабчеево; Е—192 — грунтовой могильник у с. Карабчеево; Е —193 — курганы у д. Троицкие Озерки; Каширский р-н: Е—194 — курганы у с. Терновка; Е —195 — курганы у с. Баскачи; Е—196 — курганы у с. Руново; Озерский р-н: Е —197 — курганы у с. Клишино; Е—198 — городище у д. Сосновка (Ростиславль); Е —199 — селище у д. Сосновка; Е—200 — курганы у д. Сосновка; Е—201 — грунтовой могильник на Боршевском городище (Раменский р-н).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Андрей Владимирович, князь, сын князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича 91

Андрей Кобыла см. Кобыла Андрей

Анучин Д. Н., географ, антрополог, этнограф и археолог, один из основоположников антропологии в России, академик (1843—1923) 66

Арциховский А. В., советский археолог (1902-1978) 12, 13, 74, 79, 151, 152, 154, 155, 164

Ахмат (Ахмут, Махмет), сын Кичим-Ахмета, хан Золотой Орды 124

Бадер О. Н., советский археолог (1903—1980) 7, 147

Барсов Е. В., фольклорист, исследователь древнерусской письменности, секретарь Московского общества истории и древностей российских, редактор журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (1836—1917) 155

Бартенев С. П., известный пианист, ученик С. И. Танеева и историк, занимавшийся изучением Московского Кремля (1863—1930) 66

Батый (Бату), монгольский хан, внук Чингисхана, с 1243 г. — хан Золотой Орды (1208-1255) 19, 23

Беляев И. Д., историк, профессор Московского университета 65, 147

Богданов А. IL, зоолог, антрополог, профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1834-1896) 147, 150

Богоявленский С. К., историк, архивист, член-корреспондент АН СССР (1872—1947) 7

Брайчевский М. Ю., советский археолог 63

Василий Васильевич Темный (Василий II), великий князь Московский с 1425 г. (1415-1462) 73

Василий Дмитриевич (Василий I), великий князь московский с 1389 г. (1371 — 1425) 67, 72, 127, 132

Василий Иванович (Василий III), великий князь московский с 1505 г. (1479—1533) 124

Василий Туша см. Туша Василий

Векслер А. Г., советский археолог 16—18, 32, 75, 81, 82

Веселовский С. Б., историк, академик (1876-1952) 7, 13, 14, 56, 157

Виноградов К. Я., историк, исследователь археологических памятников Подмосковья (1884-1942) 75, 114, 164

Битов М. В., советский этнограф 24

Владимир Андреевич Храбрый, князь серпуховский и боровский (1353—1410) 17, 91, 132

Владимир Всеволодович, черниговский князь, сын Всеволода Георгиевича (1193—1229) 103

Владимир Всеволодович Мономах, князь смоленский (с 1067 г.), черниговский (с 1078 г.), переяславский (с 1093 г.), великий князь киевский (с 1113 г.) (1053-1125) 102, 103

Владимир Святославич (Владимир I), князь новгородский (с 969 г.), киевский (с 980 г.) (?—1015) 156

Воронин Н. Н., историк архитектуры, археолог (1904-1976) 12-14, 63, 74, 75, 79

Всеволод Большое Гнездо, великий князь владимирский (с 1176 г.), сын Юрия Долгорукого (1154-1212) 36, 62, 103, 110, 112

Всеволод Юрьевич, князь, старший сын великого князя Юрия Всеволодовича (1213—1238) 19

Всеволод Ярославич, князь, сын Ярослава Мудрого, князь переяславский, князь киевский 103

Гатцук А. А., исследователь подмосковных курганов 147

Георгий, князь, сын великого князя Всеволода (1187-1237) НО, 111

Герцен А. И. (1812-1870) 61

Глеб Ростиславич, князь рязанский, сын князя Ростислава Ярославича ИЗ

* В составлении указателя принимал участие Г. А. Павлович.

Голубева Л. А., советский археолог 64, 78, 92, 124, 125
Голубовский П. В., русский историк (1857—1907) 113
Горюнова Е. И., советский археолог 152, 153
Греков Б. Д., советский историк, академик (1882-1953) 85, 135
Греков И. Б., советский историк 63
Гуревич Ф. Д., советский археолог 153
Давыдовичи, черниговские князья 63, 156
Даниловичи, дети Даниила московского Юрий и Иван Калита 84
Дебольский В. Н., советский историк 67, 72, 113
Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский (с 1359 г.) и владимирский (с 1362 г.) 67, 72, 73, 79, 87, 91, 113, 127
Довженок В. И., советский археолог 64
Досифей Топорков, «братанич» игумена Волоколамского монастыря (конец XV—начало XVI в.) 102
Дубынин А. Ф., советский археолог 23, 61, 65, 74
Забелин И. Е., русский историк, археолог, член-корреспондент Петербургской АН, председатель общества истории и древностей российских, фактический руководитель Исторического музея в Москве (1820-1909) 23, 61, 65, 74
Зайцев А. К., советский историк, археолог 62, 107, 155, 156
Зимин А. А., советский историк (1920—1980) 102
Иван Васильевич (Иван III), великий князь московский (с 1462 г.), сын Василия II (1440-1505) 124
Иван Данилович Калита (Иван I), великий князь московский (с 1325 г.) и владимирский (с 1328 г.) (1304-1340) 4, 5, 10, 67, 72, 73, 78-81, 87, 90, 127
Иван Иванович Красный (Иван II), великий князь московский и владимирский (с 1353 г.), второй сын Ивана Калиты (1326—1359) 67, 73, 90
Иван Мороз, основатель боярского рода Морозовых 53
Игорь, великий князь киевский (с 912 г.) (?—945) 156
Изюмова С. А., советский археолог 163
Изяслав Владимирович (Володимирович), рязанский князь, сын Владимира Глебовича 110, 111, ИЗ
Изяслав Давыдович, черниговский князь, сын князя Давыда Ростиславича (? —1183) 156
Изяслав Мстиславич, князь владимиро-волынский (с 1134 г.), переяславский (с 1143 г.), великий князь киевский (с 1146 г.), внук Владимира Мономаха (ок. 1097-1154) И
Карамзин Н. М., писатель, историк, почетный член Петербургской АН (1766—1826) 84
Каргалов В. В., советский историк 23
Карлов В. В., советский историк 135
Квашнины, московский боярский род 129
Кельсиев А. И., исследователь подмосковных курганов (ум. 1885) 147
Керцелли Н. Г., исследователь подмосковных курганов 147
Киприан, русский митрополит (ок. 1336 — 1406) 85
Киселев С. В., советский археолог 12, 74
Ключевский В. О., историк, профессор Московского университета, академик (1841-1911) 61
Князьков С. А., историк Москвы 66
Кобыла Андрей Иванович, боярин 2-й четверти XII в., основатель боярского рода Кобылиных, приближенный великого князя московского Симеона Ивановича Гордого 56
Кожевников А. Я., исследователь подмосковных курганов 66
Кондратьев И. К., знаток московских древностей 66
Краснов Ю. А., советский археолог 80, 101
Крис Х. И., советский археолог 82
Куза А. В., советский археолог (1939—1984) 64, 135
Кучецкие, землевладельцы XV в. в Великом княжестве Московском 56
Кучка Степан, московский боярин по данным повестей о начале Москвы 102
Кучкин В. А., советский историк 66, 103, 107, 112
Лихачев Н. П., советский историк (1862—1936) 102
Лурье Я. С., советский историк 84
Лыжин Н. И., исследователь подмосковных курганов 147
Любавский М. К., историк, профессор и ректор Московского университета 66, 134, 155
Миллер В. Ф., языковед, фольклорист, этнограф, археолог, профессор Московского университета, директор и профессор Лазаревского института восточных языков, академик 147
Миллер П. Н., знаток прошлого Москвы, председатель общества «Старая Москва» (1867-1943) 73
Милонов Н. П., исследователь археологических памятников Подмосковья (1836—1975) 75, 77, 78, 92, 103, 114, 117
Михаил Всеволодович (Всеволодич) (Кюр Михаил), князь пронский, сын князя Всеволода Глебовича НО, 111
Михаил Ярославич Хоробрит, князь московский (?), великий князь владимирский, сын Ярослава Всеволодовича 107
Михалко (Михаил Юрьевич), великий князь владимирский, сын Юрия Долгорукого 113

Мономах см. Владимир Мономах
Мороз Иван см. Иван Мороз
Надеждин Н. И., критик, журналист (1804—1856) 111
Насонов А. Н., советский историк (1898—1965) 66, 67, 85, 103, 107, 111, 112, ИЗ
Наумов Е. П., советский историк 85
Неволин К. А., историк, профессор Петербургского университета 111
Недошивина Н. Г., советский археолог 152-154, 162, 163
Нестор, монах Киево-Печерского монастыря, писатель и летописец конца XI — начала XII в. 151
Нечаев С. Д., член Общества истории и древностей российских, обер-прокурор Синода (1792-1860) 147
Нидерле Л., чешский археолог, историк, иностранный член-корреспондент Петербургской АН, профессор Пражского университета (1898—1929) 153
Никитин А. В., советский археолог 77, 78
Никольская Т. Н., советский археолог 16, 24, 65, 153-154
Олег, князь новгородский (с 879 г.), киевский (с 882 г.) (882-912) 156
Олег Иванович, великий князь рязанский (с 1350 г.) (? —1402) 72
Олена, княгиня 17
Ольговичи, русская великокняжеская династия — потомки черниговского и новгород-северского князя Олега Святославича 156
Павлов-Сильванский Н. П., историк, архивист (1869—1908) 13
Пашуто В. Т., советский историк 62, 63, 87, 129, 134
Платонов С. Ф., историк, профессор Петербургского университета и Высших женских курсов, академик (1860—1933) 66, 110
Погодин Н. П., историк, журналист и издатель, профессор Московского университета (1800-1875) 107, 111
Потулов А. А., советский картограф и географ 7
Приселков М. Д., советский историк (1881 — 1941) 84
Рабинович М. Г., советский археолог и этнограф 64, 74, 75, 78, 79, 114, 119, 162
Равдина Т. В., советский археолог 75, 154, 155, 162, 163
Раппопорт П. А., советский историк архитектуры, археолог 64, 79, 80, 97, 115, 124
Розенфельдт И. Г., советский археолог 65, 92
Розенфельдт Р. Л., советский археолог 10, 65, 75, 157
Романов Б. А., историк, профессор Ленинградского университета (1889—1957) 14, 35, 79
Ростислав Мстиславич, князь смоленский, великий князь киевский, сын великого князя Мстислава Владимировича 15, 16, **ИЗ**
Русанова И. П., советский археолог 151
Рыбаков Б. А., советский историк и археолог, академик 62, 78, 85, 114, 135, 151, 153, 154
Сахаров А. М., советский историк, профессор Московского университета (1923—1978) 135
Святослав Игоревич, великий князь киевский, сын князя Игоря (?—972) 156
Седов В. В., советский археолог 15, 28, 29, 31, 35, 47, 64, 107, 151, 153, 154, 160
Семен Иванович Гордый, великий князь московский (с 1340 г.) и владимирский (с 1341 г.), старший сын Ивана Калиты (1316-1353) 90
Сергий Радонежский 43
Сидоров В. В., советский археолог 82, 118
Сизов В. И., член Московского археологического общества, хранитель Исторического музея, исследователь Дьякова городища и других памятников Подмосковья 75, 150
Скворцов Н. А., протоиерей, историк Москвы **66**
Смирнов А. П., советский археолог 74
Смолицкая Г. П., советский лингвист, географ 111
Снегирев И. М., историк, этнограф и фольклорист, профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1799-1868) 65
Соловьев С. М., историк, председатель Общества истории и древностей российских, профессор Московского университета, академик (1820—1879) 66
Соловьева Г. Ф., советский археолог 152, 153, 162
Спицын А. А., археолог, профессор Ленинградского университета, член-корреспондент АН СССР (1858-1931) 150, 151, 154, 155
Станюкович А. К., физик, занимающийся изучением археологических памятников Подмосковья 17, 18
Степан Кучка см. Кучка Степан
Тараканова С. А., советский археолог 63
Татищев В. Н., историк, государственный деятель (1686—1750) 65, 80, 134
Тимофеев Е. И., советский историк, археолог 153
Тимощук Б. А., советский археолог 64
Тихомиров М. Н., советский историк, академик (1893-1965) 23, 61, 66, 74, 85, 135
Топорков Досифей см. Досифей Топорков
Тохтамыш, потомок хана Джучи, хан Золотой Орды (с 1380 г.) (? —1406) 67, 87
Третьяков П. Н., советский археолог (1909—1976) 150, 151, 152, 155, 168
Туша Василий, брат московского боярина Ивана Мороза 56

Успенская А. В., советский археолог 15, 16, 78, 80, 114, 162
Федор Андреевич (видимо, Свибло), боярин великого князя Дмитрия Ивановича 67
Фехнер М. В., советский археолог 15, 16
Филимон Васильевич, сын брата Ивана Мороза — Василия Туши 56
Хавский П. В., историк Москвы 65
Ходаковский З. Я. (Адам Черноцкий), историк, исследователь первобытной истории славян (1784—1825) 73
Ходота, племенной вождь вятичей 103
Цветков А. А., исследователь лесов Подмосковья 7
Черепнин Л. В., советский историк, академик (1905-1977) 85, 173
Чернов С. З., советский археолог 42, 49, 53, 74, 124
Чертков А. Д., археолог, нумизмат и библиофил (1789-1858) 7, 147
Шахматов А. А., филолог, историк, профессор Петербургского университета, академик (1864-1920) 84, 110
Шеляпина (Владимирская) Н. С., советский археолог 74, 75, 114
Шеппинг Д. О., исследователь подмосковных курганов 147
Шапов А. П., историк и публицист, преподаватель Казанской духовной академии и Казанского университета (1830—1876) 61
Юрий Дмитриевич, князь звенигородский и галицкий (с 1389 г.) (1374—1434) 78, 127
Юрий Долгорукий, великий князь владимирский (1095-1157) 65, 74, 78, 80, 109
Юрий Изяславич, князь 110
Юшков С. В., юрист, автор работ по истории государства и права, академик АН Казахстана (1888-1952) 63
Янин В. Л., советский историк, нумизмат и археолог, академик 11
Ярослав Владимирович, князь, сын князя серпуховского и воровского Владимира Андреевича 91
Ярослав (Георгий) Владимирович Мудрый, князь, сын великого князя Владимира Святого, великий князь киевский (ок. 978-1054) 102

Акатово, населенный пункт в Московской области 67
Акатово, курганная группа, самая разноэтничная, где помимо семилопастных височных колец встречены браслетообразные, ромбощитковые и овальнощитковые височные кольца, свойственные жителям Новгородской земли. Расположена на р. Пехорке 168
Алексеевка 2, селище — общинный центр в Щелковском р-не на р. Воре 43
Андреевское, селище близ Звенигорода 37, 49
Анциферово 3, селище — общинный центр, расположенное в 1,5 км южнее селища Куровское 1 в Орехово-Зуевском р-не на р. Нерской 35
Архангельское, городище XII в., возникшее на дьяковской основе, с прибрежно-овражной планировкой, в Красногорском р-не, на р. Москве 104
Балашиха, городище на р. Пехорке 99, 104
Баранова гора, городище, (Вышгород на Яхроме), частновладельческий княжеский город 129
Белоозеро, город 72, 73, 156
Беницы, сельское поселение на р. Протве в Калужской области 16, ИЗ, 162
Беницы, курганы с безурновыми кремациями на р. Протве в Калужской области 162
Берестов, волость духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича (ок. 1389 г.) 113
Беседский большой курган в Ленинском р-не 152, 153
Беседы, одно из древнейших подмосковных селищ с керамикой роменского облика, в Ленинском р-не близ р. Москвы 19, 30
Беседы, курганы, где семилопастные височные кольца сочетаются с браслетообразными, в Ленинском р-не 163
Беспута, река, левый приток Оки 72
Биостанция МГУ, курганы, где семилопастные височные кольца сочетаются с браслетообразными, близ Звенигорода. Раскопаны полностью 163
Битца, река, правый приток р. Москвы 5
Битягово (Битяговское), селище на р. Рожайке в Домодедовском р-не 17, 46
Бобровницы, пункт уставной грамоты Ростислава Смоленского в нижнем течении р. Протвы ИЗ
Боголюбово, княжеская резиденция близ Владимира 114
Богослово 1, селище в Ногинском р-не на р. Клязьме 35
Большая Вяземка, река, правый приток р. Москвы 81
Борисоглебский погост, городище XIII — XV вв., возникшее на дьяковской основе, с мысовой планировкой, в Подольском р-не на р. Пахре, в XIV в. — феодальная усадьба 129
Боровицкий холм в Московском Кремле 75
Боровск (Боровец), волость 90
Боровск, город, упомянутый в летописях и в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей, в Калужской обл. на р. Протве 10, 72, 73, 85, 86, 90, 91, 126, 127
Боровский курган, городище конца XI — XIV вв., с островной планировкой, укрепленный центр сельских общинников, в Раменском р-не на р. Москве 32, 81, 92, 93, 99, 117-119, 123, 129
Боршевское городище XII—XIII и XV—XVI вв., возникшее на дьяковской основе, с прибрежно-рядовой планировкой, укрепленный центр сельских общинников, в Раменском р-не на р. Москве 80, 82, 92, 93, 97, 117-119, 123
Боршево 2, селище близ Боршевского городища 18
Бродничь (Бортничев Брод), пункт доконченной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязянским Олегом Ивановичем 72
Бронницы, город в Раменском р-не на р. Москве 80
Брошевская (Боршевская) волость духовной Ивана Калиты 80
Вантит, город в земле вятичей, по Б. А. Ры-

бакову 62
Верея, город, возникший в XIV в., в Наро-Фоминском р-не на р. Протве 10, 64, 72, 73, 83, 85, 86, 90, 92, 126, 127, 129
Верхогрязье, курганная группа под Звенигородом, где А. Д. Чертков произвел первые в Подмосковье раскопки курганов 147
Владимир (Володимер), город 19, 23, 110, 111, ИЗ, 114, 134
Владимиро-Суздальское княжество 3, 80, 107, 110, 112, 134, 168, 173, 174
Вишенка, курганы на средней Истре, входящие в вятичский ареал 164
Волгуша, река, левый приток Клязьмы 67
Волоколамск (Волок Ламский), город на р. Ламе 23, 62, 64, 67, 73, 80, 84-86, 90, 93, 99, 100, 102, 103, 114, 120, 127, 173
Волочек (Волочек Зуев XVI в.), пункт на пути следования князя Георгия в летописных событиях 1209 г. Расположен на левобережье р. Клязьмы НО, 111
Волыншина, курганы на средней Истре, входящие в вятичский ареал 164
Воронцово, курганы с трупосожжениями в Можайском р-не на р. Москве 164
Воря, волость 129
Воря, река, левый приток Клязьмы 28, 36, 42, 43, 49, 53, 67
Вохонка, река, правый приток Клязьмы 35
Вошана, река, левый приток Оки 72
Вышгород Верейский, город 79
Вышгород на Протве, город 10, 73, 80, 86, 90, 104, 114, 120, 127, 129
Вышгород на Яхроме, город 87, 90, 127, 129
Вяземское, пункт духовного завещания Ивана Калиты, расположенный на территории современного с. Успенского в Одинцовском р-не 81
Галич, город в современной Костромской обл. 72
Георгиевский погост XIX в. 81
Гжель, селище в Раменском р-не на р. Гжелке 37
Голубино, пункт на пути следования войск князя Георгия в летописных событиях 1209 г., в современном Киржачском р-не Владимирской обл. 110, 111
Голубинский лес, современный микротопоним близ летописного с. Голубино 111
Гольево, городище XII—XIII вв., возникшее на дьяковской основе, с прибрежно-овражной планировкой, в Красногорском р-не на р. Москве 118
Городена, волость 129
Городена, курган высотой 4 м в Коломенском р-не на р. Москве 157
Городенка, река 5
Городище (Кашира), городище в Ступинском р-не 124
Городище за Яузою в Москве 74
Городищенское, городище близ Коломны 75
Городищи, городище на северном берегу Тростянского озера в Рузском ,р-не 48, 82, 117, 119, 134
«Городок» в г. Звенигороде, городище 75, 78
Горышкино, курганы с кремациями в урнах совместно с ингумациями, в Одинцовском р-не 160, 162
Грехов ручей, селище в Угличском р-не Ярославской обл. 16
Григорово, курганы, где семилопастные височные кольца сочетаются с браслетообразными. Группа раскопана полностью. Расположена в Рузском р-не на р. Москве 163
Громково, курганы в Щелковском р-не на р. Воре 157
Грызлово 1, городище XII—XV вв. в Ступинском р-не на р. Лопасне 129
Дедиловский уезд, на правобережье р. Оки 72
Десна, селище XI—XIII вв. в Ленинском р-не на р. Незнайке, общинный центр 17, 18, 31, 34, 46
Дмитров, город 5, 10, 23, 61, 62, 64, 73, 75, 77, 78, 84-87, 90, 91, 99, 104, 114,117, 120,127, 132, 134
Доброчков, пункт уставной грамоты Ростислава Смоленского (верховья р. Нары) 113
Добрятино, пункт уставной грамоты Ростислава Смоленского (окраина г. Подольска), на р. Пахре ИЗ
Дороги:
Большая Покровская на Владимир 111
Брошевская (Боршевская), один из вариантов дороги в Орду 32, 83
Дорогобуж, город в Смоленской обл. 113
Дракино, селище (летописный Лобынск) с мысовой планировкой, в Серпуховском р-не на р. Протве 92, 95, 100
Дрезна (Дроздна), река, правый приток Клязьмы 5, 110, 111
Дубок, пункт докончальной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем 72
Дьяково городище в Москве 75, 93, 100, 101, 117
Дьяково, курганы на средней Истре, входящие в вятичский ареал 164
Еганово, курган высотой 5 м в Раменском р-не на р. Москве 157
Еганово, курганная группа близ селища Заозерье в Раменском р-не 32
Жадемль, пункт докончальной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем 72
Жадене городище, пункт докончальной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем 72
Загарье, волость духовной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича. Расположена на р. Гжати, притоке Волги ИЗ

Залесская земля 115
Занеглименье, район Москвы 74
Заозерье, селище, общинный центр IX—XIII вв. в Раменском р-не на р. Москве 19, 30, 32
Зарядье, район Москвы 74, 75
Захряпинская курганная группа со смешанными височными кольцами в Рузском р-не на р. Рузе164
Заяузье, район Москвы 74
Звенигород, город, возникший в XII в. на новом месте, с прибрежно-овражной планировкой 64, 65, 85—87, 90, 91, 99, 104, 113, 114, 115, И7, 120, 127, 130, 132, 147, 173
Звенигородская волость 90
Звенигородские леса 7
Зосимова пустынь, могильник, где встречены намогильные камни в виде валунов. Расположен в Наро-Фоминском р-не на р. Березовке (приток Нары) 169
Ивановское, курганы в Подольском р-не на р. Рожае (приток Пахры) 157
Ильинский погост, городище XII—XIII вв., возникшее на дьяковской основе, с прибрежно-овражной планировкой, в Истринском р-не на р. Истре 118
Искона, смоленская волость ИЗ
Искона, река 67, ИЗ
Исконская слободка («свободка»), пункт духовных грамот московских великих князей. Расположена по левобережью верхнего течения р. Москвы ИЗ
Истра, река, левый приток р. Москвы 7, 36, 67, 157, 164
Исходка, река, правый приток р. Пахры 56
Каблуково, 1, 2, курганы в Щелковском р-не на р. Воре 157
Калуга, город 67
Канев, город 9
Карабчеево, городище XII—XIII вв., возникшее на дьяковской основе, с мысовой планировкой, в Коломенском р-не на р. Оке 117
Кашин, волость на левобережье р. Волги, близ устья Медведицы 72
Кашира, город 73, 90, 91, 99, 124, 127, 129
Кашира, река, левый приток Оки 73
Киев, Киевская земля 14, 115, 156
Клещин, племенной поселок рядом с Переяславлем-Залесским 134
Клинско-Дмитровская гряда, северная часть Смоленско-Московской возвышенности 5
Клязьма, река, правый приток р. Москвы 5, 7, 19, 23, 28, 30, 35, 36, 56, 67, 110-112, 152, 157, 168, 174
Коломна, город 19, 23, 32, 62, 64, 65, 72, 75, 78, 84-87, 90-93, 97, 100-103, 111, 112, 114, 115, 120, 126, 127, 132, 173
Колтарево, селище XII—XIII вв. в Одинцовском р-не на р. Москве 35
Колтеск, древнерусский город на правом берегу р. Оки 73, 107
Колтово, село на правом берегу р. Оки 107
Колычево 3, крупное селище XIV—XVII вв, на территории Коробовской земли XV в., в Домодедовском р-не на р. Пахре 56
Кольчуга (Кольчугино, Кальчугино), городище XII —XV вв. в Одинцовском р-не на р. Москве 124, 129
Кораллово, курганы, где есть безурновые кремации с остатками семилопастных височных колец. Расположены близ г. Звенигорода 162
Коробовская земля, вотчина, некогда принадлежавшая Федору Дютьке, известная по серии актов конца XV в., в современном Ленинском р-не 56
Косино, курганная группа, в которой в октябре 1886 г. Н. И. Лыжин раскопал 26 курганов. Расположена в Люберецком р-не 147
Красный Стан 2, курганная группа, в которой есть безурновые кремации. Расположена в Можайском р-не на р. Москве 162
Кремль Московский 65, 74, 75, 97, 100—102, 117
Кузнецовка, кривичские курганы в Мытищинском р-не, на правом берегу р. Учи, притока Клязьмы 162
Куликово поле 126
Кунцевское городище в г. Москве 38, 39, 81, 82, 97, 117, 118, 123
Куровское 1, курганы в Орехово-Зуевском р-не 35
Куровское 1, 2, 3, селища в Орехово-Зуевском р-не 35
Лебедка, курганы, по мнению Г. Ф. Соловьевой, одновременные латгальским. Расположены в Урицком р-не Орловской обл. 162
Летовка, река, приток р. Цны 111
Листвяны, кривичские курганы на правобережье р. Клязьмы в Мытищинском р-не 168
Литова, пункт стояния рязанского князя Кюр Михаила в летописных событиях 1209 г. 110, 111
Лобынск, летописный город в современном Серпуховском р-не на р. Оке 84, 86, 92, 95, 114
Лопасна (Лопастна), волостной центр Московской земли на правом берегу р. Оки 65, 72, 73, 84, 85-87, 90, 104, 107, 114, 120, 127, 129, 134
Лопасня, река, левый приток р. Оки 73, 107
Лопастенское селище на терррритории д. Рыбаки на берегу оз. Круглого в Дмитровском р-не 49
Лопотово, курганы в бассейне р. Истры, где имеются погребения с семилопастными височными кольцами 164

Лужа, город в бассейне р. Протвы 72, 73, 85, 90, 91, 126, 127
Луковня, городище XI—XIII вв. на р. Пахре с перешеечной планировкой 48, 82, 93, 97, 99, 100, 117-119, 123, 127, 134
Людовка, река левый приток р. Москвы 56
Макаровка (летописная Лопастна), городище на правобережье р. Оки 72, 107
Малино, село на левобережье р. Каширки 73
Малоярославец, город 80, 91
Марининская волость Борисоглебского стана XVI в. 111
Медынь, волость на р. Шане, левом притоке р. Оки 67
Мезенка, река, левый приток р. Москвы 111
Мерска см. Нерская
Мещерка, волость 67
Мещерская низина, в восточной части Московской обл. 5, 28
Михайловское, селище на р. Москве в Одинцовском р-не 49
Михайловское, могильник XIV—XV вв. на р. Воре, где встречены намогильные валунные камни. Расположен в Пушкинском р-не 168, 169
Михневский р-н Московской обл. 111
Могутовское (Шерна-городок), городище XIII—XIV вв., в XV в. частновладельческий княжеский город, в Щелковском р-не 124, 129
Можайск, город 5, 23, 64, 67, 80, 84—87, 90, 91, 99, 104, 114, 120, 127
Молога, волость на нижнем правобережье р. Мологи, впадающей в Волгу 72
Монастыри:
Богоявленский в Москве 48
Волоколамский 102
Пантелеймонов в Новгороде 11
Симонов в Москве 48
Троице-Сергиев 48, 111
Юрьев в Новгороде И
Морозово, деревня на левом берегу р. Пажи, в Загорском р-не 56
Мосеево, городище XIV в. с прибрежно-овражной планировкой близ р. Москвы, в Рузском р-не 127
Москва, город 1, 5, 19, 23, 28, 35, 48, 61, 65—67, 72-75, 78, 81, 83-87, 91-93, 97, 100-ЮЗ, 109-116, 120, 126, 127, 132, 152, 160, 173, 174
Москва, река 5, 7, 17, 19, 23, 28, 30, 32, 35, 36, 48, 49, 56, 67, 79, 82, 83, 93, 97, 102, 104, 110-113, 129, 134, 153, 155, 157, 163, 164, 168
Москворецко-Окская равнина 5, 28
Москворецкая улица в Москве 75
Москворечье 64
Московская губерния 147
Московская земля, Московское княжество 3-5, И, 16, 19, 23, 28, 30, 32, 35, 36, 48, 56, 61, 63, 64-67, 72, 73, 78, 84, 86, 87, 92, 97, 99, 100, 104, 107, ИЗ, 123, 126, 132, 133, 157, 160, 163, 168, 173, 174
Московская область 153
Мстиславль, уезд докончальной грамоты 1382 г., на правом берегу р. Москвы 72
Муром, город во Владимирской обл. 23, 134
Муромцево 2, селище — общинный центр на р. Плаксе в Пушкинском р-не 43
Муромцево 2, курганный могильник в Пушкинском р-не 43
Мушков погост, центр волости Мушкова гора XIV в., в Истринском р-не 67
Мытищи, топоним в верховьях р. Яузы 23
Нара, река, правый приток р. Оки 7, 67, ИЗ, 130, 173
Неглинная, река в черте г. Москвы, левый приток р. Москвы 75, 103
Неждино, городище XII—XIII вв., возникшее на дьяковской основе, с мысовой планировкой, феодальная усадьба. Расположено на р. Рузе в Волоколамском р-не 48, 81, 93, 117, 118, 119, 123, 134
Незнайка, река, левый приток р. Десны 18, 34, 110
Никольское, село в Московской обл. 67
Новгород Великий, Новгородская земля 15, 23, 61, 156
Новгород (Новъград) Нижний, город 67
Новинки, курганы с безурновыми кремациями, в Можайском р-не 162
Новый городок, город («почен») близ устья Протвы, в Серпуховском р-не 73, 85, 86, 127
Оболенск, город, возникший в XIV в. на р. Протве в Калужской обл. 72, 80, 85, 87, 126, 127
Овсянниково, населенный пункт в Можайском р-не 67
Одинцово, селище XII—XVII вв. в Одинцовском р-не на р. Самынке 17, 47
Одинцовские курганы близ Жуковского селища в Одинцовском р-не 34
Озерецкое, разрушенное кладбище XIV — XV вв. в Дмитровском р-не, к югу от оз. Нерское 169
Озерна, река, левый приток р. Москвы 28
Ока, река 5, 24, 28, 36, 67, 73, 91, 95, 104, 107, 112, 134, 152, 154, 155, 157, 168
Орехово-Зуево, город 111
Пажа, река, левый приток Вори 53
Парамоново, городище XI—XIII вв. на р. Волгуше в Дмитровском р-не 93, 100
Патриаршие палаты (дворец) в Московском Кремле 115, 117, 126
Пахра, правый приток р. Москвы 17, 19, 28, 30, 32, 36, 48, 53, 56, 82, ИЗ, 129, 160
Пенино, селище XII— XVII вв. в Ленинском р-не на р. Незнайке 34
Перемышль Московский, город в Московской земле. Сейчас городище у д. Татарское Сатино в Подольском р-не на р. Моче

64, 65, 79, 80, 85-87, 90, 91, 97, 99, 104, 114, 117, 120, 127, 129, 130, 132, 134
Переяславль Залесский, город 23, 111, 134
Пехорка, река, правый приток р. Москвы 168
Писково, селище XII—XIII вв. на притоке р. Десны — р. Незнайке близ пос. Десна, в Ленинском р-не 18, 34, 46, 47
Поваровка, курганы в верховьях р. Клязьмы, вне пределов вятичского ареала, в Солнечногорском р-не 168
Поворино, курганы в бассейне р. Истры, где имеются погребения с семилопастными височными кольцами, в Солнечногорском р-не 164
Покров, городище XII—XVII вв. на левом берегу р. Пахры в Подольском р-не 129
Покров 5, селище близ городища Покров на р. Пахре 19, 30
Покров, курганы на средней Истре, входящие в вятичский ареал, в Истринском р-не 164
Покров, Шарково, городище XII—XIII вв., возникшее на новом месте, с прибрежно-овражной планировкой, в XIV в. — феодальная усадьба, в Рузском р-не на р. Рузе 104, 129
Потаповские курганы, в Ленинском р-не, в бассейне р. Десны 147
Прорваниха, ручей, правый приток р. Талицы 43
Протва, река, левый приток р. Оки 10, 72, 85, 86, 90, 92, 104, ИЗ, 114, 120, 127
Протопопово, городище XII—XIII вв., возникшее на дьяковской основе, с прибрежно-овражной планировкой, в Коломенском р-не на р. Оке 97, 124
Псков, город 11, 36
Радонеж, княжеский владельческий город в Загорском р-не. Городище XIV—XVII вв. имеет перешеечную планировку 64, 75, 77, 86, 91, 127, 132
Раменка, волость 67
Репна, волость XIV в., близ Боровска 90, 129
Ржев (Ржева), город в Смоленской обл. 67
Рожайка, река, правый приток р. Пахры 90, 129
Рождествено и Зеленково, курганы в бассейне Истры, где встречаются смешанные (семилопастные и браслетообразные) височные кольца 164
Ростиславль, город на правом берегу р. Оки 73, 80, 134
Ростов Великий, город 23, 103, 134
Ростово-Суздальская земля, Ростово-Суздальское княжество 3, 23, 62, 107, 109, 110, ИЗ, 114
Рязанские места, территория по левобережью р. Каширки 73
Руза, город 64, 78, 85-87, 90, 124-127, 132
Руза, река 67, 81, ИЗ, 117, 127, 134
Рязанское княжество 3, 107, 110, 112, 113, 114, 173
Рязань, город 19, 67, 72, 112, 157
Савино, курганы в верхнем течении р. Москвы в Рузском р-не 164
Сальникова будка, селище XIV—XVII вв. в Загорском р-не 56
Саркел —Белая Вежа, древнерусский город на левом берегу Дона, близ современной станицы Цимлянской 62
Сарское городище. Расположено рядом с Ростовом Великим 114, 134
Саурово, селище XI—XIII вв., общинный центр на правом берегу р. Клязьмы, в Павлово-Посадском р-не 30, 35
Сверилеск (Свирельск), город, упомянутый в летописях. Точное местоположение неизвестно 65, 84, 87, 107
д/о «Связист», городище XI—XV вв. близ г. Звенигорода 93, 100, 129
Северка, река, левый приток р. Москвы 28, 36, ИЗ, 130, 173
Северная Буковина 64
Серафимо-Знаменский скит, курганы на притоке р. Пахры — р. Рожайке 157
Серафимо-Знаменский скит, селище XII — XIV вв., напротив с. Битягово 17, 46, 47, 57
Серпухов, город 64, 85—87, 90, 91, 114, 126, 127
Смоленск, город ИЗ
Смоленская земля, Смоленское княжество 3, 15, 107, 113, 114, 123, 168, 173
Солигалич, древнерусский город, расположенный в верховьях р. Костромы, впадающей в Волгу 73
Сосенка, река, правый приток Пахры 5
Спас, село в Красногорском р-не на р. Москве 129
Спас-Тушино 1, городище XII —XVII вв., возникшее на дьяковской основе, с мысовой планировкой, в XIV в. — феодальная усадьба, в Красногорском р-не на р. Москве 83, 93, 129
Старая Кашира см. Кашира
Старая Руза, городище XI —XIII вв. с прибрежно-овражной планировкой, в Рузском р-не на р. Рузе 93, 100, 126
Староволоцкое, село близ Волоколамска 102
Старолетово, деревня на р. Летовке, притоке Цны 111
Стрелково, курганы в Подольском р-не, на р. Пахре 160, 162
Стрелково, селище IX—XIII вв. на р. Пахре, общинный центр, в Подольском р-не 19, 30, 160
Суздаль (Суждаль), город 23, 114, 134, 156
Суздальская земля, Суздальское княжество 23, 79
Сходня 1, исследованное домонгольское селище, в Химкинском р-не 47
Таруса, город в Калужской обл. на р. Оке 67
Татарово, селище XII—XIII вв. на западе

современной Москвы, на р. Москве 18
Теплостанская возвышенность, северная часть Москворецко-Окской моренно-эрозионной равнины 5, 28
Тверь, город 23, 110
Тешилов, древнерусский город на правом берегу р. Оки, в Серпуховском р-не, городище XII—XIV вв. 73
Тмутаракань, древнерусский город 62
Тов, волость XIV в. Местоположение неясно 67
Торческ, летописный город, расположенный в бассейне р. Росы, правого притока Днепра 62
Третья слобода д. Морозово, селище XIV — XVII вв. в Загорском р-не, в бассейне р. Пажи 53, 56
Троица, город в Московской земле, по М. Г. Рабиновичу, совр. Загорск 64
Тростенское озеро (в восточной части Рузского р-на) 82, 117, 118
Тушино, городище (Спас-Тушино 2) XII — XI11 вв. в г. Москве на р. Сходне 75
Тушинский курган. Раскопан Р. Л. Розенфельдтом в 1967 г. в Москве 157
Тушков, городище XI —XVI вв. с мысовой планировкой, ремесленный центр в XII в., в XIV в. — частновладельческий княжеский город, в Можайском р-не на р. Москве 12, 64, 65, 78, 79, 87, 93, 97, 100, 101, 117-119, 123, 127, 129, 132, 162
Тушков городок, курганы, где есть безурновые кремации, в Можайском р-не 162
Уборы, курган высотой 2,5 м в Одинцовском р-не на р. Москве 157
Углече (Углечо) поле 23
Углич, город 72
Угра, река, правый приток р. Жиздры 67, 154
Успенское, городище XI—XIV вв. в устье р. Б. Вяземки, с перешеечной планировкой, укрепленный центр сельских общинников 32-34, 80, 93, 99-101, 117-119, 123, 129
Успенское, село в Одинцовском р-не 81
Усть-Нерска, волость близ р. Нерской 36
Уча, река, правый приток р. Клязьмы 157
Филевское 1 и 2 селища, в Филевском парке г. Москвы на р. Москве 39
Филимоново 1 и 2 селища XIV—XVII вв., расположенные у д. Филимоново в Пушкинском р-не 56
Фоминское, курганы, расположенные в 1,5 км к юго-западу от пос. Десна. Имеются безурновые кремации. Расположено в Наро-Фоминском р-не на р. Десне 34, 162
Фоминское, селище XII —XVII вв. в Наро-Фоминском р-не на р. Десне 34
Хордаб городе в земле вятичей, по Б. А. Рыбакову. Местоположение неясно 62
Хотунь, городище XII—XV вв., возникшее на новом месте, с мысовой планировкой, в XIV в. — частновладельческий город, в Ступинском р-не 80, 87, 91, 104, 114, 120, 127, 129
Царево, городище и селище на правом берегу р. Прорванихи, притока р. Талицы, в Пушкинском р-не 43, 129
Царево 1, курганная группа, расположенная в 55 м к юго-западу от селища Царево 1, в Пушкинском р-не 43
Цна, река, левый приток Оки 67, 111
Чернигов, город 157
Черниговская земля, Черниговское княжество 3, 107, ИЗ, 134, 155, 168, 173, 174
Чехия 5
Числов, волость духовной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича (ок. 1389 г.) 113
Шаньково и Почепок, курганы, с которыми А. В. Арциховский сближал большой Беседский курган. Расположены на Дону 153
Шейка, курганы в бассейне Истры, где встречаются смешанные (семилопастные и браслетообразные) височные кольца, в Истринском р-не 164
Шередера, река, левый приток Клязьмы 111
Шерна-городок, пункт духовных грамот московских князей (Могутово городище) 87, 99, 124, 129
Шерна, река, левый приток Клязьмы 19, 36, 67
Шишимрово, курганы, где семилопастные височные кольца сочетаются с браслетообразными, в Можайском р-не на р. Москве 163, 164
Юлка, переяславская волость 67
Юрьев-Польский (Повольский), город 23, 134
Ярополч-Залесский, город 134
Ярославль, город 134
Ярославская область 16
Ясенево, село, близ которого М. П. Погодин локализовал с. Голубино, на территории современной Москвы 111
Яхрома, река, правый приток р. Сестры 10, 90, 126, 129
Яуза, река, левый приток р. Москвы 23, 74

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ	— Археологические известия и заметки. М.
АО	— Археологические открытия. М.
АС	— Археологический съезд
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории. М.
ВИ	— Вопросы истории
ВЛУ	— Вестник Ленинградского университета
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ	— Исторические записки
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИОЛЕА	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИРМ	— Музей истории и реконструкции Москвы
МОИМ	— Московский областной краеведческий музей
ОПИ	— Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ. М.
ПКМГ	— Писцовые книги Московского государства. М.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАО	— Русское археологическое общество
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ..... 5

Глава первая
СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ..... 11

История изучения сельских поселений..... 12
Вопросы хронологии селищ..... 18
Классификация сельских поселений..... 24
Славянские сельские поселения Подмосковья IX—XI вв..... 30
Селища XII—XIII вв..... 36
Селища XIV в..... 48

Глава вторая
ГОРОДА И ГОРОДИЩА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XI-XIV вв..... 61

Историография вопроса..... 61
Города и политическая история Московской земли..... 66
История археологического изучения городищ Подмосковья..... 73
Письменные источники о городах Московской земли..... 84
Вопросы хронологии городищ..... 92
Городища, возникшие в XI в..... 93
Городища XII в.: существовавшие ранее и возникающие вновь..... 104
Городища XIII в.: существовавшие ранее и возникающие вновь..... 124
Города и городища XIV в..... 126

Глава третья
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XI-XIV вв. . . . 147

История изучения..... 147
Летописные свидетельства о вятичах и кривичах..... 155
Топография курганных групп и их количественный состав..... 156
Курганы с трупосожжениями..... 160
Курганы с трупоположениями 163
Погребальные памятники XIV в..... 168

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 173

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ КОНЦА IX-XIV вв..... 175

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН..... 186

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ..... 190

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 196

6 **р.** 70 **к.**

Того же лъта съде Иванъ Данилович(ь) на великомъ княженїи всея Руси и бысть оттолъ тишина велика на 40 лъть и преста ша поганїи воевати Русскую землю и закалат[и] христіанъ и отдохнуша и упочинуша христіане оть великыя истомы и многыя тягости и отъ насиліа татарьскаго и бысть оттолъ тишина велика по всеи земли.

Рогожский летописец. Т. XV. Вып. 1. М., 1965. Стлб. 44.